

A composite image. In the foreground, a woman with long dark hair is shown in profile, looking towards the right. She is holding a lit cigarette in her right hand. The background is a faded, historical-style illustration of two figures on horseback. The figure on the left is wearing a dark uniform and a helmet, riding a brown horse. The figure on the right is wearing a lighter uniform and a cap, also on a horse. The overall scene is set in what appears to be a modern office or meeting room, with a table and chairs visible in the background.

Наталья Гриневич

**ТО, ЧТО
НЕ ИСЧЕЗАЕТ
ВО ВРЕМЕНИ**

Двести лет назад, после взятия русскими войсками и их союзниками Парижа в 1814 году, молодой гусар Михаил Бронькин привозит в Россию сокровище, которое становится фамильным. Оно передается по наследству и всплывает почти через сто лет — в 1917-м, когда обедневший дворянин Андрей Бронькин вынужден продать его за бесценок. Фамильная драгоценность оседает в необычном тайнике еще на сто лет, и только в наши дни на нее начинается охота.

Сокровище, как лакмусовая бумажка, проявляет настоящий облик всех, кто вольно или невольно соприкасается с ним.

Капитану Алле Сергеевне Смагиной, ведущей это необычное дело, тоже приходится нелегко.

По сельской дороге мимо широко раскинувшихся полей не торопясь ехали два всадника — офицеры легкой кавалерии Александрийского гусарского полка Петр Краснов и Михаил Бронькин. Им сегодня «повезло» сопровождать интендантский обоз для сбора фуража. Русские войска вместе с союзниками две недели как вошли в Париж, и нехватка сена для лошадей стала весьма ощутимой проблемой. Офицерам и обозникам приходилось тащиться по жаре до ближайших деревень. Скука, конечно, смертная, но ничего не попишешь!

— А что, Мишель, как вам вчерашний вечер?.. Понравилась мадемуазель? — от нечего делать подшучивал над младшим товарищем Петр Краснов, статный чернявый красавец лет тридцати, с пышными усами.

— Какая из них? — пытался отбиться Михаил Бронькин, молодой человек, недавно поступивший на службу. Собственно, взятие Парижа — была его первая военная кампания.

— Ха-ха! Так их было несколько! Поздравляю, юноша! Вы делаете успехи. Так и что? — не отступал Краснов.

Бронькин, который мало что помнил о вчерашнем приключении по причине обильного возлияния, никак не мог придумать достойный ответ. К тому же его мутило, и солнцепек совсем не способствовал прояснению в голове.

— Жарко, поручик. Сейчас бы квасу холодного...

— Какого квасу, Мишель! — Краснов протянул товарищу фляжку. — Вот, выпейте. Легче станет. Эх, умеют французы делать вино! — Краснов посмотрел сначала на Бронькина, который, морщась, глотнул теплого вина, потом в сторону немного отставшего обоза и, не найдя лучшего развлечения, продолжил «натиск»: — А черненькая хороша была. Как ее звали, Мишель?

— Поручик?! — взвился Бронькин. — Это в конце концов...

— Да бросьте! — пошел на попятную Краснов. — Давайте пари. Кто первым доскачет до поворота. Вон там, где лесок, — предложил он, резко меняя тему, а то еще чего доброго вызовет юнец на дуэль, и придется пристрелить — жалко будет.

— Что на кону? — вяло спросил Бронькин, но глаза у него загорелись — он знал ход своего коня.

— Право выбора предоставляю вам, — великодушно уступил Краснов.

— Тогда... ваше венгерское седло! — азартно воскликнул Бронькин, забыв про свой недуг.

— А не многовато ли? — усмехнулся Краснов. — Впрочем, пари есть пари. — И, с лукавым прищуром посмотрев на товарища, он добавил: — А если выиграю я... мое седло останется у меня! — Краснов рассмеялся, а Бронькин завелся еще больше.

— Выбор сделан! — выпалил он. — Скачем!

Приземистая кобылка Краснова ходко пошла вперед. Бронькин отстал на два корпуса, но точно знал, что его вороной надаст перед финишем и опередит. Так и случилось. Примерно за полверсты до поворота он обогнал Краснова, задорно крикнув:

— Догоняйте, поручик!

Вороной галопом понесся дальше. И казалось, что все вокруг радуется вместе с молодым гусаром его бесспорной победе и роскошному призу.

А вот и лесок...

Бронькин не услышал выстрела, только качнулся назад и почувствовал, как что-то горячее разливается в груди. Он стал заваливаться набок и падать, но нога застряла в стремени. Разгоряченный конь потащил его по земле. Только кивер слетел с головы и остался лежать на запыленной дороге. Краснов выстрел услышал. Он видел, как падает Бронькин, понял, что стреляли из леса. Злой на себя, что устроил это идиотское пари, что обоз, по их милости, отстал и им некому помочь, он догнал и остановил вороного, освободил из стремени ногу несчастного, понял, что товарищ дышит, и, подложив ему под голову свой кивер, побежал к лесу.

Раздался еще один выстрел, но пуля просвистела мимо.

Краснов с пистолетом в руке углубился в лес — он видел среди деревьев спину убежавшего стрелка, но сам не стрелял. В лесу, да еще на бегу трудно попасть в цель.

Впереди показалась прогалина.

Убежавший неожиданно запнулся, вскрикнул и упал. Краснов подбежал к нему — возле раскидистого дуба лежал парнишка лет тринадцати, пистолет валялся неподалеку. Краснов выругался по-русски, а по-французки спросил:

— Кто ты?

Подросток ничего не ответил, глянул исподлобья и потянулся за пистолетом.

— Я тебе... — Краснов перехватил руку подростка и подобрал пистолет.

В это время из-за деревьев выскочила женщина и, причитая, кинулась сначала к парнишке, а потом к Краснову.

— Господин офицер! Господин офицер! Мсье! Пощадите! Дитя неразумное... — Она упала перед Красновым на колени.

— Встаньте, мадам. Да встаньте же вы, наконец! — Краснов помог женщине подняться. — Объясните толком, что здесь происходит?!

— Мсье, мой сын... Мой муж, офицер, он умер от ран. Там, — она показала рукой в сторону поляны, где стояла повозка, — мы не довели его. — Женщина разрыдалась, но быстро взяла себя в руки: — Мой сын... он решил отомстить... я не уследила...

— Черт!

Краснов не знал, что делать. Не убивать же в самом деле мальчишку? И женщина хороша... Видно, что не из простых.

Он огляделся. Обозники уже подтянулись к лесу.

Рядовой Семенов, крепкий, много повоевавший старик, без перевода догадался, что произошло, и теперь, стоя рядом с Красновым, ожидал указаний.

— Семенов! Покойника похоронить, лошадей конфисковать вместе с повозкой — повезем на ней нашего поручика Бронькина.

— Слушаюсь, ваше благородие!

Женщина, ничего не понимая, лишь смотрела то на офицера, то на солдат. Потом, когда из повозки стали вытаскивать тело ее мужа, она бросилась к дорожной сумке, достала из нее небольшой продолговатый футляр, подбежала к Краснову и в полном отчаянии торопливо заговорила:

— Мсье, я должна довести тело мужа и похоронить его дома... Это мой долг. Мсье, прошу вас. Мсье, я вижу, что вы благородный человек. Пожалуйста, возьмите! — Женщина, умоляюще глядя на Краснова, протянула ему коробочку, но, заметив неудовольствие, мелькнувшее в его глазах, поспешно добавила: — Это для вашего раненого! Прощу вас!

Под взглядом серых женских глаз, заплаканных, но от этого не менее прекрасных,

поручик сдался.

— Семенов! Положите тело обратно. Уходим, — распорядился Краснов, взял футляр, галантно козырнул даме и поспешил к раненому товарищу.

Поручику Бронькину повезло — пуля вошла неглубоко. Он потерял много крови, но уже через две недели чувствовал себя сносно. А через три месяца лихого гусара Бронькина встречали родные — конь под ним гарцевал, новое венгерское седло поскрипывало, а в дорожной сумке, на самом дне, покоилась коробочка с драгоценностью.

Глава 1

— Ну а как прошла вечеринка? — Алла ловко подхватила дольку лимона, отправила в рот, прожевала не поморщившись и, лукаво усмехнувшись, добавила: — Что-то ты, Алиса-лиса, не рассказываешь про вчерашнюю «гульбу»?

Полчаса назад подруги перешли из кухни в зал и сидели теперь на диване перед журнальным столиком, на который переключались две рюмки, початая бутылка коньяка, блюдец с нарезанным лимоном и открытая коробка конфет.

Алиса, как обычно, приехала неожиданно, но Алла радовалась каждой встрече со своей немного взбалмошной, резковатой подругой, которая хоть и была младше ее на десять лет, но умела трезво оценивать людей и обстоятельства и за словом в карман не лезла. Алла знала, что в случае чего-то серьезного Алиса ее не бросит и поможет, чем сможет.

А связи у общительной деловой Алисы имелись. Муж работал в нефтяной компании менеджером среднего звена. Как говорила сама Алиса, «средненького звена». И поясняла: «Хватка у него не та, поэтому ему лучше медленно ползти улиткой вверх, чем быстро лететь соколом вниз». Заметен был у Алисы хоть и неполный, но филологический багаж и «любовь» к Горькому.

Алла, конечно, сама привыкла решать свои проблемы, да и профессия обязывала — все-таки двадцать лет в органах. Однако после смерти родителей и развода ей не хватало вот такого общения: с полночными посиделками и душевными разговорами — дружеского участия, одним словом.

— Да не вчера, а в прошлую субботу, — поправила подругу Алиса. — И что там рассказывать? Всегда одно и то же: мужики, как всегда, меряются всем чем можно, хотя все знают, что по капиталам Бориса Аркадьевича никто не переплюнет, да и по другой части тоже. Он вообще в этот раз был в ударе — сыпал анекдотами, ухаживал галантно. — Алиса замолчала, потом нахмурилась, видимо, что-то вспомнив, но тут же продолжила в шутовском тоне: — И Люсик был. Уже не знаю, как от него отвязаться!

— А дамы?

— А что дамы? Дамам надо «чешуей блеснуть». Сальникова всю шею бриллиантами обвесила, а Наталья Григорьевна рук не могла поднять — все пальцы в перстнях с огромными камнями.

Алла невольно посмотрела на руки Алисы: знала, что та тоже любит носить по два-три кольца на каждой руке. Алиса взгляд перехватила.

— Да у меня-то так, безделушки. Хотя могла бы... А Люсик...

— ...Павел в командировке? — Алла решила сменить тему: от Люсика подруга «отвязывается» уже год.

— Позавчера еще мой «нефтяник» укатил. Слушай, а у тебя же скоро день рождения!

— Да, через месяц... — вяло отреагировала Алла, что тут же было отмечено Алисой.

— Всё идет «по плану происшествий»?

— Как всегда, — засмеялась Алла, — отмечаем в отделе.

Когда-то, еще в начале своей трудовой милицейской деятельности, Алла работала с Анатолием Юрьевичем Криулиным, известным криминалистом, неизменной фразой которого была: «Ну что, всё идет по плану происшествий?» А произносил он ее во время или

после выходных, а чаще в новогоднее дежурство. Больше всего происшествий случилось именно в эти дни, да и сейчас та же статистика. Алисе эта фраза понравилась, и она иногда примеряла ее уже для других ситуаций.

Алла, помолчав, добавила:

— Могут отправить на заслуженный отдых. Мне Галка из бухгалтерии шепнула. Снова реорганизация намечается. Вроде на мою должность кто-то там метит или его метят... А, давай еще по рюмочке.

— А Галка откуда знает?

— У нее свекор, — показала пальцем вверх Алла.

— И что, станция Вылезай? — Алиса взяла рюмку, чокнулась, но пить не стала, за рулем. — Да не расстраивайся ты. Будешь на Рублевке горничных на чистую воду выводить. А что? Деньги те же, если не больше, а хлопот меньше. «Частный детектив» — звучит!

— Ага, «честный» — еще лучше.

— Нет, вот вчера Ащеуловы рассказывали: вещи стали в доме пропадать, деньги... Понятно, они их не считают, но...

— ...но реагировать надо. Они-то как раз считают, поэтому и на Рублевках живут, — усмехнулась Алла и тут же серьезно спросила: — У них камер, что ли, нет? Что камеры показывают?

— Ну, погнали наши городских — сыщик проснулся! Точно тебе надо идти в детективы, если сократят. Ты же зачахнешь без своей работы. Тебе ж надо «кипеть, шипеть и пузыриться».

— Да, «искать, ловить и наказывать»!

— Вот-вот!

— Нет, Алиска, как-то я не жажду погружаться в эту пучину...

— ...рублевских страстей?

Они посмеялись, посидели еще немного, и Алиса стала собираться домой.

— Может, останешься? Поздно уже. Постелю тебе здесь на диване, — предложила Алла подруге.

— Нет, ты рано встаешь. Тебе на работу надо, а мне поспать. А спать лучше дома. Ты же знаешь, как я люблю поспать, — разглагольствовала Алиса, застегивая изящный норковый полушубок. — Сейчас я на своей «машеньке» быстро доеду.

— Ты машину еще не поменяла?

— Нет. Оставила «машку» до лета, а там посмотрим. Ой, «машуню». Еще рассердится — встанет в неподобающем месте, и придется тебе нас выручать. — Все машины были у Алисы «машунями» и «мишанями».

— Ладно, выручу, звони. И про мой день рождения не забудь, — напомнила Алла, закрывая за подругой дверь.

— Не кроши булки на верных подруг!.. — донеслось уже с лестницы.

«Вот Алиска! — хмыкнула Алла. — Последнее слово всегда должно остаться за ней».

Довольная, что хорошо посидели, она готовилась ко сну и мысленно перебирала услышанное от Алисы: «Как-то неохотно подруга о вечеринке рассказывала. Люсик ее, что ли, достал? Придумала — Рублевка! Там я еще не работала! Надо будет позвонить, выбраться к ней на йогу как-нибудь, пока она опять на очередной семинар не укатила».

Потом, лежа в постели, вспомнила, как дружили их семьи — квартиры располагались на одной площадке, как раз напротив друг друга. Двенадцатилетнюю Аллу частенько просили посидеть с двухлетней Алисой. Когда стала учиться в юридическом институте, помогала Алиске с уроками. И даже когда вышла замуж и переехала, приходила к родителям и общалась с повзрослевшей Алисой. После того как родители разменяли квартиру, связь оборвалась. Но пять лет назад они случайно столкнулись в магазине, и встречи, хотя и с разной периодичностью, возобновились.

Алиска, вдаренная в йогу, изотерику и прочее, год назад стала хозяйкой небольшого помещения, где, набрав штат, проводила занятия. Алла иногда там занималась: растягивала мышцы, укрепляла связки... Но регулярность «походов за здоровьем» отсутствовала напрочь — работа, ну и лень, конечно, да и Алиса часто «располагалась по местам силы», как она говорила. Уезжала в какую-нибудь лесную или горную глухомань и там, погружаясь в природную стихию, черпала силу. Алла иногда иронизировала по этому поводу, но в душе немного завидовала: ну круто же — захотела и всё бросила. И побоку все заботы — ты вне цивилизации!

***

Утром Алла привычно заскочила в свой троллейбус № 80 — машина после развода досталась мужу.

До родного ОВД Северное Медведково — четыре остановки. Можно и пешком, но зимой не хочется, да и выходить из дома тогда надо раньше.

А в этот раз ей даже место досталось — возле пожилой женщины. Она села: так и ехать удобнее, и поразмышлять о чем-нибудь. Всегда ведь есть о чем поразмышлять:

«Родительскую дачу еще осенью продала, а две коробки так и стоят неразобранные на балконе... Пойду в отпуск, займусь. Как бы этот отпуск не затянулся, если на пенсию отправят. А может, что-то предложат? Но всё равно надо самой подсуетиться... не дома же сидеть. Ой, моя остановка!»

Алла, как всегда, начала рабочий день с просмотра сводок происшествий. Сердце невольно екнуло, когда прочитала об аварии на пересечении улиц Широкой и Грекова в 23.25.

«Это же недалеко от меня. И машина: фиат, цвет светло-серый... Как у Алиски! И марка, и цвет. Она еще так смешно говорит, «цвет испуганной мыши». И вышла она от меня примерно в это же время. Да, было десять минут двенадцатого, когда я закрыла за ней дверь. Как раз доехать до того места, где случилась авария. Уфф... номер, по-моему, не Алискин. Но за рулем была молодая женщина!»

Алла схватила сотовый и набрала номер подруги. Абонент не отвечал.

«Дрыхнет!» — убрав эмоции, уверенно предположила Алла и вызвала Мишу Горлова, молодого, начинающего опера, исполнительного и всегда влюбленного во всех сотрудниц отдела, правда, без ответа.

— Миша, а выясни, пожалуйста, кто был за рулем фиата в аварии на Широкой? И что там вообще произошло?

— Будет сделано, Алла Сергеевна, — улыбаясь, заверил Михаил.

А через двадцать минут он уже снова появился в дверях.

— Алла Сергеевна, документов у водителя фиата не оказалось. За рулем находилась женщина. Она сейчас в больнице с травмой головы. Ничего опасного для жизни, но ее пока

лучше не беспокоить. Другой водитель с места происшествия скрылся. Свидетелей ищут, — радостно отчеканил Михаил.

— А фото есть?

— Есть. Сейчас скину. — Михаил, немного удивленный заинтересованностью начальства, в общем-то, рядовым просщствием, вышел из кабинета.

Через несколько минут Алла просматривала фото с места аварии: «Пьяный, что ли, был? Дорогу не уступил? Хорошо приложился. А девушка в коричневом полушубке. Надо же, и цвет полушубка тот же! Совпадение? Случайность?»

За двадцать лет работы Алла и не с такими совпадениями сталкивалась: например, в машину с номером 384 врезалась 385-я, а рядом проезжала 386-я, которая и сообщала об аварии. С буквенной аббревиатурой еще интереснее — ВОР «улетал» в РОВ, КОГ сталкивался с ТОКом.

Алла успокоилась — на фотографии видно было, что это не Алиска, — и занялась текущими делами.

Ближе к обеду Алиса позвонила сама.

— Привет, подруга! Мы вчера о чем-то недоговорили?! Что за утренние звонки во время моих эротических снов? — шутливо начала она разговор.

— Да я бы и не посмела вторгаться в твои цветастые сны, если бы не одно обстоятельство, — поддержала шутливый тон Алла.

— Аллочка, да что может быть важнее сна?

— Ничего! Ты права. Вот только еще одной девушке вчера не спалось. И врезалась в нее машина в 23.25 на улице Широкой.

— А я тут при чем?

— Да машина у нее марки «Фиат», светло-серая, и одета девушка была в полушубок коричневого цвета. Узнаешь ориентировочку?

— Понятно. Мой двойник. У-у-у! — зловеще начала подвывать Алиса. — Надеюсь, с моим двойником ничего серьезного не случилось?

— Травма головы. Не смертельная.

— Вот и хорошо. Когда на йогу придешь? Давай в субботу? Потом в кафе посидим.

— Надо, надо. Но не обещаю. Созвонимся.

— Вот всегда ты так! Не ангажируешь тебя «на тур вальса», — усмехнулась Алиса и отключилась. Последнее слово осталось за ней.

К концу рабочего дня выяснилось, что за рулем фиата была несовершеннолетняя Анастасия Юрьевна Пермякова, 2002 года рождения, которая, поссорившись с родителями, без спроса взяла их машину и, не проехав и километра, на улице Широкая с пересечением с улицей Грекова попала в аварию. Машину, которая на нее наехала, не помнит, не разглядела, так как было темно и находилась она в подавленном состоянии. Из больницы пострадавшую выписали. Машина и водитель, совершивший наезд, не найдены.

«Да, — подумала Алла, дочитав сводку до конца, — скорее всего, такой же «опытный» водитель. Врезался, испугался и уехал с места происшествия».

— Да кто же знал?! Темно...

— «Темно»! Такой шанс упустил! А если она разболтает?

— Да что она слышала-то? Что она поняла? Может, и зря пургу гоним?

— Зря не зря, а подстраховаться надо, пока не разболтала...

— Мальчики, о чем это вы так горячо беседуете? — В просторный рабочий кабинет, расположенный на втором этаже коттеджа, вошла дородная дама лет пятидесяти пяти. — Мне скучно, — кокетливо добавила она. — Виктор Семенович, приглашай гостя, ужинать будем.

— Наташа, мы сейчас. — Виктор Семенович с едва скрытым раздражением посмотрел на жену. — Пять минут. Мне с Кириллом договорить нужно.

— Жду-у-у, — протянула Наталья Григорьевна и вышла из кабинета, бросив многозначительный взгляд на Кирилла.

Выждав, пока затихнут шаги жены, Виктор Семенович повернулся к своему гостю. Он уже давно пожалел, что связался с глуповатым Кириллом Зубовым. Ему нужен был надежный помощник для всяких деликатных поручений. И пока эти поручения были мелкими, Кирилл справлялся. Но дело приближалось к решающей стадии, и на этом этапе «неповоротливый» родственник Егора Ащеулова не годился. Жаден, трусоват. Внешностью природа не обидела — высокий стройный брюнет, лицо — как с обложки глянцевого журнала, а вот мозгов маловато, одни непомерные потребности. Но Егор попросил пристроить. Как отказать другу детства, да и нужен был такой человек.

— Вот что, Кирилл, ты пока присматривай за «объектом». А там видно будет. Я еще подумаю. Пошли к столу, — пригласил он гостя и, усмехнувшись, добавил, глядя прямо в глаза Кирилла: — Наталья Григорьевна заждалась.

— А деньги? И ремонт, и всё... — произнес Кирилл, разводя руками.

— Ты своей машиной пока не пользуйся, бери служебную, когда нужно. Комбинируй, в общем, — быстро произнес Виктор Семенович, подойдя к столу, открыл расположенный слева небольшой ящик, вытащил оттуда конверт с деньгами и передал его Кириллу. — На.

Виктор Семенович направился к двери, Кирилл, заглянув в конверт, состроил весьма двусмысленную гримасу, которую при желании можно было истолковать как угодно, и поспешил за хозяином.

За столом сидели втроем. Разговор шел вяло и ни о чем. Сначала поговорили о погоде — зима выдалась теплая, снежная, помощник Василий не успевает дорожки разгрести. Вспомнив о Василии, тут же заговорили о расчистке дороги до Вешек, да и в самом поселке — деньги платим, а чистят нерасторопно. Потом отметили, что Нина, домработница, как всегда, на кулинарной высоте: и жаркое удалось, и салат у нее в этот раз получился особенно вкусным.

Наталья Григорьевна время от времени бросала нежно-озабоченные взгляды на Кирилла и думала о том, как бы остаться с ним наедине. Кирилл тоже посматривал на нее, но без энтузиазма, прикидывая, как бы еще «одолжить» денег у «старухи» и поехать играть. Виктор Семенович прекрасно всё видел и, легко читая тайные взгляды, усмехался про себя — скоро ему не нужен будет ни бестолковый помощник, ни надоевшая жена. Да, он поднялся на

капиталах и связях тестя, но когда это было. И вообще, подняться на верх одно, а удержаться там — совсем другое.

— Ну, мне надо еще поработать, — сказал, вставая из-за стола, хозяин дома, — я вас оставлю, чай буду пить потом.

— Да, Виктор, — оживилась Наталья Григорьевна. — Мы тут с Кириллом сами почаявничаем.

— Я позвоню, Виктор Семенович, — многозначительно произнес гость.

Когда за мужем закрылась дверь, Наталья Григорьевна с наигранным укором произнесла:

— Кирик, я же тебя ждала...

— Наталек, работа, работа. Я же звонил.

— Я ревную...

— И потом, ты извини, но я стеснен в средствах. Я не привык, чтобы за меня платила женщина!..

— Какие мелочи, Кирюша. Станешь богатым — рассчитаешься. Ну хочешь, я заведу на твое имя карту?

— Ммм... — Кирилл делано замялся.

— Значит, решили. Тогда встречаемся в пятницу там же. Закажи столик.

— Как скажешь. Ну ни в чем не могу тебе отказать, кошечка моя! Но... я могу понадобиться Виктору Семеновичу.

— Будем надеяться на лучшее.

Через час Кирилл, раздосадованный, что придется опять сидеть со «старухой» в ресторане — чтобы все видели, какого она мальчика отхватила, — ехал домой в Южное Медведково. Деньги, конечно, грели, но лучше бы все это побыстрее закончилось.

И вообще, пусть не держат его за мелкого порученца и за мальчика при богатой даме. Он им еще покажет. Это он будет в шоколаде. Он — молодой, красивый, успешный. Зря, что ли, в архивах столько сидел. Он не дурак, он два и два сложил. Его руками жар загрести хотят, а он на такое не подписывался. Если его руками, так и всё к нему в руки. Скоро, скоро...

Пошел снег. Сначала мелкий, малозаметный, потом повалил хлопьями, налипая на стекло машины так, что дворники едва справлялись.

Кирилл постепенно успокоился — дорога отвлекала, требовала внимания. К дому подъехал уставшим и сразу после душа завалился спать.

Глава 3. Москва, весна 1917 года

Дворник Прохор скалывал и собирал в кучу грязный лед, будь он неладен. Днем-то подтаивает, а ночью снова замерзает. Скоро уж темнеть будет, а он всё возится. Хорошо, хозяина нет. Как уехал с утра по делам, так и не вернулся еще. Видать, загулял.

Прохор служил у Араповых с двенадцати лет и хозяина знал как облупленного. Они с Фролом Фомичом были ровесниками.

«Сейчас пьяный приедет — только ворота открывай, может и огреть под горячую руку. Да и всем мало не покажется. Вот все и притихли — ждут. А уж как проспится на второй день, может и рублем одарить. Расспросит — он-то плохо помнит, кому вчера больше всего от него досталось, — и благодетельствует, чтоб, значит, грех на душу не брать и чтоб зла на него не держали.

Да в последний год часто хозяин гулять стал, и то: жена лежмя лежит — туберкулез, чтоб его. Не иначе помрет наша матушка Татьяна Алексевна скоро. И времена нынче беспокойные. — Печальные мысли о судьбе хозяина сменились у Прохора горестными рассуждениями о “судьбах народа”. — Царь отрекся — это ж надо? Это вот к чему? Власть-то сильной рукой надо держать! А то желающих много, а толку... Так и до свары недалеко. Да она уже началась. А кому страдать? Понятно — народу. Кому ж еще?»

Не успел Прохор додумать про народ, как подъехал «лихач».

— Открывай, Прошка! Чтоб тебя!.. — услышал Прохор голос хозяина и побежал неловко, боясь поскользнуться. Распахнул ворота, отпрыгнул в сторону, и вовремя: пролетка влетела во двор и остановилась у крыльца, только что не налетев на него.

— Помоги! — Из пролетки, пошатываясь, вывалился Фрол Фомич. — Давай... устал я нынче... А... всё прахом пойдет... Попомни мое, Фрола Фомича Арапова, слово!..

Купец второй гильдии Арапов не без помощи дворника доплелся до своих покоев и опустил на широкую кровать.

Вот здесь и наступал самый ответственный момент: если позовет лакея Николашку и попросит водки — пойдет гульба, и тогда держись, начнет бегать, всё крушить да всех, кто подвернется, бить, а если скажет рассолу принести или там квасу, воды, то всё — заснет спокойно.

Прохор не уходил, ждал и думал, как вывернуться: про жену сказать больную, что тяжело ей, покой требуется, или, как в прошлый раз, позвать Настю? Вроде как неравнодушен хозяин к новой горничной. Стоит той появиться, сразу успокаивается, разговоры вести начинает, а потом и засыпает.

На этот раз всё пошло по первому сценарию.

— Николашка! Где этот хромоногий? Пусть водки принесет. Во-о-дки!

Пока лакей, прихрамывая, бежал, Прохор стал увещевать хозяина, хотя знал, что бесполезно:

— Фрол Фомич, матушка Татьяна Алексевна спать легли. Покой бы ей нужен...

— К черту! Я что, не хозяин в доме? Водки! Где Николашка? Убью скотину! И ты убирайся!..

В комнату торопливо вошел Николай с подносом, где стояли бутылка водки и водочная рюмка.

Дворник Прохор побежал за горничной Настей, симпатичной, тихого нрава девушкой.

Та, не сопротивляясь, обреченно пошла за Прохором.

Арапов уже успел разбить рюмку и теперь бегал и орал не разбери что. Николаша жался к стенке, примериваясь к отходу — только бы в дверь проскользнуть.

Дворник распахнул дверь и подтолкнул горничную — знал, что Настю хозяин не тронет.

И действительно, Фрол Фомич остановился, приосанился, и лицо его вроде как просветлело. Он сел за круглый стол, накрытый белой скатертью, и пригласил девушку присесть.

— Настена, я вот выпил сегодня. Нет... не о том. Настена, я богатый человек, я всё могу. Веришь? Вот что пожелаешь, то и сделаю!.. Озолочу! Я же не дурак, я свои капиталы надежно вложил. Как заваруха началась, так я в банк, за границу... Араповы не дураки. У нас в роду отродясь дураков не бывало.

Настя сидела тихо и только кивала. Было видно, что не в первый раз так сидит. Ждет, когда хозяин наговорится и заснет.

— Я, Настена, ежели хочешь, и жениться могу.

— Да как же при живой жене, Фрол Фомич!

— Жена... Сколько ей осталось?.. — Арапов опустил голову, замолчал, а потом, качнувшись, продолжил: — Уедем за границу, продам всё. Там развернусь... А ежели наследника родишь... Все сделаю... Как барыня ходить будешь.

— Так есть же у вас наследник, Фрол Фомич.

— Есть. Володька, сын. Только не в меня пошел. Долго ждали, да толку не видали. Ни учебы, ни дела... А где мой сюртук? Николашка! Принеси сюртук! А, не надо, вот он, на стуле. — Купец дотянулся до стула и дернул на себя сюртук. Стул упал, но Арапов, не обращая на это внимания, полез в нагрудный карман и достал обшитый красным бархатом футляр.

— Посмотри, что я сегодня приобрел. Я... ха... хм... У одного разорившегося дворянчика. Здесь, в Замоскворечье. Фамильная драгоценность. Дорогая... А я недорого взял. Сейчас дел-то больших нет. Все выжидают, что дальше будет. Бардак — бардак и будет. — Купец замолчал, глаза у него начали закрываться. Потом вскинулся и произнес шепотом: — А хочешь, твоим будет? Всё твоим будет... — Он замолчал и уронил голову на стол, рядом с красным футляром.

Настя встала, стараясь не шуметь, вышла из комнаты. Николай, притаившийся у двери, откуда всё прекрасно было видно и слышно, поспешил уложить хозяина.

Ночь уже готовилась уступить место рассвету, а двое, лежавшие на узкой железной кровати в маленькой комнате, еще и глаз не сомкнули.

— Ты смотри, так и купчихой станешь, — шептал Николай.

— Не стану. Ты мне люб.

— С одной любовью далеко не уедешь. Вона как всё повернулось. Царь отрекся. Война эта... Уезжать надо.

— Да куда? Ты же знаешь, я сирота.

— То-то и оно, что сирота. Приданого нету. А куды мы без денег?

— Да чем тебе плохо у Фрола Фомича?

— Я вот на митинги ходил, слушал. Своим умом надо жить. Только бы денег раздобыть. Вот Фрол Фомич футляр тебе давал...

— Да ты что?! Зачем мне чужое? Грех это большой.

— Да какой грех! Замолим. Фрол Фомич и сам говорит: «Грех под лавку, а сам на лавку».

— Чего удумал! — Настя помолчала и добавила: — Я ведь, Коленька, кажись, понесла... Без венчания-то тоже грех.

— Ты... — Николай приподнялся на кровати, высвобождая руку и не зная, что сказать. — Ты... Погодь, всё точно узнай. Встречаемся-то — и месяца нету. — Он наклонился, погладил Настену по волосам. — Пойду я, скоро совсем светло станет.

Фрол Фомич проснулся рано, то ли от окрика за окном, то ли от скрипа половиц в доме. Приподнял голову, поморщился, повернулся и начал искать глазами ковш с питьем — Николаша должен был оставить возле кровати. Нашел, взяв ковш за ручку, медленно поднес ко рту. Стал жадно пить, постепенно приходя в себя. Потом опустил ковш, вытер рукой рот и бороду, стряхнул с груди набежавшие капли и откинулся на подушки.

Память возвращалась с трудом, обрывочно. Голова гудела, как растревоженный улей. Полежал. Наконец сел на постели и, развернувшись, опустил ноги на пол.

— Николашка! Или кто там еще... Рассолу и одеваться!

Прибежал лакей с рассолом. Начал суетливо хлопотать возле хозяина. Когда Арапов немного пришел в себя, то позвал дворника Прохора — ему он доверял полностью. Именно Прохор, смягчая, рассказывал о пьяных дебошах хозяина, при этом пытаясь по-своему «направлять» его.

— Прохор, что в доме?

— Везде порядок, Фрол Фомич! Матушке Татьяне Алексевне вчера вроде лучше стало — пообедали хорошо.

— Ладно. Потом к ней зайду. Кх... Вчера-то как? Тихо?

— Тихо, Фрол Фомич. С Настей побеседовали да спать легли.

— Вот... Плохо помню... А где сюртук? Дай! — Арапов полез в нагрудный карман, но ничего там не обнаружил. Начал шарить глазами по полу, по кровати, по стульям. Потом обратился к Прохору: — Поищи красный футляр, может, во дворе...

— Во дворе я бы сразу заметил. — Дворник начал искать в комнате, но безуспешно. — Да у нас никогда ничего не пропадало.

— А, оставь. Делами надо заниматься. Вспомнил я — Настене показывал. Взяла значит... Это хорошо.

Прохор понимающе посмотрел на хозяина и ничего не сказал: да и что тут скажешь — живое живым. Правда, бабы недавно сплетничали, что Настя якобы с Николаем стала встречаться. Но тут уж не его ума дело, здесь лучше не вступать.

Фрол Фомич завтракал не торопясь. Выпил два блюдца чаю вприкуску с сахаром, третье налил, поглядывая в окно на заснеженный сад.

Дом Фролу Фомичу достался по наследству, от отца. Двухэтажный, добротный: первый этаж каменный, второй деревянный. На первом — лавка. Но для Арапова это так, на мелочи. По привычке держит, так еще батюшка торговал. Главный капитал на Китайском рынке. Там дела — только успевай поворачиваться. Хотел другой дом построить, на новый манер — жена слегла, сына из-за границы калачом не выманишь. Кому?

После завтрака зашел в комнату к жене. Посидел возле нее, поговорил ободряюще:

«Пасха через три дня — рано нынче. Хотя бывает и еще раньше. В церковь съездим, даст Бог. Аграфена уж всю приготовлениями к празднику занимается».

На Аграфене, высокой, горластой женщине сорока двух лет, теперь и держалось хозяйство, она распоряжалась. Да и все слуги, коих было немного в доме, работали за двоих и не роптали — хозяин не жадный, и если разносил, то за дело.

А через три дня, аккуратно на Пасху, Татьяна Алексеевна Арапова скончалась. За горем и похоронными хлопотами не сразу хватились лакея Николая. Тот отпросился на праздник съездить в деревню к родне, да почему-то там задержался.

Автобус, мерно покачиваясь, приближался к очередной остановке. Народу было немного — не час пик. На задней площадке, на предпоследнем сиденье, подремывала женщина лет пятидесяти, в сером пуховике, в самовязаной темной шапочке, с такой же, невыразительного цвета, сумкой на коленях. Рядом с ней, у окна, сидела девушка и время от времени поглядывала то в окно, то на входящих, то на кондуктора. На ее лице читалось неподдельное счастье и нетерпение.

Через несколько остановок девушка вскочила, чтобы идти к выходу.

— Можно пройти? — обратилась она к своей дремавшей «соседке».

— Можно, — ответила проснувшаяся женщина, однако с места не тронулась, — но не нужно. Будет лучше, если вы сойдете на следующей остановке.

Девушка сначала растерялась, потом, повысив голос, произнесла:

— А мне сейчас нужно! Дайте пройти!

На них стали оглядываться пассажиры.

— Вы что, сумасшедшая?! — возмутилась девушка, пытаясь протиснуться к выходу.

— Да говорю же вам, сидите! Потом спасибо мне скажете.

— Дайте пройти! Уже к остановке подъезжаем! — выкрикнула девушка, толкая тетку, явно сумасшедшую. Тетка в свою очередь начала насильно усаживать девушку на прежнее место.

Пассажиры, стоявшие рядом, стали возмущаться. Подошла кондуктор. Женщине ничего не оставалось, как пропустить девушку к выходу. И вовремя. Двери уже распахнулись.

Девушка выскочила из автобуса последней и тут же, вскрикнув, упала. Кондуктор бросилась ей на помощь.

Выяснилось, что наступать на подвернувшуюся ногу девушка не может. Вызвали скорую. Пассажирам теперь нужно было или пересаживаться на другой автобус, или оставаться в этом, но ждать приезда скорой и только потом ехать дальше.

Самые активные свидетели происшествия решили задержать «сумасшедшую» и отвести ее в полицию, благо ОВД располагался рядом с остановкой.

Ближе к середине рабочего дня в кабинете Аллы раздался звонок. Звонил Миша. По интонации было непонятно, то ли он усмехается, то ли растерянно недоумевает. Похоже, что два в одном.

— Алла Сергеевна, здесь женщину задержали. Вроде хулиганила в автобусе — не пропускала к выходу девушку, а потом девушка при выходе ногу сломала. С одной стороны...

— Миша, — перебила Алла своего подчиненного, — давай ее в мой кабинет и протокол со свидетельскими показаниями не забудь.

— Слушаюсь!

Через пять минут в кабинет вошли Михаил и внешне ничем непримечательная женщина — среднего роста и телосложения, темно-русые крашенные волосы, лицо без косметики, невыразительное, бледноватое, такая же невыразительная одежда.

Алла пригласила женщину сесть, а сама пробежала глазами протокол.

— Александра Васильевна Гергардт, 53 года, проживаете в Москве, на пенсии. Правильно?

— Да, всё верно.

— А возраст не пенсионный?..

— У меня льготная пенсия — я работала геологом. Еще у меня инвалидность. —

Женщина отвечала спокойно и вполне охотно.

«Так, на сумасшедшую вроде не похожа. Уже хорошо», — подумала про себя Алла и продолжила опрос:

— Александра Васильевна, вы знакомы с потерпевшей?

— Нет. Первый раз ее видела.

— А почему не давали ей пройти?

— Видите ли, я знала, что она упадет и сломает ногу. Я ей говорила, чтобы она вышла на следующей остановке.

— Вы что, ясновидящая, экстрасенс или кто там еще?

— Ну, немного вижу. — Допрашиваемая усмехнулась и стала пристально смотреть на следовательницу.

В свою очередь усмехнулась и Алла: «Меня гипноз не берет. И не таких видали. Насмотрятся передач да сериалов и начинают в экстрасенсов играть».

— А вы верите в судьбу? Разве ее можно обмануть? — решила зайти с другого конца Алла. — Ведь девушка могла и на другой остановке упасть.

— Да всякий раз себя ругаю: не надо лезть, ничего хорошего из этого не получается. Предначертано тебе пройти то-то и то-то, вот и иди.

— А зачем сегодня «вмешались»?

— Да девочка такая счастливая сидела. Спешила на свидание. И парень у нее хороший.

— А может, вы ей позавидовали, а, Александра Васильевна? Молодая, счастливая, вся жизнь впереди... А вы живете одна, вдова, у сына наверняка своя жизнь. А зависть с людьми иногда такие вещи вытворяет!..

— Да что вы! Помочь я хотела, уберечь. Она была такая... как вам сказать, светила вся. Такое свечение от влюбленных идет.

— А вы не путаете причину со следствием? — дожимала следователь. — Вы своим поведением вывели из равновесия потерпевшую. Она буквально в последний момент выскочила из автобуса, естественно, торопилась. И результат не заставил себя ждать — падение, перелом. У нее появилось больше шансов упасть именно после вашего вмешательства. Вам не кажется?

— Да... как-то я не подумала...

— Поддались «доброму порыву»? — не удержалась и съязвила Алла.

— Слишком она счастливая была. А я знаю, что на этой остановке очень скользко. Внимательно надо идти, осторожно. Вот и хотела ее «охладить».

— Александра Васильевна, на всех остановках скользко, сосульки большие висят чуть ли не на каждом доме, пьяные водители ездят, да много опасностей в этом мире. Представьте, если все начнут «вмешиваться» таким образом. Это статья 20.1, мелкое хулиганство. Давайте мы ограничимся на первый раз предупреждением. И, надеюсь, «помогать» вы больше никому не будете. Возьмите пропуск.

— А знаете, мы с вами еще встретимся.

— Может, и столкнемся где, не исключаяю, но лучше не в этом кабинете, — произнесла Алла и подумала: «Тем более что живёшь ты в моем районе, и даже недалеко от моего дома. Вполне возможно, что и встретимся».

Женщина взяла пропуск и направилась к двери, но не дошла до нее, повернулась к Алле и сказала уверенно, словно констатируя очевидное:

— А ведь вы ждете от меня чуда — предсказания какого-нибудь.

Алла вздохнула, беседа стала ее раздражать:

— В каждом из нас есть «ребенок», и он действительно ждет чуда. Но... Столько мошенников разных мастей обманывают этого «ребенка»! Делают на этом «ожидании чуда» деньги. Вы же понимаете, о чем я?

— Сегодня вы поедете с работы домой на своей машине, — торжественно произнесла женщина и быстро вышла из кабинета.

«Ну, если троллейбус уже считать «родной машиной», то да, поеду на своей. Надо с участковым поговорить. Все-таки не в себе женщина. Как бы с этой «помощницей» чего не случилось». — Алла сделала себе пометку в блокноте.

А за час до конца рабочего дня позвонил бывший муж.

— Алька, привет! Помнишь, мы с тобой договаривались, что как только я куплю себе новую машину, то нашу старую сразу верну тебе. Так вот, я купил! Тебе нашу куда подогнать: на работу или домой? Ал, ты чего молчишь? Обиделась, что ли? Ну, извини, раньше не получилось.

— Да всё хорошо, Олег, — опомнилась Алла и решила, что назло «ведунье» предсказанию «не поддастся» — в конце концов она сама управляет своей жизнью, а не какие-то там гадалки. — Олег, подгони лучше к дому. Да можешь и не сегодня, в выходные, например.

— Как скажешь.

Алла, довольная, положила трубку, а минут через пять снова позвонил Олег.

— Алька, я совсем забыл, в выходные не смогу. Сейчас попрошу своего водителя, он подгонит к твоей работе. Бак полный, ремонт пока не требуется. Да, и там подарок тебе. На день рождения. Меня на новогодние праздники в городе не будет, так что сейчас передаю. Ну всё, жди.

Алла задумалась:

«Нет, можно, конечно, оставить машину и на троллейбусе поехать — «обмануть судьбу», так сказать. Но как-то это совсем уж... по-детски», — подобрала она наконец подходящее слово и стала искать телефон участкового.

Хороший праздник — день рождения, но с годами теряет силу, что ли. А если он приходится чуть ли не на Новый год, то, как правило, сливается с ним, а уж с новогодним корпоративом и подавно. Но что поделаешь, отмечать надо. Всё лучше, чем, например, летом, в разгар отпусков.

Во время обеденного перерыва в кабинете у Аллы собралась небольшая компания сослуживцев. Состав ее из года в год оставался неизменным: любимый эксперт-криминалист Константин Викторович, Галина из бухгалтерии, ее зам Наталья и, конечно, оперативник Миша. Илья, тоже оперативник, немногим постарше Миши, задерживался, но должен был вот-вот подойти. Заглянул «на чашку чая» и начальник оперативного отдела Петр Алексеевич Грибов — как не поздравить своего зама.

Собственно, поздравления начались с самого утра, и поэтому в двух вазах уже стояли цветы. На столе — бутерброды, конфеты и шампанское. И конечно, отчаянно пахло мандаринами — для нее это давно стало «неотъемлемой частью» не только Нового года, но

и дня рождения.

От поздравлений, как это часто бывает, перешли к обсуждению «текущей обстановки» в отделе и обстановки вообще — вроде как намечалось новое начальство и, скорее всего, кадровые пертурбации.

Алла, глядя на своих сослуживцев, ставших за столько лет родными, испытывала смешанные чувства. С одной стороны, жаль будет расставаться, если на пенсию отправят. А с другой — жажду нового никто не отменял. С мужем распрощалась, можно и остальное поменять. Наверное.

Раздался характерный звук, и на компьютере высветилось сообщение от участкового Павлова. Справка на Александру Васильевну Гергардт.

«Вот бы кто мне будущее предсказал, — мелькнула в голове шальная мысль, и Алла снисходительно усмехнулась: — Точно, как ребенок малый».

Хотела рассказать об этом случае сослуживцам, тем более что и Миша был в курсе, но передумала. Самой сначала надо разобраться.

Все хорошее имеет привычку быстро заканчиваться — закончился и праздничный обед. В кафе для «продолжения банкета» после работы Алла звать не стала. Настроение было не то.

Сразу после застолья она занялась изучением справки на «сумасшедшую»:

«Александра Васильевна Гергардт (Синюхина), 1959 г. р., родилась в городе Чехове Московской области, проживала в деревне Вешки Мытищинского района Московской области .

“Ох ты, Вешки! Алиска где-то в этих краях в гостях бывает. Звонила, извинялась, что на день рождения не придет, коза”.

Окончила Московский геологоразведочный техникум. Работала геологом.

“Отсюда, наверное, и инвалидность — в поле работала. Здесь, скорее всего, «силы» и нахваталась — облучение, радиация, разломы. Вполне возможно”.

Семейное положение: вдова, была замужем за Иваном Петровичем Гергардт, 1960–2015 гг., работал геологом.

“В техникуме, наверное, и познакомились”.

Дети: сын Сергей Иванович Гергардт, 1983 г. р., проживает в деревне Вешки, женат, есть сын; дочь Ольга Ивановна Гергардт, 1999 г. р., пропала без вести в 1999 г., не найдена.

“Так, это тоже могло поспособствовать возникновению “дара”. Что там случилось, интересно?”

Семья была благополучная, судимостей и приводов нет».

Алла и злилась на себя — работы до жопы, отчеты писать надо, а она ерундой занимается — и в тоже время каким-то шестым, годами наработанным чувством понимала, что надо бы разобраться: зачем-то ведь ей нужна эта информация.

Молодой человек, высокого роста, в расстегнутой замшевой куртке, без шапки и перчаток, торопливо спускался по лестнице. Он старался идти спокойно, но всё время срывался на бег, перепрыгивая при этом через две ступеньки, и снова замедлял движение, чтобы успокоиться. То брался за перила, то поспешно отводил руку. Старался дышать ровно и слышал стук собственного сердца.

«Почему на лифте не поехал? Быстрее было бы, — пришла запоздалая мысль. — Сколько еще? Кажется, последний этаж. Ага, вот и подъездная дверь. Быстрее! Черт! Спокойно...»

Молодой человек вышел из подъезда многоэтажки и, бросая быстрые взгляды по сторонам, поспешил к соседнему дому. Там, во дворе, стояла его машина.

Шел торопливо, несколько раз поскользнулся, но не упал. Снова начинал идти медленно и снова срывался на бег.

«Как много людей! И все меня видят! Черт! Черт!!! Но сегодня тридцатое декабря! Вечер! Так и должно быть, чтобы много народу. Может, это и к лучшему... А где машина? Я перепутал дома?! — Его накрыла паника. — Руки какие-то мокрые, липкие... Что это? Кровь... Но я же только толкнул. Только толкнул!.. — Мужчина, тяжело дыша, остановился, зачерпнул пригоршню снега и стал тереть им руки, лицо, при этом не переставая высматривать свою машину. Наконец он увидел её. — Вот оно — спасение! Всё, всё. Сейчас уеду. Подальше от этого места. Подальше...»

Он открыл переднюю дверь, привычным движением скользнул внутрь машины, на водительское место. Как только руки легли на руль, дыхание стало восстанавливаться. Волнение отлегло, он почувствовал уверенность — машина прятала, защищала и давала возможность уехать, умчаться как можно дальше отсюда.

«Так, куда теперь? Алиби!.. Как же я не подумал об этом заранее?! Но я так был уверен во всём. Оставалось совсем немного до... до всего, черт! Надо в клуб. Да. В «Зажигалку» Правда, сейчас туда не попасть, даже как постоянному клиенту. Но всё равно надо попробовать».

Он завел машину и выехал на шоссе, а потом намертво застрял в пробке. Это сначала нервировало, но потом почти успокоило его. За ним никто не гнался, он был надежно спрятан в машине и между машинами.

Около двух часов ночи, отстегнув знакомому охраннику «на чай», он зашел в клуб и сразу направился в туалетную комнату. Начал усиленно мылить руки, затем долго держал их под струей воды. Сполоснул лицо, смочил и поправил волосы у зеркала. Оттуда на него смотрел растерянно-испуганными глазами молодой мужчина, рубашка в мокрых пятнах от воды, воротник задран.

Он повернул голову налево. Перед ним стояли три красных писсуара в форме открытых женских губ, а на стене, где каждый кирпич был покрашен черной краской, швы между кирпичами белой, красовалась давно знакомая и потому потерявшая новизну надпись: «А ты уже большой мальчик». Слово «большой» было написано крупными буквами, а слово «мальчик» — помельче, на красной ленточке.

«Да, да, большой мальчик. Ха, а ленточка-то — как на похоронных венках. А я не замечал раньше. Нет, надо выпить, успокоиться. Да что я, собственно, сделал? Ничего

такого, чтобы стоило так сильно волноваться. Машина на стоянке. Посижу здесь до утра, потом вызву такси. И вот оно, мое алиби — был весь вечер в клубе». — Молодой человек выдохнул, не спеша вышел из туалетной комнаты, поднялся по лестнице и направился к барной стойке.

Все места на диванчиках, конечно же, были заняты, и народу — не протолкнуться. Это хорошо.

Гремела музыка, мигал свет, танцовщицы крутились на пилоне, топтались парочки, прыгала «дорвавшаяся до сладкого» молодежь, сновали официанты — все было как всегда, и это немного успокаивало!

Он заказал водки, выпил залпом и сразу велел повторить. Однако мягкое, успокаивающее тепло не обволакивало, а тревога не спешила уходить. Он заказывал еще и еще. Знакомился с девушками и тут же терял их в толпе. Кидал деньги стриптизершам и отжигал на танцполе. Трепался с барменом и выходил на улицу охладиться.

Вечеринка постепенно угасала. Пережитое волнение наконец-то отпустило — он устал бояться.

Утром очнулся на черном кожаном диване. Болела голова. Завтра — о! уже сегодня — Новый год! Это спасение — не надо идти на работу, и много-много выходных впереди. Будет время отлежаться, подумать.

Молодой человек достал из кармана телефон и вызвал такси на улицу Земляной Вал, 50а. Долго ждать не пришлось — такси всегда стоят возле клубов.

Стараясь идти ровно, он снова посетил туалетную комнату и направился к выходу, по пути читая такие приевшиеся и вдруг обретшие прямой для него смысл надписи на стенах: «Весело и звездато», «Твое счастье в твоих руках».

Он проспал до двенадцати, наверняка спал бы дальше, но мешали непрерывные телефонные звонки. Кто-то жаждал с ним поговорить. А он жаждал воды. Голова разламывалась.

С трудом встал, отключил, не глядя, телефон, поплелся на кухню, выпил кружку воды, вернулся, лег, но сон уже не шел. Он ворочался, пытался поудобнее пристроить голову на подушке, раз за разом прокручивая события вчерашнего вечера.

Он был уверен, что женщина уехала встречать Новый год к родным. Он же проследил за ней и видел, как она садилась в автобус. Квартира стояла пустая. Только зайти и спокойно всё обшарить. А он не успел. Она вернулась. Зачем-то вернулась.

От этих мыслей ему снова стало не по себе. Вспомнились ее глаза. Как она смотрела на него. Молча смотрела.

Под ее взглядом он сначала растерялся, а потом, испугавшись — так сильно, как будто на него что-то нашло, — бросился вон, оттолкнув стоявшую у него на пути женщину. Она упала.

«Не могла же она умереть. Ну, ударилась головой, руку там зашибла. И всё. Всё? Она же наверняка меня запомнила. Полиция составит фоторобот! На каждом углу будут висеть мои фотографии!!! Господи, какие фотографии? Всего лишь фоторобот, да и зачем он на каждом углу? Я же не убийца. Ничего в квартире не пропало. Толкнул тетку, и всё. Так глупо получилось. Именно сейчас, когда оставалось-то — зайти и взять. И вот она, новая жизнь. Я, здоровый, молодой, красивый, с кучей денег. Делай что хочешь, живи в свое удовольствие! Черт! — Молодой человек поморщился. — Надо принять душ. Если не поможет, придется

искать таблетку».

Душ помог, но ненадолго. Были выпиты одна за другой две таблетки, но голова продолжала болеть. Скорее всего, болела уже просто от непрерывного потока мыслей:

«Что делать? Позвонить шефу? Всё рассказать? Нет, по телефону нельзя. Кстати, надо включить телефон. Меня же все потеряют. И это будет подозрительно».

Молодой человек ходил по комнате, ложился, снова вставал. Наконец головная боль отпустила. Ехать ужинать в кафе он не захотел: народу везде, пробки. Поджарил яичницу, проглотил, не чувствуя вкуса, запил крепким чаем. Полегчало. Включил телефон и стал отзваниваться, поздравляя всех с Новым годом и на ходу сочиняя причину, почему не отвечал на звонки.

Алла тридцать первого декабря только успела зайти после планерки в свой кабинет, как раздался телефонный звонок — опергруппу вызывали на место происшествия. Нападение на женщину в квартире. Адрес показался ей знакомым.

Точно, она недавно читала протокол с этим адресом. Это же рядом с ее домом. Это же... адрес той «сумасшедшей»! И хотя по должности — замначальника по оперативной работе — она могла остаться в кабинете, Алла поехала на вызов.

Доехали быстро. Типичная многоэтажка, вся в суеде надвигающегося праздника, гудела ещё и слухами о происшествии во втором подъезде. Но точно никто ничего не знал: то ли там кого зарезали — надо же, перед самым Новым годом! — то ли семейные разборки: муж напраздновался и задушил жену. Возле подъезда стояли любопытные и скорая.

Когда следственная бригада подъехала к дому, из второго подъезда на носилках вынесли женщину, возле которой озабоченно суетился врач. Алла, расталкивая любопытных, поспешила к врачу, на ходу доставая удостоверение и стараясь рассмотреть лицо женщины.

— Капитан Смагина, ОВД Северное Медведково, — отчеканила она, показывая удостоверение. — Что с потерпевшей? Жива?

— Живая. Состояние тяжелое. Колото-резаные раны. Большая потеря крови, — быстро проговорил врач, вместе с фельдшером загружая носилки с потерпевшей в скорую, потом они запрыгнули в машину сами и, пугая сиреной зевак и случайных прохожих, выехали со двора.

Алла отправила оперов проверить видеокамеры, где они есть, и в поквартирный обход на поиск свидетелей. А сама с экспертами поднялась на шестой этаж в квартиру потерпевшей.

Медики, конечно, прилично наследили, но их можно понять: жизнь человека дороже улики. Двухкомнатная квартира обставлена просто, без претензий. Везде следы погрома и борьбы, кровь на диване, на полу, в прихожей на стене. Кто-то что-то усиленно искал, не находил и злился, уже просто опрокидывая всё вокруг, — такое впечатление сложилось у Аллы.

Минут через тридцать она опрашивала на кухне потерпевшей главную свидетельницу происшествия Марию Петровну Каретникову 68 лет, соседку с седьмого этажа, которая и вызвала скорую и полицию.

— Мария Петровна, расскажите, как всё было, по порядку.

— Да что, спускаюсь я утром — в магазин. Так-то я давно закупила. Осталось по мелочи — хлеба там...

— И что вы увидели?

— Да дверь у Александры Васильевны, у Шуры, приоткрыта была. А я вспомнила, что она к сыну в Вешки собиралась. Ну, думаю, передумала, что ли, ехать. Сын-то у нее пьющий. Такой парень хороший был... А вот связался с пьющей девкой, да еще старше себя на одиннадцать лет. Прямо окрутила она его! И сам стал пить...

— И что было дальше?

— Так что, постучала, позвала ее. Не откликается. Я зашла, а тут... — Женщина взмахнула руками, закрыла глаза, лицо ее сморщилось.

— Мария Петровна, успокойтесь. Может, воды?

— Нет... — опрашиваемая выдохнула и продолжила: — Кровь везде на полу, вещи раскиданы. А она лежит в зале, возле дивана, и тихонечко так стонет. Ну, я подорвалась, достала телефон, сумку свою бросила и начала звонить. А у самой руки трясутся, ничего не вижу, цифры прыгают...

— А почему вы не на лифте спускались?

— Так по привычке. Мы с Шурой приятельницы. Я спущусь, спрошу, может, и ей хлеба надо или молока. Так вместе пойдем. Забыла я, что она к сыну собиралась.

— А вы не знаете, было что-то ценное в квартире у Александры Васильевны?

— Не знаю. Ни о чем таком разговора не было.

— А кто к ней в гости ходил?

— Да никто шибко не ходил. Она как мужа похоронила, так болеть начала. Всё по больницам.

— А сын?

— Сын редко. Когда совсем уж денег нет. Всё просит ее квартиру продать. Ей, значит, однокомнатную, а деньги, оставшиеся от продажи, им. Это его благоверная подзуживает. Кому еще...

— А вчера ничего такого не слышали, может, крики, шум?

— Нет. Телевизор смотрела — у меня звук громкий, я плохо слышу. Потом голова разболелась. Я таблетки выпила и спать, а утром...

— А вы никаких странностей не замечали в поведении вашей приятельницы?

— Какие еще странности? Хорошая женщина, всегда поможет. Я вот в прошлом году сильно болела, так она и за продуктами ходила, и за лекарством, и...

— Она ведь предсказательницей была? На картах могла погадать, да?

— А, да, угадывала. Вот, говорит, зря мы сейчас сходим в магазин — свежее молоко еще не привезли. И точно! Я потом уже всегда ее слушалась. Или идем по улице, а она — смотрите, Мария Петровна, она со мной на «вы» всегда, какая счастливая пара прошла. Да ты-то откуда знаешь, спрашиваю. Сегодня счастливые, а завтра несчастные. Она улыбнется, знаю, говорит.

— А внуки?..

— Один у нее внук. Так Шура ради внука и ездила в Вешки. Сашенька. Ему всего четыре года. Сергей в честь матери назвал. Она его, когда могла, к себе забирала. Может, и на Новый год хотела к себе привезти — на горку сводить, еще там куда. А вот как вышло...

— Спасибо вам большое, Мария Петровна. Вы нам очень помогли. Если вдруг что-то вспомните, услышите, позвоните, — закончила допрос Алла. Одна из версий вполне вырисовывалась: «Пьяный сын, жаждущий денег. Надо ехать в Вешки. Вторая — кто-то, кто знал, что в квартире есть что-то ценное. Если Гергардт работала в полях, могла и найти какой драгоценный камешек, а может, золото. Может, может... В этом направлении — надо

встречаться с бывшими коллегами. Посмотрим еще, что покажет опрос, видеокамеры и что скажут эксперты».

Алла сделала пометки в блокноте и отпустила свидетельницу. Увидела Илью, подозвала:

— Илюша, давай внимательно посмотрим квартиру на предмет драгоценных камней, скорее всего, необработанных. Если преступник не нашел, может, нам повезет. Давай я осмотрю кухню и зал, а тебе спальня, санузел и прихожая. Идёт?

— Договорились, — Илья улыбнулся: санузел, конечно, достался ему. Но он любил работать с Аллой Сергеевной, считал ее профессионалом с большой буквы. Она была его наставником, когда он еще только начинал служить в полиции.

Алла вернулась на кухню и первым делом открыла холодильник. Ничего интересного: курица, зелень, фрукты, заготовки. Спиртного нет: или совсем не пьет, или из-за сына не покупает. В навесных шкафах тоже ничего особенного — банки с крупами, посуда и всё, что обычно там и находится.

В зале ее заинтересовал шифоньер. Внутри — белье, одежда на плечиках.

«Небогато, и вообще — зачем в зале этот старый шифоньер? Так, а что там наверху. — Алла взяла стул, чтобы осмотреть вещи, хранившиеся на шифоньере. — Тоже ничего особенного: почти всё, что можно выбросить, но почему-то не выбрасывается. Вот зачем тут коробки, старая корзина? Ну-ка, что в ней? — Алла потянула на себя корзину. — Тяжелая. О, новогодние игрушки, мишура, искусственная елочка, куклы, детские машинки. И пупсик. — Она взяла в руки пупса и сразу вспомнила о без вести пропавшей дочери потерпевшей Ольге. — Сколько бы ей сейчас было? Восемнадцать-девятнадцать. — Алла поставила корзину на место. — А не видно, чтобы хозяйка готовилась к Новому году. Может, с внуком хотела украшать комнату, а елку или лапы в последний день взять, так дешевле. Вопросы, вопросы...»

Уже выходя из квартиры, Алла подняла в прихожей с пола опрокинутую сумку с продуктами. Один мандарин закатился под полку с обувью. Отнесла ее на кухню и выложила продукты в холодильник. Если сын ни при чем, хоть продукты заберет.

Илья тоже ничего особенного не нашел, разве что рассыпанную по полу коллекцию камней. Не драгоценных. Но у какого геолога нет такой коллекции!

А еще в спальне висела картина — девочка идет по полю, усыпанному цветами. Цветочное поле сливается с горизонтом, а хрупкая фигурка девочки словно бы растворяется в пронизанном солнцем воздухе. Сомнений нет, девочка уходит навсегда. Чувствовалось, что рисовал картину любитель, но настроение он передать сумел: беззащитность девочки вызывала у зрителей тревогу и желание остановить её.

«Почему же она не поехала? Или не успела? Или забыла что-то важное и вернулась не вовремя?..» — размышляла Алла.

Осмотр ничего не дал. Было решено ехать в Вешки. И если сын замешан в этом преступлении, брать его тепленьким.

Дорога в Вешки тридцать первого декабря, понятно, будет небыстрой, поэтому Алла вернулась в ОВД — работы в праздники всегда много, всё «по плану происшествий», а в Вешки поехал Илья.

Глава 6. Москва — Вешки, апрель 1920 года

Солнце грело всюду. Просыхали проспекты и улицы. Набухали почки. Воробьи азартно дрались за крошку хлеба — и где они ее раздобыли? На каждом углу стояли мальчишки, продавали папиросы. И не только они. Вся Москва превратилась в огромный грязный вороватый рынок.

После тяжелой зимы, казалось, что город суется больше обычного, тревожно, настороженно: что будет дальше? что еще выкинет власть? Холод отступил, а голод остался. Как жить?

Настя брела по улице, держа за руку сына. Брела, потому что устала. Сын не мог идти быстро, а нести его на руках тяжело, сил не хватит.

Много чего изменилось за три года.

Дом Фрола Фомича забрала советская власть под свои нужды, а сам он вместе с дворником Прохором исчез.

«Да у него и деньги, и знакомства, и голова на плечах — не пропадет. А вот я осталась одна с грудным ребенком на руках: Николаша как уехал тогда на Пасху к своим, так и не появился больше. Что с ним случилось? Один бог ведает. Объявила нас советская власть свободными от эксплуататоров, а что делать-то с этой свободой, не сказала. Хорошо, Аграфена пристроилась снова кухаркой — варить, есть при любой власти надо — и меня с ребенком в свою каморку взяла. Пожалела. Да и к Васеньке привязалась. — Настя посмотрела на сына. — Два с половиной года, а худенький, ростом маленький, и полутора лет не дашь. А и с чего бы ему справным быть?»

Настя как могла подрабатывала, в основном полы мыла. И Васеньку часто с собой брала, дома не оставляла. Вот и сейчас вместе очередь отстояли. Повезло: отоварили 200 грамм хлеба. Настя держала его за пазухой, время от времени проверяя рукой, там ли.

Шла дворами, чтобы срезать путь. За зиму все деревянные ограды у домов были распилены на дрова — ходи где хочешь.

До проулка, где они жили теперь, оставалось пройти совсем чуть-чуть, как вдруг из обгоревшего кирпичного дома выскочили беспризорники.

«Четверо. Выследили! От самой лавки за мной шли, — мелькнула догадка. — Сейчас нападут... отберут хлеб!»

Настя в первые секунды растерялась, но потом быстро схватила сына, прижала его к себе и побежала. Ее без труда догнали, окружили, поставили подножку, толкнули в спину. Она запнулась, потеряла равновесие и упала на колени, стараясь не уронить, не выпустить из рук сына.

Потом, будто опомнившись, закричала:

— Помогите!

Васенька заплакал, тихо, осторожно. И этот тихий жалобный плач ее ребенка придал Насте сил. Прижимая сына и отталкивая лезущих к ней беспризорников, она кричала что есть мочи, не переставая.

Ее схватили сзади за воротник пальто, резко дернули. Чья-то грязная рука полезла к ней за пазуху.

И тут раздался спасительный окрик:

— Вы что, тудыть вашу мать?! А ну пошли отседова, шпана! — кричал мужчина,

подбегая к Насте и грозя кулаком вслед убегающим беспризорникам.

Настя замерла, услышав знакомый голос. Подняла голову: не ошиблась ли? Нет, это ее Николаша! Вот не думала не гадала. Ее Коленька, живой! Живой!

Настя и радовалась вроде, и в то же время с тревогой заглядывала Николаю в глаза. Признает ли он ее? Признает ли сына? Не оставит ли их снова?

Николай признал. Как не признать? Вот он, его сын. Его! Нос, губы — один в один, как у него. А глаза Настины. И хотя подженился он в деревне, но солдаток много, а это его кровь. Плоть от плоти, как говорится!

— Ничего, проживем. В деревне-то легче будет, с продуктами получше. А там, даст бог, наладится жизнь. Не может не наладиться, — приговаривал он, обнимая Настю с сыном.

Они стояли посреди грязной московской улицы. Потом пошли к Насте домой.

Настя то принималась рассказывать, перескакивая с одного на другое, о том, как они жили последние три года, то, счастливая, замолкала, слушая Николая — о его житье-бытье.

А Николай выкручивался, что-то сочинял, что-то приукрашивал, но так толком и не объяснил: почему исчез? Куда? Искал ли ее? А Настя и не решилась спросить напрямую. Главное — вот он, рядом. Опора. Мужчина. Теперь не пропадут, теперь легче будет.

Аграфена, пришедшая вечером с работы, тоже обрадовалась встрече, но во взгляде пряталось недоверие:

«Не тот Николашка человек, который нужен Настене. Ох, не тот. Да уж какой есть. По нынешним временам выбирать не приходится. Может, и сладится у них, всё полегче будет».

Рано утром, собрав нехитрый Настин скарб, отправились на рынок, где Николая уже поджидал свояк. Он вместе с Николаем приехал из деревни продать кое-какие продукты или сменить на нужные в хозяйстве вещи, одежду прикупить, если получится, или материю.

Торговля прошла успешно, и теперь свояк торопился домой. Насте не удивился, определил место в телеге, и покатали они прочь из суетливой, горластой и непредсказуемой Москвы.

Сваяк всё больше помалкивал, слушая Николая, иногда понукал лошадь. Настя сидела притихшая — и радостно было ей, и немного тревожно: едет в незнакомое место: как там встретят, как все будет? Вася лежал в телеге, поджав ноги, дремал. К новоявленному отцу он отнесся настороженно, всё больше жался к матери. Вот и сейчас голова его покачивалась на ее коленях. И только Николай, возбужденный неожиданной встречей и тем, как жизнь повернула — надо же, отцом стал, — почти всю дорогу не замолкал.

— Да у нас деревня-то небольшая, дворов двадцать будет. И народу за энти годы шибко поубавилось. Барская усадьба Третьякова рядом стоит, еще мой дед там батрачил. Сейчас растащили, спалили... Пруд там еще есть, липы растут. А я сначала у отца жил, матушка еще до войны померла, с братовой женой, с его детьми тремя, с племяншами моими. Брат с войны не вернулся. Вроде как пропал Федька. Он у нас старшой. Но ить, бывает, отпишут — пропал, а он раз — и вернулся, ошибочка вышла. Перебрался я в заколоченный, в заброшенный, значит, дом — в этот навряд кто вернется. Бобыль там один жил. Помер. Потом приезжие. Но они недолго. Подправил там чего, жить можно. Теперя ты хозяйкой будешь... и сына вместе растить станем. Ничего, проживем. У меня надел есть. У отца корова отелится, приспрошусь: ежели телочка, возьмем. Или еще где раздобуду. Со мной не пропадешь. В деревне сейчас сытнее, тише, а в городе только успевай оглядывайся.

К обеду, путники, разморенные от жары, тряски, а городские ещё и от свежего воздуха,

въезжали в деревню, первый раз упомянутую 1623 году как «сельце Вешки».

Старый дом, в который вселился Николай, располагался почти в центре деревни возле закрытой год назад часовни. Стараниями Николая он смотрелся вполне справным, как и починенная ограда, и притулившаяся рядом с домом подлатанная сараюшка. Только огород начал уже подсыхать и требовал заботы.

Настя, толком не отдохнув с дороги, принялась обихаживать своё новое жильё. И пока Николаша ходил к отцу за молоком, она успела помыть полы в двух комнатах и кухне, постирать занавески, замочить постельное бельё и даже затопить печку и сварить нехитрую похлебку из найденной в подполе картошки и морковки.

Ужинали поздно и спать тоже легли поздно — всё время находилось дело, которое требовало женских рук.

— Я завтра в подполе приберусь. Там вроде полка сгнила, Николаша, — говорила уставшая, но счастливая Настя, пожалуй, впервые почувствовавшая себя хозяйкой, — вот что значит своё, это не по чужим углам скитаться.

— Завтра к отцу надо будет сходить, к родне моей. А полку я сделаю, чего там делать-то, — небрежно отвечал Николай, который тоже перешел в другой жизненный разряд — мужа и отца и оттого сразу обрел солидный вид и неспешность в разговоре. — Там у печки корзина стоит, видала, небось. Это матушки моей, покойницы. Она любила ягоду собирать или грибы по осени. Меня часто с собой брала. Я же младшой в семье. Сидим, бывало, на поляне, жарко. Мне побегать охота. А она: «Коленька, собирай, помогай мамке. Зимой варенье запашистое есть будем или пирогов вам напеку. Вкусные пироги-то с чаем». Так-то... Ты корзину не трогай. Пусть стоит там. Всё память об маменьке. Да и большая она, тяжелая. В сарае, поменьше висит, если что понадобится.

Настя слушала и улыбалась, расправляя кровать. Васятка давно спал в другой комнате. Печка еще гудела — признала новую хозяйку. А в деревне стояла непривычная для городской жительницы тишина.

Коттеджный поселок «Вешки-95» светился от новогодних гирлянд, развешанных почти во всех дворах, и от бесконечных салютов.

Чета Супониных ждала гостей. Собирались отмечать Рождество. Должны были приехать Ащеуловы, Сальниковы, обещал быть Люсик, жаль, что Алисочка не вернулась еще из своего «места силы» и где-то вечно в командировках пропадает ее муж Павел, но с особым нетерпением Виктор Семенович ждал Кирилла Зубова, как, впрочем, и его жена Наталья Григорьевна.

Гости в этот раз приехали почти одновременно. Дом сразу наполнился людским гулом — поздравляли, шутили, сплетничали в ожидании ужина.

Наталья Григорьевна, выждав удобный момент, увела Кирилла в свою комнату. Многозначительно поглядывая на молодого человека, заговорила с укором:

— Кирик, я ждала! Когда же ты пригласишь меня где-нибудь посидеть, а, котик?

— Наталек, я уже заказал столик, — соврал Зубов.

— О! Что я слышу! А я приготовила тебе подарок, зайчик мой. Надеюсь, тебе понравится. — Наталья Григорьевна метнулась к старинному комоду и выдвинула нижний шкафчик. Она достала бархатную коробочку и с торжествующим видом поднесла ее слегка растерявшемуся Кириллу — у него подарка для нее не было.

— Что это? Ты всегда что-нибудь придумаешь. — Любовник взял футляр и начал медленно его открывать, стараясь скрыть восторженное нетерпение, а заодно и успеть придумать оправдание для себя. — Ах, Наталек, какая вещь! Я давно мечтал о таких часах! — Он притянул к себе Наталью Григорьевну.

— Наташа! Наталья Григорьевна, ты где? — раздался голос Татьяны Ивановны, жены Бориса Аркадьевича Сальникова.

— Иду! Иду-у-у! — откликнулась хозяйка дома, высвобождаясь из объятий Кирилла, выразительно посмотрела на него и, приложив палец к губам, вышла из комнаты.

Она спустилась на первый этаж, где, конечно же, в центре внимания находился Борис Аркадьевич с очередным анекдотом, а возле него стояли Ащеуловы и Люсик.

Немного погодя вышел и Кирилл и тоже направился в гостиную на первом этаже, где его перехватил Виктор Семенович.

— Кирилл, зайдем ко мне в кабинет на минутку.

— Конечно, — быстро ответил Зубов и посмотрел, не оттопыривается ли у него карман, где лежит подаренная коробочка с часами.

Разговор намечался не из приятных.

— Как наши дела? — издалека начал Виктор Семенович.

— Всё под контролем, — поспешил заверить Кирилл.

— Наш главный объект?

После неудачного самовольного «визита» к Гергардт у Зубова было время успокоиться и всё обдумать.

— Уехала, — уверенно соврал он.

— И что, не возвращалась?

— Нет.

— А у меня другие сведения, — угрожающе проговорил Виктор Семенович.

приближаясь к Зубову. — Ты что, щенок, вздумал со мной шутки шутить?! Уничтожу, и следа не останется!

Зубов попятился назад, лихорадочно соображая, как выкрутиться без больших потерь. В конце концов он не сделал ничего такого.

— Виктор Семенович, успокойтесь. Я — как на духу, всё расскажу. Бес попутал. А кто бы устоял?..

— Рассказывай, гаденыш! Я же тебе сказал, в квартиру пока не соваться. Ждать, наблюдать.

— Я... Я проводил ее на автобус. Правда. Откуда она потом взялась, сам не пойму.

— Передумала ехать, забыла что-то, плохо стало. Что непонятного?!

— Да, теперь-то я понимаю. А тогда всё так неожиданно — даже толком осмотреться не успел. Она вернулась. Ну... я убежал.

— Она тебя видела, запомнила?

— Всё так быстро произошло. Не думаю...

— Вот именно, что не думаешь. Наградили тебя родители внешностью, а мозги в голову не вложили...

Виктор Семенович замолчал, усмехнулся про себя: «Я тебя на понт, дурака, взял, уж слишком глазки бегали, а ты и раскололся. Впрочем, все это было предсказуемо. Большими деньгами запахло, вот и купился», — а вслух сказал:

— Запомни: для больших денег и голова большая нужна. А с маленькой не унесешь. Ни деньги, ни ноги. Продолжай следить и не вздумай... Еще один такой фокус и...

— Всё сделаю, Виктор Семенович. Не знаю, что на меня нашло, не знаю...

— Пошли к гостям. Нас, наверное, уже потеряли, — распорядился Супонин.

Кирилл облегченно вздохнул: «Кажется, пронесло», — подумал он и, пошатываясь, первым вышел из кабинета.

Мысль о том, что Кирилл мог забрать драгоценность и теперь только делал вид, что ничего не нашёл в квартире, у Виктора Семеновича, конечно, промелькнула, но он тут же ее отогнал — трусоват был его помощник для такой аферы и глуповат к тому же.

«Убирать его надо, и как можно быстрее, пока этот «мачо» совсем всё не испортил... если уже не испортил. Пусть всё утихнет, успокоится, а там видно будет, как лучше. Дело деликатное, столько времени прошло. Здесь надо с умом, можно и влипнуть по глупости — ни за что».

Минуты через две он тоже покинул кабинет и пошел к гостям.

В это время к дому Супониных подъехала еще одна машина и начала требовательно-радостно сигналить. Все присутствующие встрепнулись: вроде больше никого не ждали.

— Кто бы это мог быть? — спросил Люсик.

— Никак Алиса собственной персоной! — заулыбался Борис Аркадьевич.

— Она же еще не вернулась, — возразила его жена Татьяна Ивановна.

— А больше некому, — уверенно произнесла Наталья Григорьевна.

Муж, спускавшийся по лестнице, был явно чем-то озабочен, если не сказать огорчен. Она не стала его ни о чем просить и сама поспешила к двери.

И действительно, в гостиную вошла сияющая Алиса, а за ней, немного погодя, появился и ее муж Павел, высокий, в очках, сутулящийся от долгого сидения за компьютером. В одной руке он держал пакеты, другой — снимал запотевшие очки.

Наталья Григорьевна тут же пришла ему на помощь, позвав из кухни Нину принять пакеты. Виктор Семенович тоже подошел. Едва кивнув Алисе, он пожал руку ее мужу. А потом, не дожидаясь Нину, сам подхватил пакеты и понес на кухню.

Гостиная оживилась еще больше — Алиса обычно приезжала одна. Павел — человек занятой и, как говорит Алиса, «любитель сидеть на диване в своей квартире, а не в гостях».

После обычных в таких случаях приветствий и расспросов в гостиной образовалось два центра притяжения. Возле Бориса Аркадьевича с его нескончаемыми анекдотами и «случаями из жизни» сгруппировались Владимир Анатольевич Ащеулов, друг детства хозяина дома, и его жена Ирина Витальевна, не жаловавшая Алису — не ее круга птичка. Алиса, тоже не промах — пообщаться на любую тему и блеснуть красным словцом, оказалась в окружении Люсика, Кирилла Зубова и, конечно, Павла, который, как правило, сидел близко, но отстраненно.

Виктор Семенович с малоразговорчивой Татьяной Ивановной — что неудивительно при таком-то говорливом муже! — устроились отдельно, и Виктор Семенович так возбужденно что-то рассказывал своей собеседнице, что Наталья Григорьевна, отдавая в зале последние распоряжения домработнице Нине, несколько раз с интересом посмотрела в их сторону.

Хозяйка дома любила удивлять гостей. Вот и сегодня замыслилось нечто грандиозное или, скорее, необычное.

Два центра притяжения по законам физики, да и жизни, неизбежно должны были притянуться, а потом оттолкнуться, что и произошло минут через двадцать после прибытия слегка припозднившихся Алисы и Павла Лытниковых.

— Алиса, а как там поживает Страна чудес? — расплылся в хитрой улыбке Борис Аркадьевич, намекая на «место силы», откуда приехала Алиса.

— Страна чудес живет, это мы тут поживаем, — быстро парировала Алиса.

— Ну, кто поживает, а кто и живет, — уверенно заявил Борис Аркадьевич.

— Когда идет дождь, бегай по лужам, — пошла в атаку Алиса.

Борис Аркадьевич не растерялся:

— Ага, а когда дует ветер, подставь лицо.

Все увлеченно следили за словесной дуэлью и рассмеялись после слов Сальникова.

И тут неожиданно прорезался Люсик, сосед Виктора Семеновича, коттедж, в котором он жил с родителями, располагался на той же улице, впрочем, их связывали и мелкие деловые отношения.

— А когда идет снег, открой рот, — попытался он пошутить, поглядывая на Алису.

Неизвестно, как бы продолжилась и чем закончилась словесная дуэль, но тут в гостиную вошла Наталья Григорьевна.

— А когда хозяйка зовет к столу, иди-и-и, — протянула она в предвкушении комплиментов.

Все снова засмеялись.

Алиса, конечно, не могла промолчать:

— Ну что, — сказала она, вставая, — попробуем и «шубу» съесть, и в платье влезть.

Гости дружно покинули гостиную.

За столом расселись также по группкам. Центр Бориса Аркадьевича на правой стороне а Алисы — на левой. Хозяева — во главе стола.

Когда наступила относительная тишина, Наталья Григорьевна встала и торжественно возвестила:

— Сегодня у нас... Нина, вноси!.. «Легенда прерий»!

Нина с подобающим такому случаю выражением лица внесла большое блюдо, на котором горкой возвышался вареный, слегка обжаренный картофель, посыпанный чем-то зеленовато-коричневым.

Все замерли, глядя на «легенду».

Первым отреагировал Сальников.

— Бывал я в ресторанах и в Лондоне, и в Париже, а такого не видел. Ну удивила, Наталья Григорьевна! Ну удивила, — стараясь не рассмеяться совсем уж откровенно, «восхитился» Борис Аркадьевич.

Женщины с интересом пытались понять, чем же посыпана картошка.

— Это еще не все, — промолвила раскрасневшаяся хозяйка дома. — Нина, вноси!

Нина, как на поклон, вышла второй раз. В руках она держала поднос, на котором стояли розетки. С «зеленой сметаной» — как определил для себя Люсик, а Кирилл Зубов «загнул» ещё покрепче, и тоже только про себя.

— Это йеменский соус «Хульба»! — торжественно объявила Наталья Григорьевна, выкрикнув последнее слово.

Тут уже всем трудно было не рассмеяться. Улыбалась и хозяйка, довольная произведенным эффектом.

— А не «хульнет» нас с этой «Хульбы»? — не удержалась от бестактного вопроса Алиса, в общем-то выразив общее волнение по этому поводу.

Если бы это сказал кто-то другой, то нанес бы хозяйке обиду. Алисе такое прощалось, поскольку ей покровительствовал сам Борис Аркадьевич.

— Не буду вас мучить. Соус сделан из пажитника и картофель посыпан им же. Очень полезный продукт. На столе, если вы еще не заметили, лежит нарезанный сыр с ним же. Рекомендую.

— Наливаем! Мужчины, позаботьтесь о дамах. — Виктор Семенович встал, оглядел всех, невольно задержав взгляд на Кирилле Зубове, и поднял свой бокал. — На правах хозяина скажу первый тост. Дорогие мои! Давайте... — Виктор Семенович запнулся и сказал явно не то, что хотел сказать вначале —... выпьем за жизнь! Счастливую и достойную!

Наталья Григорьевна удивленно посмотрела на мужа — к чему такие речи, всем присутствующим за столом и так неплохо жилось.

— И желательно долгую! — торопливо добавил Люсик уже под звон бокалов.

Мужчины налегли на мясо, взяв для приличия и успокоения хозяйки по чайной ложечке новомодного соуса. Женщины увлеклись салатами и тоже не спешили оздоравливаться «Хульбой». Зато сыр с красным вином пошел на ура и картошечка не подкачала, хотя и была обсыпана не пойми чем.

Когда вечер был в самом разгаре, началось очередное притяжение оттолкнувшихся центров.

— А что, Алиса, — начал Борис Аркадьевич, — растяжка наконец растянулась? Места силы помогли?

Все знали, что Алиса постоянно «сушится» и растягивается.

— Борис Аркадьевич, я думаю, и вам бы не помешала «сила», — начала издалека Алиса.

— Сила чего, Алисочка?

— Исключительно мыслительной деятельности.

— Намек на возраст? — Борису Аркадьевичу нравилось дразнить Алису. — Как-то я еще, как говорит молодежь, «не припадаю здоровьем».

Ответить Алисе помешал муж. Он вдруг вспомнил — с ним обычно так и случалось, — что забыл в машине вино, которое ему подарили в командировке и которое нужно пить обязательно с... салом, да!

Павел ушел, а немного перебравший Люсик, воспользовавшись моментом, стал приглашать Алису в гости.

— Непременно! С мужем придем! Люсик, я тебя обожаю! — обещала Алиса, чувствуя, что устала и хочет домой.

Шардоне, принесенное Павлом, попробовали, но от сала отказались — хватит на сегодня «экзотики». И только хозяин дома, Борис Аркадьевич и Алиса «заели» вино белыми, с мясными прожилками, малосолеными пластиками. После чего Борис Аркадьевич решил блеснуть эрудицией:

— Шардоне с французского переводится как «чертополох». При чем тут сало? А, Алиса?

— Всё-то вы знаете, Борис Аркадьевич! Наверное, и то и другое чертей отгоняет, — засмеялась Алиса.

— Ладно вам про чертей на ночь глядя, — вклинилась в разговор Наталья Григорьевна. Она была довольна сегодняшней вечеринкой, вот только Кирилл ходил весь вечер как неприкаянный. Скучно ему, что ли? — А не пора ли нам переходить к десерту? Нина, неси. Кому чай, кофе?

Люсик, не дожидаясь десерта, ушел проветриться. Через некоторое время хозяин дома, обеспокоенный долгим отсутствием гостя, решил выяснить, куда тот запропастился. Вскоре после этого вернулся Люсик и радостно сообщил, что Виктор Семенович прислал его за спичками и фейерверками. Как только они всё установят, начнется салют.

Запускали фейерверки в саду. Морозный воздух и отрезвлял, и пьянил, и призывал к жизни. Огненные цветы распускались в небе, держались несколько мгновений и опадали. Все смотрели не отрываясь.

— Есть в этом действе какая-то притягательная сила — вспыхивать и гаснуть, вспыхивать и гаснуть... — философски произнес Борис Аркадьевич, когда отгремела последняя петарда.

— А я побаиваюсь фейерверков, — неожиданно проговорил Кирилл. — В детстве мне чуть руку не оторвало.

Алиса с мужем первыми покинули гостеприимный дом в Вешках — устали, с дороги. Но на прощание Алиса поставила свою точку в их с Борисом Аркадьевичем словесной дуэли:

— Борис Аркадьевич, хорошо идти по свету, за щекой держа конфету, — брякнула она просто, чтобы последнее слово осталось за ней, и сама же поняла, что некстати. — До свидания. — Она помахала рукой и села в машину.

Фраза не задевала и прозвучала скорее «вдогонку». Поэтому Борис Аркадьевич хмыкнул, хотел сказать: «За щекой держа кусочек сала, Алиса» — и промолчал. Он стоял и улыбался, провожая глазами машину Лытниковых, — вечер удался.

Через час уехали Ащеуловы, за ними Сальниковы, вызвав своего водителя с машиной. Люсик ушел спать к себе домой, и только Кирилл Зубов остался и поехал уже совсем поздно.

Тем же вечером на Алтуфьевском шоссе загорелась иномарка. Водитель пытался открыть дверь, но ее, по-видимому, заклинило. Он кричал, задыхался, бил в стекло. Дым быстро заполнял салон. Затем раздался взрыв, и пламя охватило всю машину.

Алла сидела за своим рабочим столом в кабинете и... улыбалась. Хотя поводов вроде не было. Наоборот, стало известно, что ее все-таки сокращают, и в отпуск она уходит с последующим увольнением. И дело о нападении на Александру Гергардт пока пробуксовывало, а очень хотелось успеть довести его до конца, не передавать другому оперу.

Сергея, сына потерпевшей, допросили. Правда, не сразу — пришлось ждать, пока он протрезвеет. Илья привез его, что называется, никаким.

В доме у Сергея на кухне нашли и нож со следами крови. Эксперты заключение еще не дали, но Алла Сергеевна после допроса была почти уверена, что сын не причастен к нападению на мать и на ноже не ее кровь. Характер не тот: слишком мягкий, безвольный. Да и свидетели нашлись, которые видели его в деревне в то время, когда кто-то напал на Александру Гергардт.

С ней самой поговорить пока не удалось — врачи ввели ее в искусственную кому. А вот с симпатичным молодым коллегой, который работал с потерпевшей, получилось.

Алла снова улыбнулась, вспомнив их беседу.

Разговаривали они в машине. Такая вынужденная «романтика» получилась. Новогодние праздники еще не закончились, а расследование надо было продолжать. Хорошо, что свидетель согласился побеседовать. В кафе шумно и людно, на улице холодно, а в машине — самое то.

«Надо будет Алисе рассказать, посмеемся», — подумала Алла. Они с подругой как раз сегодня собирались встретиться в суши-баре «Нагасаки» в Отрадном.

Алла попыталась настроиться на работу, но мысленно снова и снова возвращалась к разговору с бывшим коллегой Гергардт — Владиславом Павловичем Ткачевым.

Он быстро согласился на встречу и, что тут скрывать, просто обаял Аллу.

Среднего роста, темно-русые волосы, начинающий полнеть мужчина сорока шести лет. Ничего особенного. Но... серо-голубые глаза — и разглядела же в машине! — тепло и умно смотрели на Аллу. И собеседником он оказался приятным, а главное, толковым. Сразу понял, что от него требуется, и рассказал всё, что знал.

С потерпевшей он проработал лет пять, потом она на пенсию ушла. Приятная была, спокойная женщина, знающая своё дело. Не конфликтная, со всеми поддерживала ровные отношения. Особых странностей за ней Владислав не замечал. Но однажды на корпоративе — уже и не вспомнить теперь, по какому случаю, — так получилось, что они сидели рядом. Гергард тогда посмотрела на него, вздохнула и сказала: «Вы из-за сына не разводите? Не надо мучиться. Он всё понимает и тоже мучается вместе с вами». Сказать, что Владислав удивился — ничего не сказать. Откуда она узнала? Сболтнуть ей по пьяной лавочке он не мог, не те у них были отношения. Он вообще на работе никому не рассказывал, что его семейная жизнь не сложилась. Они с женой оба так решили: закончит Алешка школу, поступит в институт, тогда и разбегутся.

Алла не стала уточнять, разбежались или нет. Дала визитку — может, еще что вспомнит. А на работе не удержалась, узнала, что по-прежнему женат, хотя кольцо на руке отсутствовало. Но не все носят кольца.

«Вот зациклилась, — одернула себя Алла. — Алиса бы сказала, мужика давно не было!» После обеда запиликал сотовый. Номер незнакомый.

— Алло, Алла Сергеевна, это Влад Ткачев беспокоит.

— Что вы хотели, Владислав Павлович? — по-казенному, нарочито сухо спросила Алла.

— Я кое-что еще вспомнил... — промямлил мужчина от неожиданно холодного тона собеседницы. — Может... встретимся?

— Хорошо. Но только не сегодня. У меня на вечер уже запланирована встреча. Я сама позвоню, — смягчилась Алла.

— Буду ждать.

«Жди», — усмехнулась про себя довольная Алла.

Ровно в пять она вышла из здания ОВД и направилась к своей машине. За час успеет приехать в суши-бар.

Позвонила Алиса, узнать, едет подруга или нет. Голос озабоченный. Что там у нее случилось?

Собственно, Алиса жила рядом с кафе, где они собирались встретиться, но домой не пригласила. Скорее всего, Павел приехал, а он гостеприимством не страдает, ему нужен покой после очередной командировки. Да и при муже о своем, о девичьем много не наговоришь.

Возле машины Аллу ждал сюрприз — с букетом цветов из пяти белых роз ей навстречу шагнул Владислав Ткачев. «Не угадал, я люблю тюльпаны, но все равно приятно, — подумала Алла. — А напористость-то какая!»

— Владислав Павлович...

— Можно просто Влад.

— Просто Влад, — засмеялась Алла, беря цветы, — спасибо за цветы, но я же говорила, что у меня встреча.

— Ничего, мы можем поговорить в машине, пока едем.

— Это становится традицией. Ну что с вами делать, садитесь.

«Ничего нового он, конечно, не скажет, это предлог, чтобы встретиться. А вот Алиска обалдеет, когда я заявлюсь в бар с букетом роз — белых! — вот не умеют мужики цветы выбирать — и с Владом. Хм! Уже Владом».

В машине Влад начал беседу с комплиментов.

— А вы отлично водите машину.

— По должности положено, — усмехнулась Алла, но все равно ей было приятно, не часто мужчины хвалят женщину за рулем.

— Я... вспомнил, но так, мелочи...

— Как раз мелочи нередко и помогают раскрыть преступление, — заявила Алла и тут же извинилась, смягчив тон: — Извините, я вас перебила, Владислав.

— Да, собственно... — Он выдохнул и решился: — Вы мне понравились, Алла Сергеевна. Мы с женой давно просто живем вместе, ради сына... Он уже вырос. Сам не свидания бегаёт... Вот... Могу я надеяться?..

— А конфеты? — засмеялась Алла.

— Простите, не понял.

— Ну, букет уже подарили, а конфеты еще нет. Я про конфетно-букетный период.

— Понял, будут, — пообещал радостный Влад.

К назначенному времени они подъехали к суши-бару. Надпись над входом позабавила Аллу — «НагаСаки».

Хмыкнул и Влад, но ничего не сказал. И Алле понравилось, что они заметили одно и то

же и молча поняли друг друга.

Алиса пришла раньше и расположилась на белом диванчике у окна. Она сидела задумчивая и чем-то явно расстроенная. Появление подруги с букетом роз и под руку с мужчиной произвело эффект если не разорвавшейся бомбы, то лопнувшей лампочки точно. Но смутить Алису было не так-то просто.

— Знакомьтесь, — немного официально произнесла Алла, довольная произведенным эффектом, — это Алиса, моя подруга. А это Владислав... — Алла запнулась, не зная, как представить Влада, не свидетелем же по делу.

Ей не дала договорить Алиса, которая моментально воспользовалась заминкой подруги и которую, кажется, понесло, видимо, от не очень хорошего настроения и непредвиденного присутствия постороннего.

— «Знакомьтесь! Алиса, это пудинг! Пудинг, это Алиса!» — агрессивно, с издевкой процитировала она.

Алла растерялась и с укоризной посмотрела на подругу: «Что это было сейчас? Зависть? Но не до такой же степени».

Зато не растерялся Влад.

— Ну вот, только познакомились, а вы уже и «с ножом», — мягко, разряжая обстановку, не совсем точно воспроизвёл он Льюса Кэрролла. — Извините, мне нужно позвонить, я совсем забыл.

Когда Влад отошел, Алиса торопливо пояснила:

— Ал, прости, я не в себе. Мне такое сообщили сегодня... А он ничего, симпатичный и вроде не дурак.

— Да что случилось? Ты и правда сама не своя! Так, сейчас я его отправлю, и мы поговорим, — решительно заявила Алла, не давая Алисе возразить, встала и направилась к выходу.

На крыльце с телефоном в руках стоял Влад, но не звонил.

— Влад, у подруги какие-то неприятности...

— Понял. Я позвоню потом?

— Конечно. Спасибо, — Алла улыбнулась ему на прощание и вернулась в зал.

— Заказывать-то будем, я с работы, голодная?

— Нет, ничего мужик. Всё понял, ушел. Где ты его... нашла? И как далеко у вас зашло?

— У них нормальная еда есть? Не люблю я все эти «сушироллы», — листая меню, проигнорировала вопросы подруги Алла.

— Я вообще есть не хочу. Возьму кайсо суши, — и добавила немного назидательно: — Водоросли полезны.

— А я, пожалуй, шашлычок и овощи.

Они сделали заказ. Когда официант отошел, Алла выразительно посмотрела на Алису.

— Рассказывай давай, что случилось?

Алиса вздохнула и, «убавив громкость» — соседние столики были, по её мнению, слишком близко, — начала выкладывать новости:

— Сегодня на массаж была записана Наталья Григорьевна. Ну, Супонина, жена Виктора Семеновича. У меня новая массажистка — так классно массаж делает. Приходи, тебе, так и быть, скидку сделаю.

— И что? — нетерпеливо перебила ее Алла.

— Сообщила, что Кирилл Зубов... Ну, помощник ее мужа. В машине сгорел

Представляешь?

— Алиса, ну всякое бывает. Скорее всего, проводка была неисправна... — посочувствовала подруга.

— Нет, его убили!

— С чего ты взяла? — опешила Алла. — Следствие показало? Да еще наверняка результатов экспертизы нет.

Алиса осмотрела зал, еще ближе придвинулась к подруге и почти шепотом произнесла:

— А за мной следят.

— На каком основании ты такие выводы сделала? — еще больше подобралась Алла, не ожидавшая такого поворота дел.

— Я чувствую.

— Ну, «чувства к делу не пришьешь». Давай-ка подробно. Только факты. И перестань вертеться.

— Помнишь, перед Новым годом я к Супониным в гости ездила?

— Помню. Там что-то произошло?

— Даже не знаю... В общем, Люсик, как всегда, лишнего выпил и давай за мной ухлестывать. Я — от него, поднялась на второй этаж и забежала в кабинет к Виктору Семеновичу — дверь была приоткрыта. Я быстро к окну, встала за портьеру.

— Ну и игры у вас! — не удержалась Алла.

— Игры как игры. Так вот, стою, а минут через пять заходят Виктор Семенович с Кириллом. Ну, помнишь, мы как-то его в супермаркете встретили? Красавчик-атлет. Он тоже ко мне клеился. Но не мой типаж.

— Припоминаю. Дальше что было?

— Заходят, садятся. И начинают говорить о каком-то архиве. Вроде Кирилл узнал адрес женщины. Фамилия такая немецкая — Герад или Гехард. Не помню. А Виктор Семенович говорит, что надо за ней понаблюдать. Представляешь мое положение?! И выйти стремно, и не выйти нельзя. Если сами обнаружат, докажи потом, что не специально подслушивала. Ну, я и вышла! Кирилл растерялся, теперь даже я думаю, испугался, а Виктор Семенович вида не подал, стал шутить, что его кабинет посетила фея, в общем, нес какую-то ахинею. Ну, я сделала вид, что ничего не поняла из услышанного, да, собственно, так и было, это сейчас я всё сопоставила. А тогда, в кабинете, перевела стрелки на Люсика, и мы все вместе спустились вниз. Да я вообще забыла про всё это, если бы сегодня...

— «Сопоставила» она — вот где «опер зарылся», — машинально проговорила Алла и, как гончая, почувствовав, что след совсем рядом, засыпала Алису вопросами: — А когда ты поняла, что следят? До или после инцидента у Супониных? Видела кого-то? Как ты догадалась, что это слежка?

— Да поняла я только сейчас. А тогда — «смутные ощущения», если такая формулировка тебя устраивает, — начала обижаться Алиса. — Никого я не видела. Может, и сейчас кто-то рядом сидит и наблюдает за нами.

— Не бойсь, прорвемся. Что-то долго заказ не несут.

Алла вдруг вспомнила о дорожно-транспортном происшествии на Широкой и как она испугалась тогда за Алису: «Перепутали? Машина одной марки и девчонка за рулем похожа... Накручиваю? Вот черт! Неужели за Алиской действительно следили? И даже пытались... Что за бред? Ладно, разберемся».

— А как, еще раз скажи, фамилия женщины, о которой говорили Виктор Семенович и

Кирилл Зубов в кабинете? — решила уточнила она.

— Да не запомнила я. Стояла там как дура! Кажется, Герхат.

— Гергардт! — Алла откинулась на спинку дивана. — Вот это удача!

— Вроде да. А ты откуда знаешь?

— Давай-ка поменяемся местами, Алиса. Хочу зал осмотреть.

Официант принес заказ.

Алла с аппетитом принялась за еду, время от времени оглядывая зал.

Алиса съела пару суши и заерзала на диване.

— Смотрит на нас кто-нибудь?

— Конечно, смотрят. На таких девушек, как мы, грех не посмотреть?! — засмеялась

Алла, успокаивая Алису, а в душе ликуя своей удаче: надо же, какое совпадение! Возились бы с этим делом еще неизвестно сколько, а тут такая зацепка. Даже не зацепка, а зацепище. — Знаешь, что мы сделаем? Сейчас ты сядешь в машину и не сразу домой рули, а поезди немного. А я за тобой, посмотрю, есть слезка или нет. Ты, главное, ничего не бойся и не дергайся, езжай как обычно. А вообще, лучше бы тебе уехать куда-нибудь, пока следствие будет идти. Не переживай, мы будем на связи.

Алиса притихла, переваривая информацию и предстоящие «маневры».

— Дай-ка я твои полезные водоросли попробую, ты ведь всё равно есть не будешь.

— Да ешь, чего добру пропадать. — Алиса придвинула тарелку подруге. — Ой, я же тебе подарок привезла. — Она открыла сумку и достала небольшую коробочку. — Вот, держи.

— Что там такое? — Алла аккуратно открыла коробочку. — Алиска, это ж дорого! Какая красота! Я давно хотела такую цепочку. То-то ты все выпрашивала, когда мы в ювелирном были. Ну лиса!

Хвоста, как и предположила Алла, не было.

«Если следили, то, скорее всего, это был Кирилл Зубов. В таких делах, чем меньше свидетелей, тем лучше. А его нет в живых. И с этим теперь надо разбираться. Может, придется объединять два дела в одно, если, конечно, дело завели. Неужели это Зубов напал на Гергардт? Надо будет показать фото потерпевшей, когда выйдет из комы. Выяснить, что за фрукт Виктор Семенович и как к нему подобраться. Что они хотели найти в квартире у Гергардт? Что-то очень ценное, прямо очень — Супонин, судя по рассказам Алисы, не из бедных», — размышляла Алла по дороге домой.

Она совсем забыла, что находится в отпуске с последующими увольнением и пенсией.

Глава 9. Москва, сентябрь 1938 года

Как жарко! Пот пропитал рубаху на спине, катится соленой слезой по щекам. И то, солнце как поднялось. А они с батей только половину делянки скосили. Вон еще сколько! Так пить хочется. Сейчас бы на пруд. Нырнуть в прохладную глубь.

— Батя, может, отдохнем. Пить хочется.

Батя останавливается, но только для того, чтобы наточить косу. И снова вжик, вжик, вжик. Трава ровными рядами падает, падает. Вжик, вжик, вжик. Ложится рядами, рядами, рядами... А батя всё дальше, дальше уходит от Николки.

— Ба-а-атя!

Николай с трудом пришел в себя. Во рту пересохло, от спертого воздуха трудно дышалось, ныла голова.

Хотел распрямить ноги и уперся в чьи-то плечи. Подобрал ноги и окончательно проснулся, лег на спину. Глаза не открывал, хотелось снова уйти в сон.

Рассвет едва пробивался сквозь решетки. Камера была переполнена. Тем, кому не досталось места на нарах, спали на полу. Слышались всхрапы, кашель, тихие голоса проснувшихся.

Мысли Николая невольно снова обратились к событиям последних дней. Горькие думы вновь побежали по проторенному кругу.

Он то пытался найти выход, то, наслушавшись разговоров в камере, впадал в уныние, то смирялся — эх, будь что будет, от судьбы не уйдешь. И ждал вызова к следователю. Прикидывал, что сказать, как вывернуться — может, еще пронесет.

«Батя-покойничек приснился. К чему бы это? Хорошо хоть не звал за собой. Это сколько годов прошло? В тридцать первом схоронили. Значится, семь годов уже.

Э-эх... Зачем полез в сторожа? А куда с моей ногой ковылять? От дома близко. Дом... Как там теперь Настена? Васька-то в армии. Ничего, мои помогут, ежели чего.

И кто же поджег эту часовню? Ну, выпили мы с Михалычем. Первый раз, что ли? Вот же сморило меня. Пятьдесят с лишком мешков с зерном. Всё сгорело. Да всё ли? Может, украл кто, а потом и поджег? А теперь на меня всё спишут, как пить дать спишут.

Свалить бы и мне на кого. Да, поди, разберутся. А это, говорят, смотря какой следователь попадется.

Вот и Настена ругала — хоть на работе не пей, случись чего, а ты лыка не вяжешь. Да как не пить, ежели жизнь такая!

Какое хозяйство у бати было! А сейчас одну курицу держишь и боишься, что в кулаки запишут.

Вроде по-умному всё делал. Сколько раз отсыпал с каждого мешка помаленьку, и ничего, проносило. С голоду, что ли, пухнуть?!

А может, откупиться? — Николай присел, от такой мысли аж в жар бросило. — Вот где пригодилась бы коробочка Фрола Фомича. А как проверить? Настена не знает ничего. Расскажешь — отберут! К стенке — и концы в воду! Или начнут расспрашивать откуда. Вот и будешь как уж на сковороде. Ежели нашел, то почему не отдал советской власти. А теперь подкупить ее хошь?!»

Лязгнула дверь.

— Проходи! По одному. Эй, двинься там.

— Да куда тут?

— Скоро и стоять будет негде!

— Когда пожрать принесут?

— Разговорчики!

В камеру запихнули еще пять человек. Николай пригляделся и узнал председателя колхоза из соседней деревни Ивана Полоскунова.

«Его-то за каким? Шибко идейный, говорят. А вот и его взяли. Пойти, что ли, приспроситься? Место потеряю. К себе позвать? Да тут тесниться некуда. Меньше знаешь, лучше спишь. Самому бы выкрутиться».

Но любопытство взяло верх. И всё легче с земляком: и место держать, и время коротать.

— Иван! — замаячил Николай. — Полоскун! Пробирайся сюда. Давай.

Они были одногодками, но Иван выглядел старше, солиднее. А то: и в Гражданскую воевал, и раскулачивал, и должность не маленькая, и дома шесть ртов — все успел.

Поздоровались. Сели вместе.

— Тебя-то, Иван Савельич, за что? По ошибке? Ничего, разберутся, отпустят, — начал успокаивать земляка Николай — видел, что тот старается держаться спокойно и уверенно, но получается плохо.

— Ну, должны разобраться. А тебя каким ветром сюда занесло?

— Не слышал, три дня назад часовня у нас горела? А я сторож, с меня и спрос.

— Как же ты пожар не заметил? Спал, что ли?

— Ох, и не спрашивай! Выпили мы с Михалычем, со счетоводом нашим. Черт его принес! Ну, я и проспал «царствие небесное». Пятьдесят мешков с зерном...

— Нда, за такое по головке не погладят. А следовательно что говорит?

— Дак не вызывали еще. Ты вот грамотный, подскажи, как чего сказать. Сколько дать могут?

— По нынешним временам... — Председатель замолчал, снова уйдя в свои переживания. — «Грамотный»... Не знаю. Со следователем побеседуешь, и видно будет.

Снова лязгнула дверь.

— Венин, на выход!

Николай вздрогнул — столько ждал этого, а вызвали, и мурашки по телу. Он поднялся на негнущихся ногах, кивнул Ивану и, стараясь ни на кого не наступить, побрел к двери.

— Шевелись, сучий потрох! Руки за спину! — Конвоир, улыбчивый белобрысый парень лет двадцати пяти, ругался беззлобно, скорее, от избытка молодых сил. И от этого еще больше сжималось сердце — уж лучше бы лютовал.

Они поднялись из подвала на первый этаж и пошли по узкому коридору, потом снова по лестнице на второй этаж. Остановились у обшарпанной двери. Конвоир постучался и, получив добро, завел подследственного.

Николай робко вошел в комнату. Там за письменным столом сидел и читал бумаги невысокий лысоватый мужчина с воспаленными, красными глазами. Он указал Николаю на табурет и снова уткнулся в бумаги.

Николай осторожно присел, оглядывая кабинет. Ничего особенного — квадратная небольшая комната, одно окно, второе заложено кирпичами. Жилой дом переделали под тюрьму, догадался Николай.

Наконец следователь оторвался от бумаг и, взяв чистый лист, начал беседу, вернее

опрос — имя, проживание, образование, должность... Когда с формальностями было покончено, он встал, прошелся от стола к окну, открыл форточку.

— Душно, Николай Петрович. Ночью прохладно, а днем еще жарко бывает. Вот и сегодня — прям лето красное.

Николай поерзал на табурете, еще не зная, поддакивать или помалкивать пока.

— Да, мы же не познакомились, то есть я-то про вас всё знаю, — следователь сделал паузу, — а меня зовут Терентий Евгеньевич.

Николай кивнул, но выражение его лица, напряженно выжидающее, не изменилось.

— Вижу, вижу, что осознаете свою вину. Да, Николай?

— Проспал. Виноват.

— Проспал... Да только ли в этом вина?

— А в чем же еще? — дрогнувшим голосом спросил подследственный.

— А не ты ли и поджег? А?

— Нет. Как же... зачем?

— А вот, говорят, недоволен ты советской властью.

Внутри у Николая всё оборвалось. Глаза забегали, он стал вытирать вспотевшие руки о штаны, приподнялся и тут же сел, услышав грозное «Сидеть!».

— А может, тебя надоумил кто? Не сам ты, не по своей воле. Кто с тобой был?! — повысил голос следователь. — Кто? Ну, соображай быстрее. — Следователь подскочил к Николаю, взял его за подбородок и стал пристально смотреть в глаза. — Кто, я тебя спрашиваю?!

Николай не выдержал взгляда, обмяк.

— С Михалычем пили.

— Вот, уже лучше. Фамилия Михалыча?

— Лунев, счетовод наш вешкинский.

— Счетовод — это хорошо, — уже спокойно произнес следователь, записывая показания. — Еще кто с вами был?

— Всё. Больше никого, — поспешно заверил Николай.

— А если подумать?

— Да ей-богу, никого. Выпили, закусили. Он ушел...

Следователь снова вышел из-за стола, заставив Николая внутренне сжаться, начал ходить по кабинету, потом остановился за спиной у подследственного.

— Николай Петрович, вы знаете, какая обстановка в мире? Наше молодое государство в опасности. У нас много врагов. И они не где-то там, далеко, они здесь, рядом.

Николай хотел обернуться, но не посмел. Так и остался сидеть, опустив голову.

— Кто устроил вас на должность сторожа? — резко спросил следователь.

— Как же? У нас председатель есть, — растерялся Николай, еще не понимая, к чему клонит следователь. — Я сам попросился. У меня нога больная. Хромаю. Куды мне еще?.. В детстве... топором...

— Николай, — перебил его следователь, — посмотри, как всё складывается: ты, бухгалтер, председатель. Но ты-то человек маленький, тебя обманули, заставили... Зачем тебе всю вину брать на себя?

— Как это?.. — Николай удивленно посмотрел на следователя и тут же опустил глаза: «Вот ведь, зараза, как вывернул».

— Ну так что, Николай? Сознайся, ведь поругивали советскую власть? Собирались. Да

кто без греха! Конечно, не всё еще у нас благополучно, гладко да сытно. Но советская власть работает. И если бы ей не мешали... — Следователь замолчал, снова усаживаясь за стол. — Вот так мы и запишем. Как фамилия председателя?

— Да не было там никакого председателя! Мы вдвоем пили. Потом Михалыч ушел...

Следователь подскочил к Николаю и вышиб из-под него табурет.

Николай упал, от неожиданности стал хватать ртом воздух.

Разозлился: «Шибануть табуретом. Так не убежишь — конвой за дверь, — зыркнул на следователя. — Еще бы спросил, с кем крестился да с кем женился. Эдак всех можно пересажать. Хорошо, что у Настены ее девичья фамилия осталась. И у Васьки».

Он быстро опустил голову, встал, поднял табурет и сел.

Следователь взгляд Николая заметил.

— Что, Николай, наверное, хочешь табуретом запустить? Все хотят, да мало кто решается. — Он достал наган. — Это для слишком ретивых. Но ведь ты-то не такой, Николай! — И добавил, прибавив металла в голосе: — Что-то долго мы беседуем, а? Я один, а вас вон сколько. — Следователь ударил кулаком по столу так, что подпрыгнул телефон. — Или ты мне сейчас всё расскажешь и подпишешь, или... Итак, вы с бухгалтером Михаилом Луневым и с председателем... Фамилия?!

— Иванчук Петр Игнатьич, — промямлил Николай.

— ...И с Иванчуком, недовольные советской властью, организовали поджог склада, где хранилось пятьдесят мешков с зерном... — одновременно произносил и записывал следователь.

— Да не было такого!.. — В выкрике Николая слышалось удивление, отчаяние и уже безнадежность.

Через мгновение он лежал на полу с разбитым носом. Приподнялся, и снова получил удар носком сапога в живот. Ойкнул и остался лежать, корчась от боли. От очередного удара его спас зазвонивший телефон. Следователя куда-то срочно вызывали.

— Подумай хорошо, Николай. Конвой! Забирайте.

Николай плелся по коридору, боль постепенно стихала. И снова лязг железной двери, и снова он в камере.

Стал пробираться к своему месту.

— А ну вали отсюда, пока ребра целы! — напал на земляка здоровый, быковатого вида мужик, пытаясь занять их место.

— Ах ты сукота! — Николай набросился на здоровяка, вымещая на нем весь накопившийся страх и злобу.

Началась потасовка. Люди дрались, с ожесточением выплескивая в драке растерянность и затянувшуюся неопределенность. Прибежал конвой и быстро всех утихомирил, приложив особо неугомонных прикладами винтовок.

Через неделю Николая снова повели на допрос. Только следователь был уже другой: помоложе и видно, что не очень опытный — не пообтерся еще. Разговаривал мало, признаваться в контрреволюционной деятельности против советской власти не заставлял и быстро оформил все показания. Так же быстро прошел суд, где вынесли приговор — восемь лет лагерей.

Николая отправили по этапу. Иван Полоскунов остался в камере.

Свидятся ли когда?

Зимний рассвет пробивался трудно, как бы нехотя, медленно наступая на город. Он лениво серел сквозь неплотно задернутые шторы.

Алла открыла глаза, сладко потянулась. Посмотрела на спящего рядом Влада.

«И кто сказал, что женщине за сорок не так просто найти мужчину? Нет, на одну ночь — проще, конечно. Но чтобы вот так: лежать, смотреть на него и... и ничего больше не надо. А он у меня всего вторые выходные. — Стоило только подумать о времени, мысли сразу перескочили на дела. — Так и не заметишь, как отпуск закончится, а воз... еще не бежит. И угораздило же всё сразу — и дело это, и Алиска замешана, и сокращение, и...» — Алла снова посмотрела на Влада.

Тот, видимо, почувствовал ее взгляд, повернулся и положил руку ей на живот.

— Как хорошо, что сегодня выходной! Ты выспалась?

— Да-а.

— Знаешь, я давно не люблю выходные. Маешься, ходишь из угла в угол или пялишься в телевизор. Думаешь, быстрее бы на работу, что ли. Глупо, да?

— Хм... Согласна. А теперь ты любишь выходные? — кокетливо спросила Алла.

— Обожаю. Жаль, что их только два. — Влад потянулся к ней.

— Ты любишь только выходные? — Алла увернулась от Влада.

— Еще я люблю «теплых женщин». — Влад склонился над ней, чтобы поцеловать.

— Интересно. — Она мягко отстранила его. — Значит, я «теплая женщина»? — Алле нравилось быть «теплой женщиной».

— Ты горячая женщина! — произнес Влад, изображая кавказца. Он снова наклонился и теперь уже не дал ей увернуться от поцелуя.

Они стали в шутку бороться, в ход пошло одеяло и полетели подушки. Потом, отсмеявшись и отдышавшись, Алла продолжила выяснение.

— А все-таки, — ей было интересно, — как ты различаешь: холодная женщина или горячая?

— Теплая, — поправил Влад.

— Мамка, что ли? Накормит, напоит, спать уложит?

— И это тоже, но это не главное. — Влад замолчал, собираясь с мыслями. — Она тебя принимает любым, понимаешь, как... мать своего ребенка. Даже если не понимает... Путано я говорю. Тепло, короче, от нее идет, и всё, — выдохнул Влад.

— Ладно, горец, что на завтрак сделать?

— Из твоих рук, красавица, приму всё, — снова начал дурачиться Влад. — Но утром лучше что-нибудь полегче, без мяса и колбасы.

— Так ты у меня не горец, а зайчик. — Алла, улыбаясь, накинула халат и пошла в ванную.

— Заец! — гордо произнес Влад ей вслед.

— Ец, ец, — со смехом согласилась Алла. — Я сейчас.

Минут через тридцать они сидели за столом: ели, шутили, строили планы на день, снова дурачились.

Женщине Алле хотелось, чтобы это как можно дольше продолжалось, а капитан Алла Сергеевна ждала звонков, отчетов, экспертиз и даже торопила события. Не так много ей

удалось узнать.

«И у Алиски, по-моему, в ее «местах силы» скоро эта сила через край ползет. Набралась. Рвется домой, в бой. — Алла усмехнулась, и тут же раздался звонок. — Накликала».

Она взяла телефон.

— Здравствуйте, вы Алла Сергеевна Смагина?

— Да.

— Вам звонят из больницы, заводделением Войтин.

— Да-да.

— Александра Васильевна Гергардт, потерпевшая, пришла в себя. Можно поговорить, но недолго.

— Хорошо. Еду.

Влад тоже стал серьезным.

— Дела? Когда приедешь? Может, в городе встретимся, сходим куда-нибудь?

— Не знаю, Влад. Я позвоню.

Алла начала собираться.

В прихожей поцеловала Влада в щеку, бросила:

— Ключи возле зеркала, будешь уходить, захлопни дверь.

Какой бы современной, отремонтированной, оборудованной ни была больница, а заходить туда без надобности не хочется.

У Аллы надобность была. Еще какая! Сейчас все должно было проясниться. Кто нападал? Красавчика-атлета Зубова трудно с кем-то спутать. Что за ценность хранится в квартире? Где конкретно? И хорошо бы изъять её на время, пока еще кто-нибудь не полез за чужим добром.

Алла в сопровождении лечащего врача поднялась на второй этаж, зашла в палату. Врач в который раз предупредила, чтобы недолго, и оставила их.

Александра Васильевна лежала на спине. Лицо припухшее, руки сложены на груди. Блуждающий взгляд.

— Александра Васильевна, здравствуйте! Я — Алла Сергеевна Смагина, веду ваше дело. Может, помните меня, мы встречались с вами у меня в кабинете. Случай в троллейбусе...

— Помню, — с трудом произнесла Александра Васильевна. — Я же говорила... — она закашлялась, — ...что встретимся.

— Вам много нельзя говорить. Я буду спрашивать, а вы можете только кивать или отвечать односложно: да или нет. Хорошо?

— Да, — выдохнула Гергардт. — Только все было в автобусе.

— Это не важно. — Алла не сразу сообразила, что сама перепутала троллейбус с автобусом, но порадовалась, что ее подопечная не потеряла память. — Вы помните, кто на вас напал? Сможете узнать? — Она поднесла ближе фото Кирилла Зубова. — Не торопитесь, внимательно посмотрите.

— Нет, не он напал... А этот уже получил свое... Другой... рядом... — Александра Васильевна собралась с силами и, возбуждаясь, почти выкрикнула: — Вы должны найти мою дочь! Я... как увидела вас... поняла — вы... сможете. Обещайте... — Женщина закрыла глаза, запищал монитор, в палату вбежала дежурная медсестра, за ней врач.

— Всё, всё, выходим.

— Пожалуйста, позвоните, когда ей станет лучше, — попросила Алла и послушно вышла из палаты.

«Обещаю, — мысленно обращаясь к Гергардт, твердо заверила ее Алла. Она в задумчивости спускалась по лестнице. Допрос почти ничего не дал, только всё запуталось, и теперь придется искать еще и дочь потерпевшей. — Неужели она жива? Столько лет прошло. Или это навязчивая идея пострадавшей, то, что ее мучает всю жизнь. И картина эта на стене. Наверняка Гергардт рисовала».

В машине Алла продолжила анализировать разговор, ругая себя:

«Может, не с этого надо было начинать? Сразу спросить, что она хранит в квартире. Отсюда бы, наверное, легче было плясать».

А если Гергардт не выживет?

Так, спокойно, выживет, раз надеется встретиться с дочерью.

Она сказала «другой», выходит, их было двое. Кто? Зубов и Супонин? Нет, Виктор Семенович птица не того полета, чтобы самому идти на дело или стоять на стреме. Конечно, все может быть. Но что я ему предъявлю? Алиса что-то слышала. Смешно. Зубов мертв. Свидетелей их разговора нет. Дамочка напилась, зашла без спроса в кабинет, что-то услышала, потом вышла. Ерунда.

И к биографии Супонина не подкопаешься: «в деяниях, порочащих его, не замечен». В молодости пошел по линии комсомола, оброс связями, потом удачно женился.

Интересно, жена в курсе его дел?

Надо в понедельник нажать на экспертов, чтобы поторопились. Неужели машина сама загорелась? Что-то слишком вовремя. Если эксперты найдут криминал, можно поближе познакомиться с этой семейкой и ее гостями, которые были в тот вечер.

Так, теперь розыск дочери. Где они жили, когда девочка пропала? Надеюсь, уже в этом районе. Поручить Мише? Нет, самой надо».

Алла остановилась у продуктового супермаркета. Набрала Влада.

— Скучаешь?

— А вот и нет.

— Не-е-т?!

— Ну... по тебе, конечно, соскучился... Я тут такой супец сварганил! И еще кое-что. Сюрприз!

— То есть хлеб не надо покупать?

— Конечно, нет. Я сходил в магазин, всё взял. Приезжай быстрее.

— Лечу, — засмеялась Алла.

— Надеюсь, на крыльях любви?

— От сюрприза будет зависеть.

Она отключила телефон и снова встроилась в поток машин. Бывший ее так не баловал.

Олег всё время ворчал, что ее постоянно нет дома и ужин не приготовлен. Этот — самостоятельный.

«Может, мне такой и нужен был? С моей работой... Да кто теперь разберет?! Бывает, что просто время пришло расстаться. Исчерпали друг друга, вот и всё».

Суп, сваренный Владом, оказался вкусным. А сюрприз удивил.

Она по просьбе Влада закрыла глаза, а когда открыла, на столе стоял неуклюжий маленький торт, похожий по форме на квадрат, но одна сторона у него была выше другой.

— Это «Рыжик». Прошу любить и жаловать... повара.

— «Рыжик»? — Торт сразил ее своей неуклюжестью, она растрогалась. — Ты умеешь печь?

— Нет. Это в детстве нас с братом мама учила. Мы были шептуньи, беспокойные. Вот она нас и занимала, чтобы не мешали готовить. А потом сами же и ели.

— Понятно.

— Нет, ну я загуглил, конечно, еще...

— А по какому случаю торт? — Алла пришла в себя.

— Сегодня ровно восемнадцать дней, как мы познакомились.

— Да уж, круглая дата. Все равно спасибо, — поблагодарила Алла и, посмотрев на торт, с шутливой иронией добавила: — А тебе не кажется, что он угловат и... темноват?

— Я бы сказал — круглловат и рыжеват.

— Конопат! Когда уже мы начнем его есть?

— Мы будем его не есть, а вкушать. Прямо сейчас, — весело заметил Влад и начал резать торт.

Ночью она прижалась к нему и тихо спросила:

— А ты мне еще торт испечешь?

— А это как вести себя будешь, — прошептал он, закрывая ее губы своими.

Виктор Семенович Супонин уже минут тридцать кружил по своему саду, старательно притаптывая снег возле яблонь, — и зарядка, и свежий воздух. К тому же однообразные движения помогали ему думать, точнее, обдумывать сложившее положение, а оно было не из приятных.

«Я даже предположить не мог, что об этом узнает кто-то еще! И главное — как? Каким образом? Или я перестраховываюсь? В конце концов, действительно могла быть неисправна проводка. И никто не виноват в смерти Кирилла. — Супонин остановился, посмотрел в сторону ворот. — Вроде приехал кто? Нет, показалось, — и перешел к следующей яблони. — Оставим этот легкий вариант. Если машину все-таки взорвали, то это мог сделать только тот, кто был в тот вечер у нас и под каким-либо предлогом выходил на улицу. Хм... Люсик выходил, я сам выходил, потом вообще все вышли в сад. За всеми не уследишь. У Натальи осторожно спросить? У Нины?»

Алиска тогда, в кабинете, наверное, всё же что-то слышала. Она? Чушь! Не докажет. Да и как бы она сообразила машину взорвать? А главное — зачем? Конкурента убрать? Эк меня несет в дебри фантазии. Даже если она заметила слезку. Ну и что? Приударить решил Кирилл за ней. Дело молодое, житейское.

А вот подруга у нее — Алиса как-то вскользь упоминала — следователь. Могла она ей что-нибудь рассказать? Даже если так, Алиса мало что слышала. Пара фраз, понятных только посвященным. — Виктор Семенович снял рабочие рукавицы, расстегнул верхнюю пуговицу куртки — жарко. Обдумывать самое главное, ради чего всё и затевалось, ему не хотелось. А надо было. — Что же делать-то теперь без помощника? Самому идти за этой чертовой штуковиной? — Он усмехнулся, представив, как крадется, оглядывается, шарит по квартире, вздрагивая от каждого шороха. — Нет, не царское это дело. Наверное, надо оставить всё до лучших времен и пока никого больше не ввязывать в это дело. Но это только при том раскладе, что Зубов погиб случайно».

— Виктор! Ви-и-тя! Ты там, по-моему, уже весь сад вытоптал. Не замерз? — забеспокоилась его жена Наталья Григорьевна. — Минут через двадцать завтракать будем!

— Сейчас приду, — недовольно отмахнулся от нее Супонин.

Ему надо было выработать линию поведения, как говорится, на все случаи жизни, как бы ни развивались события:

«Это Зубов не знал толком, где и что спрятано. Полез, дурак. На что рассчитывал? Жадность человеческая. Если не знать, хрен догадаешься. А я знаю...»

Его размышления прервал телефонный звонок. Супонин полез во внутренний карман куртки, достал телефон. Номер был ему неизвестен.

— Да. Слушаю вас, — с чуть заметным волнением в голосе произнес он.

— Супонин Виктор Семенович? — спросил мужчина.

— Да. С кем я говорю?

— Слушайте внимательно. Вы знаете то, чего не знаю я. Но я могу сделать то, чего не можете сделать вы. Поделитесь со мной своими знаниями, и я дам вам тридцать процентов.

Виктор Семенович побледнел, но быстро взял себя в руки.

— Вы ошиблись. Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Даю вам время на раздумье. Без меня вы ничего не сделаете. И без глупостей, если

жизнь дорога. Мы люди деловые, обойдемся без полиции.

Говоривший отключился. Супонин продолжал стоять, сжимая в руке телефон.

«Доигрался в кладоискательство! Но как? Откуда? Зубов, что ли, спьяну кому сболтнул? Или кому-то рассказал, а тот решил кинуть его. И где теперь Зубов? Там, где и я могу оказаться...»

Страх сдавил горло. Виктор Семенович качнулся и медленно пошел к дому, так же медленно поднялся на крыльцо. Немного постоял, успокаиваясь, и открыл дверь.

Завтракали вдвоем. Не спеша. Разговор не клеился. Виктор Семенович всё время думал о своем, а Наталья Григорьевна, наоборот, от своих переживаний хотела отвлечься.

— Сыра еще нарезать? — хлопотала она. — Чаю еще подлить?

Виктор Семенович, глядя на жену, думал: «Как она сникла сразу после гибели Зубова. Постарела. А то глаза прямо светились», — и отвечал односложно:

— Нет. Спасибо.

Виктору Семеновичу кусок в горло не лез. Ел так, для вида.

«Если со мной что случится, долго одна не останется. Найдет кого-нибудь, за ней не заржавеет», — беззлобно подумал он.

Ревновал ли он ее? Жалел? Он и сам сейчас не смог бы ответить на эти вопросы. Скорее, жалел. Немного. Они давно шли параллельными курсами. И все реже соприкасались — так, чтобы тепло, беззаботно, как в начале семейной жизни. Да и любил он другую, а на Наталье женился из-за карьеры, связей, денег. Из-за ее отца. Тесть скоро год, как умер. И всё же кое-какое богатство еще оставил.

— На работу поедешь?

— Что? Не знаю. Пока дома поработаю.

«Черт бы побрал всё это! Вот что теперь делать?.. Наверняка ведь будут следить. В квартиру не сунешься. Но и без моей подсказки они ничего не найдут. Значит, пока я молчу — я жив. Попытаются схватить, развязать язык? Вот это уже плохо».

— Вот время бежит — уже и девять дней отвели.

— Наташ, а ты не помнишь, ну, в тот, последний вечер, кто выходил из дома во время ужина? — решился спросить Виктор Семенович.

— Не знаю. Надо подумать. С чего это ты вдруг спросил? — удивилась Наталья Григорьевна.

— Если машина Кирилла загорелась не случайно, полиция всё равно будет спрашивать.

— Да с чего ты взял, что не случайно? — встревожилась Наталья Григорьевна. — То-то вы всё закрывались в кабинете! Дела-а обсуждали!

— Не ори! При чем здесь наши дела? Мне интересно, имел ли он дела с Сальниковым или с Ащеуловым? А может, с Люсиком?

— Ты подозреваешь кого-то из них?!

— А кто еще был в тот вечер?! Не тебя же мне подозревать!

— Меня?!

— А полиция будет подозревать всех! Даже Нину!

— Ну уж Нину-то...

— Успокойся. Это я так, нарисовал худший вариант событий.

— Умеешь ты подбодрить! И что, всех будут допрашивать? Это нежелательно... Это!..

— Не заводись. Ничего еще не известно. Всё. Я пошел к себе.

— Нет, ты что-то знаешь! Я чувствую, что ты что-то знаешь!

— Что я могу знать?! Как только я что-то узнаю, я тебе сразу сообщу. — Жалея, что затеял этот разговор, Супонин приобнял жену. — Ну, солнышко, успокойся.

«А впрочем, пусть лучше сейчас попереживает, чем потом, когда как снег на голову повестка придет или полиция в дом нагрянет», — решил он и отправился к себе.

Он то садился за стол, то вставал и подходил к окну. Кружил по кабинету. Надо было на что-то решиться.

«Во-первых, надо проверить, есть ли за мной слежка. Если есть, нечего и соваться в квартиру. Самому, конечно, вообще не хотелось бы, но довериться еще кому-то — увольте. Хватит с меня Зубова. Во-вторых...» — додумать Виктор Семенович не успел. Запиликал сотовый. Он снова увидел незнакомый номер. Но не тот, утренний.

— Да! — произнес он несколько громче, чем обычно.

— Супонин Виктор Семенович?

Он не ожидал услышать женский приятный голос, поэтому замешкался с ответом.

— Кх... Да. Я вас слушаю.

— Виктор Семенович, с вами говорит Алла Сергеевна Смагина, замначальника ОВД района Северное Медведково по оперативной работе. У вас работал Кирилл Зубов?

— Да.

— Мне нужно задать вам несколько вопросов. Я могу подъехать сейчас? Вы дома или на работе?

— Я дома. Подъезжайте.

— Очень хорошо. Я как раз нахожусь недалеко от вашего поселка.

— Жду.

Интуиция его подводила редко. Не успел подумать о полиции, вот и она. Ну что ж, видимо, что-то нарыли. Он спустился вниз, предупредил жену. Одедся, пошел открывать ворота — пусть лучше во двор заедут, чем будут глаза соседям мозолить.

Через полчаса во двор въехала иномарка, за рулем сидела женщина.

«Скорее всего, Алискина подруга, — предположил Виктор Семенович. — Ничего симпатичная. Ну что ж, посмотрим, что за птица».

— Здравствуйте еще раз, Виктор Семенович, — поздоровалась Алла, выходя из машины. — Я — Алла Сергеевна Смагина.

— Здравствуйте, Алла Сергеевна! Проходите. Мы с женой ждем вас. — Виктор Семенович был само радушие. Он излучал уверенность и спокойствие. И действительно, в чем он виноват?

Расположились в зале на первом этаже. Наталья Григорьевна принесла кофе, молоко, сыр и выпечку.

— Вы знаете, меня попросила помочь Алиса. С экспертизой и другими формальностями. На самом деле всё делается далеко не быстро. Не как в кино, — улыбнулась Алла. — Все-таки Алиса с Кириллом были хорошо знакомы.

— Да-да. Я понимаю, — откликнулся Виктор Семенович. — Спасибо за помощь.

«Интересно, рассказала Алиса о том, что слышала в кабинете, или не придала значения. А эта ничего бабенка, глаза умные».

— Но... предварительные, подчеркиваю, предварительные, результаты экспертизы показывают, что машина Кирилла Зубова загорелась не случайно.

— Ах!.. Да как же это?! За что? Кто?! — запричитала Наталья Григорьевна.

— Вот это нам и предстоит выяснить, — сказала Алла, отметив про себя: «Супонин

спокойно воспринял неслучайность гибели Зубова. Всё просчитал и был готов? Или он не виновен?»

— Наталья, успокойся. Уже ничего нельзя вернуть. Может, тебе выпить успокоительного?

— Нет, — отказалась Наталья Григорьевна. — Просто... как подумаю... — Она всхлипнула. — Всё-всё. Я в порядке.

— Расскажите, каким был Кирилл? Как человек? Как работник? Друзья, враги. Он ведь у вас работал, Виктор Семенович? — продолжила беседу Алла, продолжая внимательно наблюдать за реакцией собеседников: «А жена искренне переживает. Она не в курсе дел мужа или в курсе? Ведет свою игру? Просто жаль Зубова или их что-то связывало?»

— Да. Он работал у меня... помощником.

— А точнее?

— Водителем, выполнял разные поручения... Курьером, если хотите. Всегда нужен надежный человек.

— Понимаю. Он ваш родственник?

— Нет. Он, так я понял, какой-то дальний родственник Владимира Анатольевича Ащеулова, друга моего детства.

— То есть вы взяли Кирилла Зубова по рекомендации?

— Конечно, не с улицы, — усмехнулся Виктор Семенович. — «Неужели Кирилл снюхался с Володькой? Дурак. И Володька хорош, друг называется. Впрочем, ясно, что ничего еще не ясно».

— Ащеулов был в тот, последний вечер?

— Да. Неужели вы подозреваете Владимира Анатольевича? — подала голос Наталья Григорьевна.

— У меня работа такая — подозревать. Я вас попрошу составить список гостей, которые отмечали у вас Рождество. И постарайтесь вспомнить, кто отлучался, кто выходил на улицу. И ответьте мне еще на один вопрос: какое настроение в этот вечер было у Кирилла? Ничего особенного не заметили?

Супонин посмотрел на жену и произнес:

— Да вроде ничего такого. Всё — как всегда. — Он снова посмотрел на жену. — Я не присматривался, но мне показалось, что он мало разговаривал в этот вечер.

— Был подавленным? — уточнила Алла. — «Не скрывает. Понимает, что будут допрашивать всех».

— Не то чтобы... Ну, мало ли. Настроения у человека не было... — «Сейчас я тебе всё расскажу! Этот щенок наворотил дел, теперь расхлебывай тут сиди».

— А вы что скажете, Наталья Григорьевна?

— Ну, я бы не сказала, что Кирилл был чем-то прямо расстроен.

— Хорошо. Составьте, пожалуйста, список гостей и кто отлучался во время вечера, — попросила Алла и добавила: — И если выходил на улицу кто-то из вас, не забудьте пометить и это.

Супонины терпеливо выводили фамилии гостей, их телефоны, вспоминали, когда кто отлучался из дома. Алла также терпеливо ждала, наблюдала за стараниями Супониных, разглядывая интерьер, который мог много чего рассказать о хозяевах. И впечатление у нее сложилось.

Ей нужно было ответить на вопрос: Супонин устроил поджог машины Зубова или кто-то

другой? Теперь после личного общения она придерживалась версии, что это не Супонин.

«Слишком спокоен. Только два раза переглянулся с женой, когда я задала вопрос о настроении Зубова в тот вечер. Он мог бы убить только в крайнем случае, если бы речь шла о его жизни и смерти. Слишком осторожен, подставляться не будет. Слишком «хорошо живет» и возраст под шестьдесят не для «махания пашкой». И уж если сделал бы такое, то наверняка подальше от своего дома. Но если не Супонин, то самому Супонину может угрожать опасность. Слишком спокоен. Вот именно — слишком! В отличие от жены».

Алла положила в папку исписанные листы, достала свою визитку с номерами телефонов, положила ее на стол и, сделав многозначительное лицо, произнесла проникновенным, мудрым, всезнающим голосом, глядя в глаза Супонину:

— Виктор Семенович, если что-то вспомните, если проблемы какие возникнут, обращайтесь. Я помогу. — Она сделала акцент на словах «обращайтесь» и «помогу». Приемчик не ахти какой, больше на подростков действует, но всё же.

Виктор Семенович взгляда не отвел, но волнение, заметное наметанному глазу профессионала, проявилось. Супонин понял, что следователь знает больше, чем говорит. После ее ухода он заперся у себя в кабинете и до обеда не выходил.

Алла пошла ва-банк. Решила ускорить события. Отпуск закончится, и всё, она на «нелегальном положении», а надо еще заниматься поиском пропавшей дочери Александры Гергардт.

Экспертиза по машине Зубова не готова, даже предварительная. Да и что такое «предварительная экспертиза» — знакомый эксперт что-то, опираясь на свой опыт, предположил.

И Алиса, конечно же, не просила ее приезжать к Супониным и вообще об этом не знает.

«Надо позвонить Алиске, рассказать о встрече. Вдруг Супонин решит «отблагодарить» Алису — позвонит, а она ни слухом ни духом. Нет, если позвонит, то, скорее всего, его жена, Наталья Григорьевна». — Алла сбавила скорость на очередном повороте, а потом и вовсе поползла, попав в небольшую пробку, но это не мешало ей думать.

Глава 12. ВятЛаг, май 1940 года

Закат горел яркими розово-красными всполохами. Но людям, бредущим по дороге в лагерь, было не до его красот.

Вот и еще один день отмотан, осталось часа три до отбоя — каждому надо успеть что-то сделать по мелочи, а то и дела поважнее проверить: обменять чего, достать, договориться. На далекое будущее не загадывали — прошел день, ничего не случилось с тобой, и хорошо.

Впереди замаячили ворота лагеря. Колонна пошла чуть быстрее, но уже у ворот снова замедлила движение — охрана обыскивала «приглянувшихся». Отбирали в основном поленья, которые зэки несли для растопки своих бараков. Это было настолько обыденным и въевшимся ритуалом, что воспринималось как само собой разумеющееся. На территории лагеря охранники жили со своими семьями, им тоже нужны были дрова.

У Николая Венина забрали полено. Да и пусть. Зато он пронес несколько шишек. Замочить их в воде, чтоб размякли и жевались легко, тут тебе и еда будет, и от цинги хорошо, и запах опять же. Николай обогнул клумбу с прошлогодней, засохшей резедой и вошел в деревянный барак. Пахнуло потом, портянками, печным дымом.

— Василич, опять натопил. Не продохнешь! — обращаясь к дневальному, невысокому добродушному старику, проворчал Николай, но без сердца, больше для поддержания разговора.

Дневальными назначались инвалиды и старики, работенка непыльная, но и горбуша в два раза меньше.

— Жар костей не ломит. Ноги-то, смотрю, промочил. Вот и грейся, — ответил Василич, глянув на обутки Николая — галоши, сделанные из старых шин.

Николай подумал:

«Отдать ему одну шишку? — Но пожадничал. — В следующий раз».

Лагерный народ постепенно заполнял барак. Кто садился на скамью возле длинного стола, расположенного посередине барака, между двухэтажными четырехместными нарами, а кто сразу лез на своё место, на нары.

Ни белья, ни подушек не было. Спали не раздеваясь. Под голову клали обутки — валенки, ботинки, в зависимости от времени года.

Матрас — мешок из плотной черной ткани, наполненный стружкой, — украли у Николая в первые же дни пребывания в лагере. Он долго не горевал — ни к чему это здесь.

Он вообще быстро усвоил «правильное» поведение: не высовываться, но и не пригибаться совсем, не попадаться на глаза начальству, не ходить в одиночку, быть в толпе, не болтать лишнего, никому особо не верить.

Сегодня не спалось. Николай повернулся на спину.

Изученный вдоль и поперек потолок раздражал. Начал думать про Настю: как она там, как хозяйство. Васька, наверное, отслужил уже в армии.

Повернул голову, посмотрел на храпящего соседа по нарам, такого же горемыку — по неосторожности сельсовет спалил. Стало тоскливо.

Вздохнул:

«Лучше о доме не думать. А вот нога стала сильно ныть. Одну зиму пережил, хватит ли на другую? Ежели в дневальные придется уйти как инвалиду, хлеба всего четыреста пятьдесят грамм давать будут, не как сейчас — девятьсот. Можно и от голода загнуться. Вон

их сколько, доходяг, бродит в лагере. А там и смерть. Эх, понесло меня сегодня! Чего загадывать? Еще побарахтаюсь».

Николай лег на бок, сон не шел.

Не раз вспоминал он и о своем тайнике, где лежало сокровище. Но всё раздумывал, приглядывался, как бы впросак не попасть. Здесь держи ухо востро, а то пропадешь.

«Вот ежели бы на кухню меня определили. Тогда можно жить. Тогда со всем уважением. Но туда так просто не попадешь. Эх, откупиться бы! Но к кому сунуться? Да и выгорит ли? Совсем плохо станет, тогда и попробую».

Ныла нога. Николай снова повернулся на спину:

«Застудил все-таки. И не убежишь отсюда. Неделю назад из третьего барака сбежали трое. Куда там? Болота кругом, лес дикий. Местные не спрячут, им вознаграждение положено. А с моей ногой... К кому бы сунуться? Начальник лагеря? Ненадежно. Да и где я его увижу? Так, чтоб незаметно. Где он — и где я! Здесь всё известно. У всех на виду. Быстро прижмут: зачем? почему к Хозяину бегал? Тьфу ты, черт! Всё. Спать надо. Спать, спать... Завтра шишек поищу или еще зелени какой...»

Николай постепенно успокоился и уснул.

В соседнем бараке шла игра в карты — в буру. Молодому вору Чапе сегодня не фартило. Он проиграл почти всё. Но лица не терял, цеплялся до последнего — отыграюсь, сейчас отыграюсь.

Винт, вор постарше и поопытнее, только посмеивается.

— Ну что, Чапа, еще играем? — ухмыляется он, ставя возле себя очередной выигрыш — ботинки Чапы.

Здесь бы молодому остановиться, но азарт затуманил мозги. А тут еще зрители подначивают:

— Чего менжуешься, Чапа?

— Придет к тебе фарт, придет.

— Играй, Чапа!

— Играю, — твердо говорит он.

— Что на кон ставить будешь? — Винт улыбается, снисходительно глядя на Чапу.

Тот опускает глаза, но слово не воробей — никто за язык не тянул. Чапа закусывает нижнюю губу и стаскивает с себя телогрейку.

— Э-э, не пойдет, — брезгливо отмахивается Винт. — На кой мне твое старье. Вот если бы новая была. — Винт щурится: «Крючок Чапа проглотил, не сорвется, немного поводить и можно подсекать. Уж я свой фарт не упущу!»

— Ну что, выдохся, мазурик?

Чапа нервно теребит свою телогрейку, потом набирает в легкие воздуха и почти выкрикивает:

— «На четвертого»!

— Ну смотри, Чапа.

Игра идет с переменным успехом. Винт, если и волнуется, то не показывает этого. Он играет ровно, сосредоточенно, как победитель. Чапа же слишком возбужден, слишком торопится, слишком хочет отыграться.

И вот Винт торжествующе подытоживает:

— Игра сделана!

Чапа хмурится, но держит фасон — вспять не повернуть. Долг отдавать надо, а иначе фуфльжником станешь, а там и до «петуха» недалеко.

Винт чуть медленнее обычного, весомо произносит:

— Утром первого, кто выйдет по нужде из соседнего барака.

Он очень надеется, что это будет Важа, фраер, с которым они столкнулись на этапе.

Впрямую указать на Вaju Винт не захотел — все-таки это его разборки, выйдет несолидно.

Утром, еще до полного рассвета, Николай заворочался — вчера воды много выпил. С неохотой, медленно спустился с нар. Прошел вдоль стола. Скрипнул дверью. До туалета бежать далеко. Малую нужду справляли тут же у барака — в сточной канаве. Запашок! Но на запахи никто давно не обращал внимания. Живой — и ладно.

Николай уже подходил к канаве, как вдруг почувствовал чей-то взгляд. Забеспокоился. Начал оборачиваться на едва слышимые шаги, и ноги вдруг подкосились — боль пронзила живот и пошла по всему телу. Он зажал рану рукой, и упал ничком, потеряв сознание. Последнее, что успел увидеть: убегающий зэк в старой засаленной телогрейке.

В больничке, куда его принесли, царило относительное спокойствие. Здесь можно было немного расслабиться. И чего только зэки не делали, чтобы сюда попасть! Пусть и на один денек, но чтоб в тишине и благодати. Подальше от тяжелой, изнуряющей работы, от криков и прикладов охраны, от уроков, всегда норовящих что-то отнять, избить, унижить.

Нестерпимая боль в животе не давала Николаю в полной мере испытать блаженство от давно забытой роскоши — лежать на кровати сколько хочешь.

Боль то отпускала, давая надежду, то заставляла кричать и лезть на стенку, отнимая эту надежду. Хотелось пить, но воды не давали — нельзя.

Он боролся, боролся до последнего, ругая себя и кляня судьбу:

«Надо же, так глупо! Не пошел бы, перетерпел... Шишку пожалел, пожадничал. Вот оно... Настена... Как теперь...»

На третий день Николай впал в беспамятство, к вечеру начал бредить, и утром четвертого дня скончался.

Молодой, в очках, суетливый фельдшер Иваньков заполнил все полагающиеся в таком случае бумаги, доложил куда следует, и Николая Петровича Венина, уроженца деревни Вешки Московской области, закопали на лагерном кладбище.

Иван Иванович Долгих, начальник лагеря, сибиряк, герой Гражданской войны на Алтае, просмотрел очередное дело. Прочитал и донесение стукача о том, что зэк был проигран в карты, и записку фельдшера о том, что раненный в живот заключенный Венин в бреду упоминал о драгоценностях, якобы запрятанных в его доме, — далее шло подробное описание где.

Начальник лагеря Долгих в бредни умирающего не очень-то и поверил, а вот навести порядок в бараках — произвести обыски — приказал. Совсем обнаглели урки.

Спустя год, в июле 1941-го, начальником ВятЛага стал Ной Соломонович Левинсон, полный, невысокого роста, астматик, из обедневшей еврейской семьи.

Однажды вечером, сидя за рабочим столом, он наткнулся на дело заключенного Николая Петровича Венина и, конечно же, на записку фельдшера, удачно упавшую на пол.

Левинсон поднял ее, перечитал несколько раз, достал золотой, с крупным рубином портсигар, закурил. Потом аккуратно вложил выпавший листок в дело Венина, отнес в шкаф, а информацию на всякий случай запомнил.

Алла сидела за своим — теперь уже не своим — рабочим столом.

Вчера ей позвонил начальник оперотдела и с едва уловимыми нотками сожаления и вины в голосе попросил «прибраться кабинет».

«А если не жалеть себя и сказать резче — освободить помещение для нового зама. — Алла, как ни старалась сдерживать эмоции, они всё же прорывались — и в разговорах с сослуживцами, и с начальством, и с собой. Она стирала свои пароли на компьютере, освобождала ящики стола — за восемь лет столько всего накопилось: одноразовая посуда, книги, ручки, карандаши, таблетки, салфетки... Она рвала ненужные бумаги и бросала их в стоящую рядом мусорную корзину, всё нужное складывала в сумку. — Вот знала же еще до Нового года, морально подготовилась, смирилась, даже нашла плюсы в своем «свободном полете», а как начала разбирать стол — эмоции захлестнули».

Телефон зазвонил очень кстати:

«Надо отвлечься, взять себя в руки, а то еще расплачусь ненароком».

— Алла Сергеевна, Анатолий Юрьевич говорит. Узнаете старика?

— Да какой вы старик, Анатолий Юрьевич! Наговариваете на себя. — Алле приятно было именно сейчас услышать голос опытного эксперта-криминалиста Криулина, давно ушедшего на пенсию, но не потерявшего форму и старые связи. С ним нередко консультировались в особо сложных случаях.

— Не наговариваю. Кокетничаю.

— Вот-вот...

Алла понимала, что Криулин позвонил не просто так. Видимо, появилась нужная ей информация. Неделию назад она попросила эксперта осмотреть еще раз машину Зубова. Первая экспертиза ничего не дала, а она чувствовала, нет, она знала, что это было не просто случайное возгорание, это было спланированное убийство.

— Ну что, пляши, красавица!

— Все идет «по плану происшествий»? — не удержалась Алла от радостного восклицания.

— По нему, по нему, — засмеялся Анатолий Юрьевич. — Пришлось повозиться. Ну да что не сделаешь, если девушка просит. Я тут бумажку, конечно, написал. Приезжай, заберешь. А на словах скажу: применено запальчиво-взрывное устройство. Оно содержит взрывчатое вещество и зажигательное. Кто-то подложил его в бензобак машины. При срабатывании взрывчатое вещество прорывает в бензобаке отверстие, а зажигательное, соответственно, поджигает топливо. Всё просто.

— Анатолий Юрьевич, вы — гений криминалистики.

— Да чего уж там. Спасибо, не забываете старика.

— Я сегодня же к вам подъеду.

Но в этот день у Аллы подъехать не получилось. Сначала разбирала бумаги, потом бегала с обходным, заглянула в бухгалтерию. Договорилась с Ильей, что дело о нападении на Гергардт передаст ему, но будет активно курировать — с начальством всё согласовано. Съездила в супермаркет, купила торт и вина, и ближе к концу рабочего дня почти весь отдел собрался на прощальный междусобойчик. Наговорили много хороших слов, да таких, что Алла Сергеевна покинула ОВД в совершенно расстроенных чувствах.

По дороге к дому эксперта Криюлина у нее прорезался сотовый. Звонили из больницы, где лежала Александра Гергардт, просили приехать — пациентка пришла в себя и очень хочет увидеть Аллу Сергеевну Смагину. Пришлось менять и планы, и маршрут.

Памятуя о прежней встрече, Алла не особо радовалась. Что нового может рассказать потерпевшая? В свою очередь и Алле нечем было обрадовать ее: пока идет расследование, о подвижках говорить нельзя — тайна следствия. А в деле о пропавшей девочке вообще тупик. Столько лет прошло!

Но зачем-то же Гергардт зовет ее.

Алла поднялась по знакомой лестнице, поздоровалась с врачом. Вместе они вошли в палату. Врач внимательно посмотрела на пациентку, предупредила Аллу, чтобы недолго, и оставила их.

— Александра Васильевна, здравствуйте! Как вы себя чувствуете? — начала издали Алла.

— Спасибо. Получше.

— Вы что-то вспомнили?

— Да что мне помнить? Я так всё вижу.

Гергардт замолчала. Алла не стала ее торопить, задавать наводящие вопросы. Пусть сама ведет разговор, ведь это она пригласила, значит, есть что сказать:

«Хотя не факт. Что же она видит?»

Молчание затягивалось.

— Может, воды? — не выдержала Алла. — Вы не стесняйтесь, я принесу.

— Не надо воды. — Женщина вздохнула. — Коробки у вас на балконе стоят?

— Стоят, — немного опешила Алла и тут же успокоилась: «А у кого они не стоят?»

— Зря дачу продали.

— Может, и зря, — пряча удивление и стараясь быть спокойной, ответила Алла.

— Чтобы найти мою дочь, вам надо поехать на свою дачу. Там, на чердаке, лежит одна вещь, она поможет найти. — Александра Васильевна закрыла глаза и снова замолчала, собираясь с силами. Наконец продолжила: — Вы поймете, когда увидите. Потом, дома, попытайтесь попасть в тот день, когда исчезла моя девочка. Проследите за ней.

«Вот так номер! О чем она говорит! Она вообще в своем уме? А почему сама не проследила, если такая вся из себя экстрасенс? Закрыла бы глаза, да увидела», — недоумевала Алла.

— Я не могу. Слишком сильные эмоции. Не дают увидеть. Закрывается всё. — На глазах у Александры Васильевны появились слезы. Она стала волноваться, потом обмякла.

Алла собралась вызвать врача, но потерпевшая прошептала: — Не надо... Всё хорошо. Все... посплю.

Визг тормозов привел ее в чувство. Она поздно заметила мужчину, перебежавшего дорогу в неполюженном месте. Хорошо, автопилот сработал. Мужчина благополучно добрался до тротуара и ушел. Все обошлось.

Давно с ней, опытным водителем с двадцатипятилетним стажем, такого не случалось. Заехала в ближайший двор, остановилась, откинулась на спинку сиденья. Руки дрожали.

Позвонил Влад.

— Ты где? Ужин стынет.

— Через полчаса буду. Всё, — ответила и сразу отключилась. Ей не хотелось

разговаривать.

Она не знала, как отнестись к просьбе Гергардт. Дача теперь не ее, но это детали. К Криюлину не заехала — все-таки убийство. И этот козел выбежал, как... на лыжах.

То, что днем она распрощалась со своим отделом, уже отошло далеко на второй план.

Влад, видя ее настроение, не стал ни о чем спрашивать. Все-таки увольнение, как и устройство на работу — это всегда большой стресс. Поужинает и сама всё расскажет.

С самого начала у них так сложилось, что ужин, как правило, готовил Влад, Алла могла выкроить время на готовку только в выходные.

Но кажется, теперь у нее будет много свободного времени, может быть, даже слишком.

— Подай, пожалуйста, хлеб.

— На. — Влад протянул ей корзиночку с хлебом. — Твоего любимого не было. Разобрали. Пришлось взять такой.

— Пойдет, — ответила Алла, потихоньку расслабляясь. — Я сейчас чуть мужика не задавила.

— Ты?!

— Представь себе!

— Скорее всего, переходил дорогу в неполюженном месте?

— Переходил... Перебегал! Еще бы полметра...

— Давай я тебе еще положу.

— Нет. Чаю, и всё.

— Ну тут осталось чуть-чуть.

— А, давай. Прощай фигура.

— Нормальная у тебя фигура. Мне нравится.

— День сегодня тяжелый выдался.

— Ну, не каждый день увольняешься.

— Да если бы только это... — Алла замолчала.

Влад снова не стал спрашивать. Захочет — сама расскажет.

После ужина легли в зале на диван, включили телевизор.

Свет от торшера успокаивал, согревал, как и бубнящий телик. Но самое главное — рядом был Влад, ее мужчина.

Алла любила эти часы, когда они вот так беззаботно лежали рядом, и им было так хорошо вдвоем!

По поводу того, что будут смотреть сегодня, спорить не стали — Влад в это раз решил сразу уступить. Впрочем, он всегда в конце концов уступал: хорошая мелодрама иногда бывает почище иного боевика, почему бы и не посмотреть. Детективы или что-то близкое к ним Алла не любила — сплошное дилетантство.

Главное, они вместе, а все остальное, в том числе и выбор фильма, не имело значения.

— Влад, только не смейся, как ты думаешь, можно попасть в другое время? В прошлое, например, в будущее, — решила на разговор Алла. Ей просто необходимо было выговориться и принять решение.

Влад, если и удивился вопросу, то вида не подал.

— Ты знаешь, только тоже не смейся, я однажды попал в прошлое.

— Ты?! Как? Что с тобой произошло?

— Тебе подробно рассказывать или...

— Подробно. Мы никуда не спешим, — в нетерпении перебила Алла.

— Вообще, я после того случая стал интересоваться этим вопросом — читал разную литературу...

— Так, давай сначала о самом событии, а потом выводы, выкладки, — снова перебила Алла. В ней просыпался опер. — Я сейчас звук уберу.

— Как скажешь, слушаюсь и повинуюсь.

— Ну, Влад, не томи. Мне очень нужно.

— Мне тогда было тридцать с небольшим. Начало осени. Погода отвратительная. Еще с женой, с Ольгой, поругался. Как всегда, из-за какой-то ерунды — то ли хлеб забыл купить, то ли молоко. Короче, настроение соответствует погоде. Бреду в магазин. Специально пошел пешком, чтобы подольше домой не возвращаться. Ветер в лицо, дождь — все дела. А я как бы не замечаю этого. Иду весь такой в переживаниях, весь в расстроенных чувствах. Вдруг — очень сильный порыв ветра. Меня чуть с ног не сбilo. Я поднимаю голову, оглядываюсь и... не узнаю улицу. Вроде никуда не сворачивал, вроде дома, деревья те же, но какие-то не такие. Знаешь, как в старых фильмах. Высоток нет, машины редко проезжают и совсем не иномарки, а ретро. Вывески на магазинах не те. Прохожие одеты как-то не так, не современная одежда. Наверное, 60-х годов. И всё это черно-белое. Я бы даже сказал, зловещее. А, забыл, там еще кружили черные птицы. Это усиливало эффект. Так не по себе стало...

— И как ты назад вернулся? — Алла ближе подвинулась к Владу.

— Да как-то само собой получилось. Я ни момент прочувствовать, ни испугаться толком не успел. Только удивление осталось. Снова порыв ветра — и я на своей улице стою, оглядываюсь. Потом успокоился, купил молока. Пришел домой притихший. Ольге ничего не стал рассказывать — не поверила бы, подумала, что крыша поехала... Потом литературу давай читать — интересно же. А после всё отошло, забылось...

— И что ты про это думаешь?

— Да что я думаю... Я же не ученый.

— Это не освобождает от выводов.

— Но... знаешь... — Влад запнулся. — Думаю, что время, скорее всего, стоит на месте и одновременно двигается.

— Это как?

— Если время — это материя, в которой мы существуем, то всё на ней или в ней остается. Как, наверное, киноплёнка. Она есть и есть. Она лежит. Но, в отличие от киноплёнки, материя пополняется новыми кадрами. Каждое мгновение. И этот процесс бесконечен. Поэтому, при определенных обстоятельствах, при гипнозе, например, можно попасть в прошлое.

— В свое прошлое или в чужое тоже?

— Думаю в любое, но в свое легче.

— Хм, интересно, а в этой пространственно-временной материи есть будущее? Я так понимаю, что и в будущее можно попасть.

— Я разве говорил про будущее? Вот этот вопрос я еще не прорабатывал. — Влад сделал комично-серьезное лицо. — С этим мы еще будем разбираться.

— Да, мы в эти дебри не полезем. Нам нужно прошлое, а именно — 2000 год.

— Кому это нам? Ты собралась туда?!

— Ну, не так глобально. Мысленно. Закрыв глаза. Ненадолго.

— А-а-а, — протянул, ничего не понимая, Влад и тут же встрепенулся: — А это опасно? Зачем тебе?

— Не знаю, насколько опасно. Надо еще попасть.

— Я с тобой!

— Со мной? Не, ты слишком эмоциональный. Всё испортишь, — еле сдерживая смех, проговорила Алла, представив, как они сидят с закрытыми глазами и погружаются в прошлое. — «Прямо кадр из фильма “Самая обаятельная...”. Алиски еще не хватает. Тогда мы точно туда попадем, причем со скоростью ракеты». — И потом, вдруг мы там застрянем. Кто вытаскивать будет? А так... ты на подхвате, разбудишь, если что, — уже в голос смеялась Алла.

— Нет, ну я серьезно. — Влад сделал вид, что обижается.

— И я серьезно. Более чем.

Ночью она долго не могла уснуть — ворочалась, мысленно перебирала разговоры с Гергардт, с Владом, намечала оперативные действия, снова переживала произошедшее на дороге, возвращалась к своему увольнению и опять переживала:

«Ну дожилась — открою на пенсии новый метод ловли преступников. Кто бы из наших узнал, не поверил. Прямо попаданка какая-то. Нет уж, попробуем по старинке. Гергардт оставила коляску с ребенком возле магазина. Кто мог ее взять? Самая главная версия — женщина, которой нужен ребенок. Или она не могла родить, или, скорее всего, ребенок умер при родах. В таком стрессе решила найти замену. Надо искать всех родивших в это время в Москве, тех, у кого умер ребенок. И, пожалуй, в Московской области. А может, и не только в Московской. Да уж, наверное, проще в прошлое попасть. А как она его зарегистрировала потом? Если только дома рожала, скрыла, что умер, потом решила украсть. Украла и пошла зарегистрировала. Тогда она одна была во время родов. Не факт. Тогда есть кто-то, кто про это знает. Не факт. Ребенок мог умереть не при родах, а, например, на следующий день. Нет родных. Не факт... Завтра подъехать к Криулину. И нажать немного на Супонина — знает он гораздо больше, чем говорит... Алиске позвонить. Да, завтра не на работу... Надо было догнать мужика... Найти телефон покупателей дачи...»

Алиса металась по квартире: из кухни в зал, и обратно. Сегодня ее просто обуяла жажда деятельности. Пол был тщательно вымыт, обед сварен. Но это всё мелочи. Прошло уже недели три после ее разговора в кафе с Аллой, а воз, как говорится, и ныне там.

Сначала она боялась и по совету подруги уехала из города. А сейчас страх притупился, и на смену ему пришла злость. Да-да, злость: на затянувшееся, по ее мнению, расследование, на недомолвки и даже игнорирование со стороны Аллы, на, в конце концов, бездействие правоохранительных органов! И свое. Свое бездействие.

С чего-то надо начинать, что-то и она может. Алла явно перестраховывается.

Алиса взяла телефон, чтобы позвонить подруге, но услышала, как открывается входная дверь.

«Павел приехал», — удивилась она: муж редко обедал дома.

Выглянула в прихожую.

— О! На обед и муж бежит! Еще остыть не успело. Мой конечности — и за стол.

Павел усмехнулся, он давно привык, все-таки пять лет вместе прожили, к своеобразному юмору жены и, переобувшись в домашние тапочки, пошел в ванную мыть руки. Уже оттуда спросил, больше для проформы, заранее зная ответ:

— А ты сегодня не работаешь?

— Паша, не раздражай меня. Ты прекрасно знаешь, что у меня ненормированный рабочий день. Как клиент снесется, так и работать буду. И вообще я могла бы не работать, — произнесла Алиса, разливая по тарелкам рассольник. — Ты же у нас отлично зарабатываешь! Ты же у нас отличник! В отличие от меня. О, как сказала: отличник в отличии, отличник отличился. Садись. Сметану сам положишь.

— И чем это я отличился? — спросил Павел, усаживаясь за стол.

— Да ничем особо, если смотреть в мировом масштабе, — засмеялась Алиса. — Ешь, отличник.

— А если не в мировом? — Павла задела шутка жены.

— А если не в мировом, то ты у меня зайнык, причем далеко не бедный, — пошла на попятную Алиса.

— И не глупый, надо сказать.

— Был бы глупым, щи хлебал. Чего рано сегодня? — Алиса решила сменить опасную тему, зная, как болезненно муж реагирует на шутки о своей якобы «неполноценности» в каком бы то ни было качестве.

— Нормально. У меня тоже не особо нормированный график. — Павел всё же обиделся.

— У тебя самонормированный график, как у всех деловых людей. Пашуня, может, сходим куда-нибудь сегодня? — начала подлизываться Алиса, зная, что муж никуда не пойдет.

— Сходи сама. Мне надо еще поработать.

— Хорошо, — вздохнув, притворно-печально произнесла Алиса.

— Сходи, солнышко. И что-то я давно не слышал об Алле. Позвони, сходите куда-нибудь. И как там Супонины поживают? Ты давно видела Наталью Григорьевну? Как продвигается следствие по делу Зубова? — махом выложил все вопросы муж, наливая себе добавки. — Супец — что надо.

Алиса удивилась заинтересованности мужа, обычно он редко любопытствовал, был равнодушен к друзьям и знакомым жены и скорее терпел их — нелюдимый интроверт, что тут поделаешь.

«Нет, он ревновал к Зубову, да и к Люсику — не без удовольствия подумала Алиса и тут же опомнилась: — О чем это я? Совсем крышу сносит».

— Так что там с делом Зубова? — Муж был настойчив.

— Не знаю. Мне не докладывают! — снова начала заводиться Алиса.

Про следствие она успела брякнуть ему два дня назад, когда вернулась из своего «затворничества». А теперь ее так и подмывало всё рассказать мужу — может, что-то дельное посоветует. Но не решилась: точно будет ревновать, строить догадки. И ничем хорошим это не закончится. Меньше знает — лучше спит.

Павел не понял ее раздражительности: ведь он всего лишь проявил интерес к ее делам, друзьям.

На том и разошлись.

Алиса решила сходить в магазин и по дороге позвонить Алле. Та теперь не работает, найдет, поди, немного свободного времени для подруги. Надо встретиться и обстоятельно обо всем поговорить.

Алиса решительно свернула на аллею.

Погода не подходила ее настроению: то падал ленивый, мелкий снег, то пробивалось солнце.

На аллее почти никого не было. Выбрав свободную скамейку, Алиса стряхнула с нее нападавший снежок, села и достала из сумочки телефон.

— Подруга, привет! Или ты мне уже не подруга? — с ходу начала возмущаться Алиса. — Я тут переживаю, можно сказать, ночи не сплю, а ты даже не соизволишь позвонить!

— Алиска! Как хорошо, что ты позвонила! — игнорируя жалобы подруги, ответила Алла. — Всё под контролем. Не напрягайся, не переживай.

— Я хочу побольше узнать про «контроль».

— Ну не по телефону же! — Алла, как могла, успокаивала Алису.

— Конечно, не по телефону. А как встретиться — так тебе некогда! Как что-то рассказать — так служебная тайна!

— Алис, а ты сегодня не работаешь, что ли?

— Далась вам всем моя работа! Я сейчас только мужу объясняла, что у меня свободный график.

— Ну, Алисочка, сейчас я кое-какие дела доделаю, и встретимся. Всё обсудим. Я тебе сама позвоню.

— Дождешься от тебя, — ворчливо, но уже примирительно ответила Алиса. — Ладно, гуд-бай, подруга.

— Пока, пока. На днях точно встретимся.

«А чего я, собственно, жду? Пора самой действовать! Позвоню Наталье Григорьевне, попрошусь в гости. Надо почувствовать, что называется, обстановку изнутри. Алла мне потом еще и спасибо скажет», — приняла решение Алиса и немного успокоилась.

Она проводила взглядом проходившую мимо молодую парочку. Старшеклассники, наверное, или студенты первого курса. Он, размахивая руками, что-то оживленно

рассказывает. Она смеется и смотрит на него влюбленными глазами.

Алиса вздохнула и начала искать номер телефона Супониной.

— Наталья Григорьевна, здравствуйте! Что-то вы уже два раза на массаж не приходили.

Мастер не понравился?

— Ой, Алисочка, здравствуй, дорогая! Я слышала, что ты в поездке. Значит, приехала.

— Приехала, Наталья Григорьевна. Так вас записать?

— Я, Алиса, немного приболела.

— ОРЗ или опять спину прихватило? — Алиса не хотела сдаваться так просто. — Если спину, я сама могу приехать. Недавно освоила новые приемы — результат потрясающий.

— Да хорошо бы, Алиса! А то после гибели Кирилла к нам никто и не заезжает. Скоро сорок дней. Помянуть бы надо.

— Так когда лучше подъехать, Наталья Григорьевна? — Алиса умела «ковать железо».

— Да в любое время. Я дома. Виктор Семенович у нас на работу ездит, и то не каждый день.

— Ну, тогда завтра, ближе к одиннадцати.

— Будем ждать, Алисочка.

— До свидания, Наталья Григорьевна.

Алиса нажала на отбой и выдохнула. Завтра она что-нибудь узнает, может, даже удастся попасть в кабинет к Виктору Семеновичу.

«Хотя зачем? Нет, надо найти следы... Следы... от чего машина Зубова загорелась. Вот. В гараже, наверное, осталась смесь. Какая? Которая машины поджигает. Или вообще прямо обо всем спросить, и лучше при Наталье Григорьевне. Сказать, что она, Алиса, всё слышала тогда, в кабинете. Пусть объяснится, пусть покрутится. Я его выведу на чистую воду. За кем они там следили? Что выводывали?» — настроена Алиса была воинственно.

С этим настроением она и зашла в магазин.

Витрины, полочки с товаром ее немного успокоили. Алиса постепенно отдалась выбору продуктов, периодически вспоминая, что надо бы еще и это купить, и то не забыть.

Когда тележка наполнилась, Алиса покатила ее к кассе и тут почувствовала на себе чей-то взгляд. Резко обернулась. Никого, кто мог бы ее заинтересовать. Вон пожилые супруги, склонившись над холодильником, выбирают мясо. Мальчишка лет семи — явно убежал от матери и ворует — схватил конфеты. Девушка прошла мимо с озабоченным видом и бутылкой молока в руке. Двое мужчин спорят, какое спиртное взять.

«Показалось? Уже с ума схожу со всем этим!» — Она решительно двинулась к кассе и встала в очередь. Но ощущение, что кто-то за ней наблюдает, не отпускало.

К вечеру погода круто изменилась: поднялся ветер, повалил снег. Вместе с метелью усилилась и тревога, и ей теперь совсем не хотелось завтра ехать к Супониным, и тем более что-то там выяснять. Все ее замыслы показались ненужными и даже детски наивными. Захотелось позвонить Алле и всё рассказать или просто поговорить, но часы показывали первый час ночи.

Алиса посмотрела на мужа — вот кто всегда безмятежно спит, только бы до подушки добраться. Она прижалась к нему. Однако тревога не уходила, а казалось, наоборот, возрастала.

Алиса вдруг остро почувствовала, что ей не хватает его тепла и поддержки:

«Прожили чуть больше пяти лет. И куда что подевалось? А если еще лет семь проживем?.. Наверное, тогда всё сгладится... А если... Какая чушь лезет в голову! Еще эта

метель, даже сквозь плотно закрытые окна слышен ее вой. Надо завтра позвонить Супониным и сослаться на... на болезнь. Нет, на погоду — замело. Как глупо всё получилось — сама же ведь напросилась».

К утру метель не стихла. И Наталья Григорьевна, к облегчению Алисы, позвонила сама и отменила встречу, сославшись на метель — дороги плохо чистят, еще застрянешь где-нибудь — и какие-то срочно образовавшиеся дела.

Павел уехал на работу.

Алиса позвонила своей помощнице, узнала, как дела в клубе, дала указания. Включила видео с йоговскими упражнениями, расстелила коврик.

Занятия успокаивали, настраивали на привычный жизненный ритм. Однако полного умиротворения не было. Тревога, казалось, съежилась, отодвинулась подальше в сторону, но в любой момент готова была выпрыгнуть из своего угла. И Алиса чувствовала это.

Глава 15. Подмосковье, октябрь 1941 года

Насте, одетой не по сезону — не нести же зимнее в руках, — трудно было бежать. Да еще с тяжелой корзиной. Очень скоро она выдохлась. Споткнулась о корень раскидистой сосны, упала, да так и осталась лежать, бросив рядом корзину с продуктами. Воздуха не хватало. Кровь стучала в висках.

«Живая! Живая! Обошлось... Убежала...»

А стоило ей в изнеможении прикрыть глаза, как перед мысленным взором снова вздыбилась земля и заметались люди в растерянности и охватившем их диком, животном страхе. Он и сковывал, и одновременно заставлял бежать. Бежать что есть сил и как можно дальше!

В первые же месяцы войны у них в деревне остались только женщины с детьми да из мужиков три калеки. К самолетам, летящим бомбить Москву, привыкли. Привыкли и к обозам с ранеными, и к беженцам, и к разному непонятному люду, проходившему через деревню. А когда канонада стала слышнее, а сводки с фронтов всё тревожнее, многие засуетились. У кого родня была в Москве, а кто и так, наобум, засобирались.

Немец придет — что делать? Уж лучше подальше, лучше со своими. А то ведь такое рассказывают! Беженцы-то. Хоть и листовки немец кидает, жизнь райскую расписывает, а всё одно страшно.

Почти всех лошадей из деревни забрали для фронта, поэтому пошли пешком, вливаясь в колонны беженцев.

Вот и Настя, посоветовавшись с родней Николая, в одно октябрьское, еще по-осеннему теплое утро взяла корзину побольше, уложила туда продукты, закрыла дом и отправилась в Москву вместе с соседкой Нюрой и тремя ее детьми — всё лучше, чем одной.

В Москве она собиралась разыскать Аграфену. Та работала в заводской столовой, имела свой угол и могла приютить, хотя бы на первое время. До войны Настя, когда бывала в Москве, обязательно заходила к ней с гостинцами, одна или с Николаем и с Васильком. Пили чай, а то и покрепче что, разговаривали, вспоминали.

Настя села, опершись спиной о ствол сосны, возле которой упала, провела рукой по щеке — кровь.

«Своя, наверное, ведь бежала не разбирая дороги. Как глаза целы остались! Или все же чужая? — Она заставила себя встать, осмотрела одежду — юбку немного порвала, наверное, зацепилась за что-то. И на руке кровь. Царапина. А так вроде цела, ничего не болит. Надо вернуться, помочь, может, кто живой, раненый. И Нюра с детьми — что с ними?»

Сначала они с соседкой шли вместе, Настя помогала ей нести годовалую Катю. Потом Нюра с детьми отстала, сказала, что догонит. И тут — самолеты! Видно, не все бомбы над Москвой сбросили, отогнали их наши зенитчики.

Настя снова, как наяву, увидела падающих людей, услышала крики и рев самолетов. И страх вернулся! С трудом пересиливая его, она медленно пошла назад, к дороге. Солнце припекало, расходилось теплыми, осенними волнами. Лес жил своей мирной жизнью, и эта жизнь так не совпадала с жизнью людей и с ее, Настиной, жизнью.

Неподалеку хрустнула сухая ветка. Настя вздрогнула, насторожилась и, прижав к себе корзину, встала за дерево. Тут же услышала за спиной мужской голос:

— Во, какую красавицу встретили!

Настя резко обернулась и увидела мужчину лет сорока, чернявого, невысокого. Он, улыбаясь, разглядывал ее.

— Да подожди ты, Гришка, напугал женщину. — Из-за дерева вышел еще крепкий дедок, в старой поддевке и картузе. — Ты нас не бойся, дочка. Мы из Ховрино идем. Вот попали под обстрел — немец, будь он неладен.

Настя перехватила корзину поудобнее, подошла ближе.

— И я, и мы... с соседкой, с Нюрой, тоже под обстрел попали. — Настя от пережитого волнения говорила быстро, сбивалась и снова тараторила: — Немец-то как налетел, все и побежали кто куда... а мы с Нюрой потерялись... надо туда! Нюра... дети... — Настя заплакала.

— Да ты успокойся. — Дедок обнял Настю. — Ну, ну, будет. Живые они. Почти все успели разбежаться. Были мы там. Сбросили-то всего две бомбы. Постреляли маненько. Люди дальше пошли. А у нас вот какое дело. — Дед посмотрел в сторону кустов, вздохнул. — Ранило нашего старшого. В ногу. Идти не может. И мы не донесем. Здесь деревня вроде недалеко?

— Вешки. Я оттуда, — быстро проговорила Настя, поняв к чему клонит дедок и в душе радуясь, что не нужно больше идти к дороге, что через час-другой снова будет у себя дома, а дома и спокойнее. — Пойдемте ко мне. Я одна живу.

— Да мы не задержимся, — проговорил Гришка. — Доставим Прохора Силантьевича и уйдем.

— Да хоть и поживете. Ничего.

Они пошли к кустам, где оставили раненого. Тот лежал на траве. Нога была перевязана подолом от рубахи. Кровь просочилась через повязку. Раненый слышал весь разговор. Он повернул голову, посмотрел цепким, оценивающим взглядом на Настю.

Та, в первую очередь глянув на ногу и повязку, а уж потом на лицо раненого, вдруг уловила что-то смутно знакомое в повороте головы немолодого мужчины. А когда он посмотрел на нее, чуть не всплеснула руками. Но возглас застыл, так и не сорвавшись с губ. Мужчина всем своим видом дал понять, что не надо его узнавать. И Настя всё верно поняла.

— Ну, веди нас, красавица, — проговорил Гришка, поднимая раненого и подставляя ему плечо. Тот обхватил парня за шею и, морщась от боли, запрыгал на одной ноге.

Настя повела мужчин через лес — так короче. Несколько раз отдыхали. И Настя во время привалов старалась лишней раз не обращать внимания на раненого, чтобы не выдать свой интерес, но украдкой всё же поглядывала — вот как свидеться пришлось, это ж сколько лет прошло.

Часа через полтора они подошли к ее дому.

— Это где ты, Настасья, столько женихов нашла? — спросила бойкая на язык, известная деревенская сплетница Бондариха.

— Да там же, где и ты пятого дня, — не растерялась Настя.

Неделю назад, поздно вечером, она случайно, выйдя по надобности во двор, увидела мужчину и женщину возле ворот Бондарихи. Беженцы просились на ночлег.

— Да ты-то меня переплюнула, Настасья. У тебя трое, — с усмешкой произнесла Бондариха и тут же, будто опомнившись, уже другим голосом спросила: — А я грохот слышала? А где Нюрка с детьми? Вы вроде вместе уходили?

Ответить Настя не успела, услышала детский плач, обернулась — по улице брели ее соседи. Плачущую от усталости дочку Нюра несла на руках, а двое ее сыновей, притихшие,

шли сзади.

Настя, чувствуя вину, бросила своих спутников и кинулась к Нюре.

Бондариха осталась наблюдать у ворот, только проворчала:

— Набегались, беженки!

— Живые, целехонькие! А я как побежала, ног под собой не чужала. — Настя пошла рядом с Нурой. За ними, чуть поодаль, потянулись мужики. — Смотрю — вас не видно. А тут грохот, люди бегут, кричат... Страсти какие!

— Целы, целы. Вот благодаря Катьке, наверное, и целы. Ей приспичило. Мы — к кустам. Они нас и спасли. — Нюра говорила ровным, спокойным голосом, но Настя чувствовала ее внутренне напряжение и загнанный далеко внутрь страх.

— А я вот в лесу, — Настя показала рукой на своих новых знакомых, — встретила. Они тоже с нами шли. Одного ранило, в ногу.

— Да вижу я, — сказала Нюра, останавливаясь у своей ограды, и добавила: — Вот и вернулись домой. Забегай, соседка. — Потом повернулась к сыновьям, которым нетерпелось рассказать о «приключениях» друзьям, прикрикнула: — Домой!

Настин дом стоял немного дальше, напротив сгоревшей часовни. Туда и повела она своих случайных гостей.

Сразу захлопотала с обедом, нагрела воды и приготовила чистые тряпки, чтобы обмыть и перевязать ногу раненому.

За обедом выяснилось, что ее новые знакомцы — артельщики по скобяному делу. Ездили по деревням товар сбывать и попали в переплет.

— Ну, лошадь у нас с телегой забрали для раненых, — неторопливо рассказывал дедок, представившийся Ефимом. — Все бегут: не до покупок, самим бы в живых остаться. Вот сунулись мы!

— Да кто ж знал, что немец так быстро до Москвы допрет! — поддакивал дедку чернявый Гришка.

— То-то и оно. — Дед Ефим хотел еще что-то добавить, но промолчал, стал сворачивать сигарку.

Гришка, глядя на него, тоже полез за табаком.

— Пошли на крыльцо, что ли, — позвал дед Ефим Гришку. — Там подымим.

Настя осталась одна. Она начала было убирать со стола, но услышала из другой комнаты голос лежащего на кровати раненого.

— Настена, иди сюда.

— Здесь я, Фрол Фомич.

— Ты вот что, ты меня Прохором Силантьевичем зови. Не дай бог услышит кто. И что знаешь меня — виду не выказывай. А то не сдобровать ни мне, ни тебе.

— Как скажете, Фрол Фомич. — Настя будто скинула двадцать лет, снова почувствовала себя девушкой-прислугой в богатом доме при купце.

— Прохор Силантьевич! — раздраженно проговорил бывший купец, морщась от боли, и уже мягче добавил: — Как мои уедут, всё тебе расскажу, Настена. Вот ведь — встретились. А ты не изменилась, все такая же, тоненькая...

Послышался скрип двери, это вернулись в дом дед Ефим и Гришка. Пахнуло махоркой. Настя вышла к ним, предложила:

— Так, может, баньку затопить?

— Это дело! — быстро отозвался Гришка.

— Вот иди и затопи, и дров наруби хозяйке, — распорядился дед Ефим, усаживаясь на лавку.

Он молчал, наблюдая, как Настя управляет посудой, но не выдержал — хотелось поговорить.

— Так ты, дочка, одна живешь?

— Одна вот осталась, — улыбнулась Настя.

— А где ж мужик твой? — продолжил расспрашивать дед и, не давая Насте ответить, предположил сам: — В армии, поди, как у всех. У меня вот жинка померла, лет пять, однако, уже прошло. А сына в первые же дни забрали. Он у меня тоже по артельному делу. Три письма-то всего и было. Не знаю, где теперь воюет... Сноха с двумя детьми. С внуками, значит, моими. С ними я и обитаю.

— И у меня тоже сын воюет — связист он, Васенька мой. Тоже пока только пять писем было. — О муже ей говорить не хотелось. — Пойду посмотрю баню, — подхватила она.

Когда Настя вышла, дед Ефим заглянул к старшему.

— Ну как, Прохор Силаньтич, нога?

— Хреново, Ефим. Надо бы отлежаться день-два, а то и больше.

— Так-то оно так, — задумчиво произнес дед.

— Идти хотите? Без меня? — прямо спросил старшой.

Дед Ефим помолчал, размышляя: «Конечно, раненого бросать — последнее дело, но и ждать, пока ему лучше станет... Да и станет ли... К внукам надо, к снохе. Как они там? А если немец... Вон как прет! Страшно подумать!»

— Да не терзайся ты, Ефим, — как будто прочитал его мысли старшой. — Идите завтра с утра. До Москвы-то километров двадцать пять осталось пройти. Два дня — и дома. Обо мне не беспокойтесь. Еще догоню вас.

Дед Ефим кивнул благодарно.

— Даст бог, свидимся, Прохор Силаньтич.

К вечеру все сходили в баню, поужинали и рано легли спать. А едва забрезжил рассвет, мужики засобирались в дорогу.

Настя вышла их проводить. Перекрестила украдкой. Подумала о сыне: может, и он вот так где-нибудь, может, и ему кто поможет.

Мужа арестовали в 1938-м, и ни весточки: живой ли, нет, не знала. Когда началась война, все тревоги и переживания перекинулись на сына — ее гордость и радость.

Василий отслужил, выучился на связиста и остался в армии. Да и хорошо: сыт, обут, одет и жалованье получает. Что еще надо! А тут война...

Настя постояла немного у дороги, глядя вслед уходящим, и вернулась в дом.

Хотела прибраться, но не стала звенеть посудой, чтобы не разбудить Фрола Фомича — он полночи, поди, не спал. Настя слышала, как он ворочался, не зная, как пристроить ноющую ногу. Сама она то проваливалась в сон, беспокойный от переживаний, то вскидывалась и смотрела в окно — не рассвело ли.

А ближе к обеду и состоялся у них с Фролом Фомичем главный разговор.

Настя возилась у печки с чугуном. Фрол Фомич допрыгал до лавки, сел.

— Вроде полегче стало, Настена.

— Сейчас пообедаем, я перевяжу. Вчера состернула, поди, высохло.

— Спирта бы иль самогонки. Обработать.

— Я сбегаяю. К Бондарихе, у нее всегда есть.

— Потом... — Фрол Фомич помолчал. — Когда эта заваруха с революцией началась, мы с Прохором взяли кое-какие пожитки и уехали из Москвы. Деньги у меня имелись и так, кое-что по мелочи. А годы, сама знаешь, какие были. Умер Прохор от «испанки». Вот я его паспорт и взял — возраста мы примерно одного, даже и похожи. Потом снова в Москву вернулся, артель вот организовал. Да... А ты как же? Здесь...

— Я... я, Фрол Фомич, с поварихой нашей, с Аграфеной. У нее жила, она приютила. Родила же я. Если б не она, не выжили бы мы с Васенькой.

— Кто обрюхатил? — грубовато спросил Фрол Фомич, до сих пор жалея о том, что не получилось у него тогда с Настей. — Эх, если бы тогда согласилась. Женой бы мне была. Может, и уехали бы за границу. Наследник бы у меня был. Ну да дело прошлое.

— Николаша — отец.

— Этот хромой?! Вот черт!.. Так он вроде уехал к родне на Пасху и не вернулся.

— Встретились мы. Случайно. Васеньке-то уже более двух годочков было. Вот, признал сына, привез к своим в Вешки. Так и остались тут.

— А сейчас он где? На фронт вроде не могли взять.

— Так арестовали его в тридцать восьмом. Он хлеб сторожил в часовне. А оно загорелось. Его и взяли. Не знаю, жив ли.

— Загорелось — а чего не тушили?

— Пьяный он был. Спал.

— Как был никчемным, таким и остался. Ну да Бог ему судья.

— Вот и щи приспели. Сейчас обедать будем, — попыталась увести разговор в другую сторону Настя, ей неприятно было слушать плохое о муже.

— И изба, я смотрю, на ладан дышит. И в бане пол прогнил. Не хозяин твой Николаша... — не унимался бывший купец, узнав, на кого его променяли.

— Так три года его нет... — Насте и хотелось оправдать мужа, но в душе она понимала, что Фрол Фомич прав.

Она собрала на стол. Села, словно пристыженная.

— Да чего теперь, Настена, теперь о другом думать надо, — сказал Фрол Фомич, видя, что Насте неловко. — И тебе здесь оставаться нельзя, немец может прийти, и мне провожатый нужен. А там сообразим, что делать. Со мной, Настена, не пропадешь. У меня и деньги кое-какие скоплены.

— Видно будет, Фрол Фомич. Вы ешьте, а я пока к Бондарихе сбегая, заодно и новости узнаю.

— А колье ведь ты тогда взяла. В бархатной красной коробочке. — Фролу Фомичу хотелось договорить, прояснить уж всё до конца. — Да я не в обиде. Взяла и взяла. Думал, что согласилась. Обрадовался.

— Не брала я, Фрол Фомич. Вот вам крест — не брала. — Настя встала из-за стола и перекрестилась, глядя в глаза своему бывшему хозяину.

— Верю, Настена. Что ты! Потерял я его, наверное. А! Как пришло, так и ушло. Всё ушло. Чего теперь... А я ведь его тогда за бесценок взял — знакомый, из обедневших дворян — Бронькин Андрей Павлович продавал, — начал вспоминать Фрол Фомич, радуясь, что вот нашелся человек из его прошлого, с кем можно поговорить, да не просто человек, а женщина, к которой он испытывал чувства и которая, может быть, сейчас согласится быть с ним. — Разорился он. Да и то, время началось какое, а у него полна горница ртов... Где теперь? Жив ли? А ведь у меня деньги были, мог и пожалеть его, и колье то других денег

стоило. Думаешь, жадность? — бывший купец усмехнулся. — Нет, хватка в торговом деле нужна, расчет. Одному навстречу пойдешь, другому скинешь, третьему поверишь — вот и разорился. Не я, так кто другой бы купил, еще меньше дал бы. Или вообще власти бы отобрали. А на душе вот всё равно скребет — пожадничал денег-то. — Фрол Фомич вздохнул и продолжил: — А колье — что твой изумруд! Так изумруды и есть. И еще камень в центре — бриллиант. Так сверкал! Это у них фамильная драгоценность, передавали из рода в род. Вроде как дед Бронькина, когда еще война с Наполеоном была, раздобыл это колье, уж как, не знаю. А я как увидел его, так и вспомнил твои зеленые глаза. Сразу подумал, что тебе подарю. А ты вот не взяла...

Настя почти не слушала Фрола Фомича и, как только он замолчал, чуть ли не выбежала из избы.

Пока шла к дому Бондарихи, память подсовывала ей картины из прошлого. Вот она сидит с пьяным Фролом Фомичом, вот он достает бархатную коробочку, кладет ее на стол, вот у двери она сталкивается с Николашей.

«А ведь он всё видел, стоял подслушивал, значит, и про коробочку знал, — полоснула неприятная догадка. — Украл тогда эту коробочку и не вернулся. Вот поэтому и не вернулся. А я всё переживала: заболел сильно, или побил кто, или еще какая напасть приключилась. И ведь никогда об этом, ни единого слова. Куда же он дел ее? Промотал, выменял на продукты? Спрятал?»

Насте сделалось не по себе от мысли, что в ее доме где-то запрятана драгоценность. И не просто драгоценность, а еще и украденная, а значит, нечистая.

Но свои небогатые углы она знает хорошо.

«Где тут спрячешь? Разве что закопал? Ох, не к добру, — подумала Настя, подходя к воротам Бондарихи. — И с Фролом Фомичом не пойду, ни к чему это. И вообще никуда не пойду. Не дойдет немец до Вешек. Погонят его наши. А там, глядишь, и Васенька вернется, а меня нет!»

Через неделю Настя так же стояла ранним утром у ворот своего дома, глядела вслед прихрамывающему Фролу Фомичу и точно так же перекрестила его, уходящего по размытой дороге, схваченной первым морозцем.

Алла шла по коридору родного ОВД. Привычно здоровалась с сотрудниками, кивала с улыбкой, тепло пожимала руки. В голове никак не укладывалось, что все это теперь чужое и она здесь чужая. Но как бы там ни было, а ей просто необходимо попасть в свой бывший кабинет к компьютеру. Вчера она поняла наконец причину своего беспокойства: не всё стерла — торопилась. Возможно, на компьютере остались файлы по делу Александры Гергардт. Что-то ее отвлекло тогда. И сегодня она молилась, чтобы новый зам еще не приступил к работе.

Алла подошла к своему кабинету, потянула ручку на себя в надежде, что дверь заперта и сейчас она сама ее откроет, войдет и до конца почистит компьютер. Но дверь, несмотря на небольшое усилие со стороны Аллы, неожиданно распахнулась. На пороге стоял мужчина лет сорока, в форме с погонами капитана. Он быстро сориентировался и, улыбнувшись, произнес:

— Здравствуйте, Алла Сергеевна! Судя по всему, вы ко мне. Прошу.

— Здравствуйте! Судя по всему, вы новый заместитель...

— Ах да! Я не представился, — проговорил новый зам, пропуская Аллу в кабинет, — Хорошилов Антон Валерьевич.

— Алла Сергеевна, как вы уже успели выяснить.

— Вообще-то я с завтрашнего дня официально приступаю к работе, но решил зайти, — проигнорировав выпад Аллы, он прошел за стол и сел в кресло.

Алла не стала садиться. Капитан ей не понравился. Говорил он вежливо, с улыбкой, но чувство превосходства так и сквозило — и во взгляде «сверху вниз», и в интонации.

— Антон Валерьевич, я, собственно, на минутку — кое-какие вещи забрать, прибрать стол, как говорится. — Алла бросила взгляд на компьютер: «Включен. Черт!»

— Да тут вроде все прибрано. А я собирался вам звонить — назначить время на завтра, чтобы вы ввели меня в курс дела. Так, может, не будем откладывать? Раз уж вы здесь.

— И все-таки, Антон Валерьевич, мне бы хотелось «бросить последний взгляд» на кабинет. А встретимся мы завтра. Я тороплюсь, — предельно вежливо попросила Алла.

— Ну, не буду вам мешать, — усмехнулся капитан, встал и вышел из кабинета. В дверях он обернулся и с легким металлом в голосе произнес: — Завтра жду вас к девяти часам. Ключи можно оставить на столе, я минут через двадцать приду.

«"Можно оставить на столе" — надо будет, и так зайду, — фыркнула Алла, распахивая дверцы шифоньера. — Так и есть, летние туфли забыла».

Она сунула обувь в сумку и села за стол. Быстро нашла всё, что осталось нестертым в компьютере, перекачала, почистила и, довольная, покинула кабинет.

Сегодня ей действительно было некогда — намечалась поездка на ее сейчас уже бывшую дачу в Кашино.

«Что-то всё у меня теперь бывшее — дожилась», — подумала Алла, выезжая со стоянки ОВД.

Вчера она созвонилась с Алисой. Пришлось немного ввести подругу в курс дела.

Алиса обрадовалась: наконец-то нужно действовать! И история такая трагическая с пропавшим ребенком, и женщина странная, ясновидящая. Надо бы с ней потом пообщаться.

Про то, что еще необходимо каким-то макаром попасть в прошлое, Алла

распространяться не стала. Хватит пока и этой «войсковой операции».

В Кашино решили ехать втроем на одной машине, взяв с собой и Влада. Загвоздка была в том, что покупатель, которому Алла продала дачу, оказался всего лишь посредником. Ну, или дача ему не понравилась. Одним словом ее снова продали. И дальше следы терялись. Поэтому ехать собрались наобум. В конце концов бумаги о продаже у Аллы были и соседи могли подтвердить, что тут когда-то жили ее бабушка с дедом по маминой линии, а родители потом держали дом как дачу. Останется только рассказать слезливую историю о забытом на чердаке семейном раритете и надеяться, что новые хозяева проникнутся и разрешат им осмотреть чердак.

За ночь дорогу подморозило, но к полудню потеплело, пошел мелкий снег. Машину вела Алла. Влад сидел рядом, а Алиса обосновалась на заднем сиденье.

— Ох, тяжела ты полицейская доля! — Алиса потянулась, распрямляя ноги. — Ал, долго еще? Я толком и не позавтракала.

— Так кто ж тебе не давал? — засмеялась Алла.

— Торопилась засветиться в полицейской сводке! Вот сейчас там хозяев не будет, мы залезем, и «пришьют» нам «проникновение в чужое жилище». А? — не унималась Алиса.

— Алиска, накаркаешь. — Алла понимала, что подруга недалеко от истины, но успокоила ее: — Да уж как-нибудь отобьемся, — и добавила, обращаясь к Владу: — Достань, пожалуйста, термос и бутерброды.

— А куда ты их положила? — спросил Влад.

— А-а! Они же в багажнике. Ну что, останавливаемся на перекус?

— Желательно. Есть очень хочется. Это, наверное, у меня нервное? — предположила Алиса.

— Да с твоими нервами — хоть под танк. — Алла съехала с трассы и остановилась.

Влад вышел из машины, достал из багажника сумку с едой. Женщины тоже вышли, потоптались, разминая ноги, и решили сделать перекус на воздухе. На капоте разложили бутерброды с сыром и колбасой, разлили кофе по одноразовым стаканчикам.

— Еда у вас растяжопная! — Алиса взяла только два ломтика сыра и стаканчик с кофе, отложив белый хлеб и колбасу.

— Какая есть. Нам больше достанется, — не расстроилась Алла, пододвигая бутерброд к Владу. — Еще минут тридцать, и мы на месте. Если что, не вмешивайтесь, я сама разберусь, — сказала она уже другим тоном, посмотрев на Алису. Та промолчала. Влад хмыкнул, но тоже ничего не сказал.

А через полчаса они действительно въезжали в Кашино.

Дом-дача родителей стоял в конце деревни. Подъехали и остановились возле калитки.

Судя по тому, что не залаяла собака и никто не вышел на крик Влада: «Эй, хозяева! Есть тут кто?!», дом был необитаем.

Алла решила действовать. Кто-то должен был остаться в машине и в случае чего подать сигнал, а кто-то пойти с ней. Но ни Влад — он должен помогать, ни Алиса — как она пропустит всё интересное оставаться в машине не захотели.

«Детский сад “Ромашка”», — раздраженно подумала Алла, а вслух тоном, не терпящим возражений, сказала: — Со мной идет Алиса. Влад остается в машине и наблюдает. В случае чего — жмет на сигнал. Всё. Алиса, пошли.

Алла понимала, что никакой особой опасности нет — зима, в доме не живут, разве что соседи заинтересуются, кто это подъехал и зачем.

Она уверенно нащупала щеколду в калитке и с трудом открыла. По наметенному снегу они с Алисой, проваливаясь неглубоко, побрели к крыльцу.

Чтобы подняться на чердак, нужно было приставить лестницу. Обычно она всегда стояла возле дома. Но сейчас Алла ее не видела. Она уже пожалела, что взяла с собой Алису а не Влада. Нужно пробираться к сараю откапывать дверь и там искать лестницу.

— Алиса, вернись, возьми лопату в багажнике — что-то я сразу не сообразила.

— Санчо Панса слушает и повинуется. — Алиса пошла по своим же следам обратно к машине.

Алла осмотрелась: всё вокруг такое до боли знакомое. Показалось даже, что дом заскрипел, признавая хозяйку. Каждое лето она проводила тут.

И дом еще ничего, выдержит лет десяток-другой. А если подлатать...

Но дело даже не в этом. Уходит то, что ей дорого, то, что хранит этот дом, чем он пропитался за столько лет. Уходит часть ее жизни, ее опора, ее корни.

Алиса принесла лопату, и Алла с остервенением — от злости на себя, что продала, на обстоятельства: и ездить некогда, и зачем ей одной, — начала кидать снег. Потом они вдвоем с Алисой приоткрыли дверь, настолько, чтобы можно было протиснуться вместе с лестницей. По очереди зашли. Алла посветила запасенным заранее фонарем. Так и есть — лестница лежала возле дальней стены сарая. Молча взяли ее с двух сторон и вынесли на улицу. Потащили к чердачному окну.

— Мало мне йоги, еще поднятием тяжестей занимаюсь! — пыталась шутить Алиса.

Но Алла ее не поддержала — настроение не то и сосредоточиться надо, чтобы не пропустить подсказку Александры Гергардт.

— Алиса, сначала я, потом ты, но лезь осторожно — лестница старая.

Алла, пробуя на прочность перекладки, добралась до чердачного окна, залезла и стала ждать, когда поднимется Алиса, чтобы помочь ей. Но Алисе помощь не понадобилась, она и сама прекрасно справилась.

На чердаке пахло старым деревом и пылью. Ступали осторожно, подсвечивая фонариком, осматривались.

— Так что искать-то? — не выдержала Алиса.

— Если бы я знала. Потерпевшая сказала, что зря я дом продала, что на чердаке лежит то, что поможет найти ее дочь.

— Прямо индийское кино какое-то, — проворчала Алиса, с интересом осматриваясь.

«А что может быть на чердаке деревенского дома? — начала рассуждать Алла. — В детстве я часто залезала сюда. Правда, ничего интересного для десятилетней девчонки я здесь так и не нашла, разве что полумрак, тебя никто не видит, а ты можешь сидеть и наблюдать за происходящим во дворе. А еще можно было спрятаться ото всех, если кто-то тебя обидел. Пусть поищут».

Алла запнулась о картонную коробку и чуть не упала:

— Фу ты черт!

— Что там? — спросила Алиса из другого угла чердака. — Я тут мешок со старьем нашла. Ничего интересного.

— А у меня коробка. Сейчас посмотрю. Иди поддержи фонарь.

Алла открыла коробку: старые игрушки, банка с пуговицами, детское платье.

— Я помню эти игрушки. Старые, еще, наверное, шестидесятых годов, — начала рассказывать Алла, вертя в руках пластмассовую уточку. — А это елочная — космонавт.

Забавно. А вот мой пупс. У меня их столько было! И я всё равно просила маму купить еще...

— И что, как это поможет найти девочку? — недоуменно спросила Алиса, прервав подругу.

— Не знаю пока.

— Да написать надо в передачу «Жди меня». И отыщется, — предложила Алиса.

Алла не успела ответить — с улицы раздался автомобильный гудок. Женщины одновременно вздрогнули.

Первой опомнилась Алла:

— Что там еще случилось? Пошли быстрее.

Они спустились с чердака и бросились к калитке. Алиса, поскользнувшись, немного отстала, а Алла выскочила через незакрытую калитку.

Возле машины стоял не очень трезвый старик, размахивал руками и пытался выяснить, кто такой Влад и что ему здесь нужно.

— Ал, я не подавал сигнала. Это вот дед руками размахивает, — сразу начал прояснять ситуацию Влад.

Алла Сергеевна узнала старика.

— Дядя Коля! Это я, Алла, помните меня?

Дядя Коля повернулся и стал с удивлением рассматривать Аллу.

— Мои родители здесь жили — Паршины. А я их дочь — Алла!

— Да, жили. Так померли они. А дом вроде продали. — Дядя Коля рассматривал Аллу, не узнавая.

— Дядя Коля, так я и продала дом осенью.

— Ну, тогда ладно. Тогда пойду, — пробормотал дядя Коля, очевидно, так и не признав бывшую соседку. — Я ведь у сына жил, а теперь вот опять здесь. Извиняйте, ежели что.

Алла посмотрела вслед уходящему дяде Коле, пошла закрывать калитку. Надо бы и лестницу убрать на место, но пусть здесь стоит — как она всегда раньше стояла.

Дорога обратно заняла меньше времени — они не останавливались. Когда отвезли домой Алису и остались в машине одни, Алла, до этого всю дорогу молчавшая, попросила Влада сегодня не ночевать у нее — ей надо побыть одной.

Есть не хотелось. Она поставила греться чай. Походила в задумчивости по квартире. Потом взяла плед, укрылась и легла перед телевизором. Диктор оживленно о чем-то вещал, но Алла не слушала. Нахлынули детские воспоминания, связанные со старым домом, с поездками на дачу. Потом мысли завертелись вокруг дела Гергардт. Алла легко представила день, когда пропала девочка. Возле места, где исчез ребенок, она уже успела побывать.

«Середина сентября, тепло.

Дочь Оленька родилась 8 сентября — так удачно, в сентябре потом и в школу пойдет. А сегодня ей десять дней исполнилось. Сегодня она плохо спала, капризничала. Александра укладывает дочку в коляску — на свежем воздухе ее девочка будет лучше спать.

И погода — только гулять. Надо еще зайти, хлеба купить, Сережка когда еще вернется. Опять куда-то с друзьями убежал. Совсем взрослый, пятнадцать лет весной отмечали. А мы сейчас погуляем, в магазин зайдём.

Александра осторожно спускает коляску со второго этажа. Направляется к ближайшей аллее. Дочка спит крепко — еще бы: воздух, мерное покачивание.

Подъехали к магазину — ступеньки крутые, тяжело будет коляску поднимать и ребенок

может проснуться.

Александре не хочется будить доченьку: так спит хорошо. Но она всё же поднимает коляску, и неудачно. Коляска срывается со ступеньки, Оленька просыпается, начинает плакать. Александра отъезжает от магазина, качая коляску. Дочка снова засыпает.

Александра оглядывается: вокруг тихо, спокойно. Вон две женщины остановились и разговаривают, мальчишка на велосипеде проехал, старик поднимается на крыльцо магазина. Александра ставит коляску возле двух тополей, в теньке, чтобы не напекло.

Сейчас мамка быстро сбегает за хлебом, и мы домой поедим.

Она быстро преодолевает ступеньки и скрывается за дверью магазина.

Коляска стоит у тополей. К магазину, с другой стороны, приближается молодая женщина. Волосы не прибраны, одета так, как будто живет недалеко и выбежала на минутку в ближайший магазин за продуктами — комнатные тапочки и плащ. Лицо сосредоточенно-отчужденное, под глазами черные круги, губы сжат.

Женщина видит коляску и останавливается, лицо ее оживает. Она подходит к коляске, протягивает руки к ребенку, осторожно вынимает его, улыбается — девочка. Такая же девочка, как у нее. Была.

Почему была? Вот же она!

Женщина прижимает ребенка к себе, озирается, закрывает «свою» девочку плащом и поспешно уходит в направлении автобусной остановки.

С автобуса — на вокзал, на электричку, а там немного пройти, совсем немного, и мы дома. И поедим, и покупаемся...»

Алла очнулась от звука трезвонившего телефона. Помедлила, приходя в себя, стараясь запомнить женщину. Хотя — столько лет прошло, да и мало ли, что она нафантазировала. Посмотрела на часы — почти одиннадцать вечера, дотянулась до телефона. Так и думала: Влад беспокоится.

Она произнесла только одно слово:

— Приезжай.

Планерка в отделе у оперативников проходила в штатном режиме. На Антона Валерьевича Хорошилова, пришедшего на место Аллы Сергеевны Смагиной, посматривали с любопытством, изучали, сравнивали с предыдущим начальством, как это и бывает в подобных случаях. Говорил он толково, сразу стал вникать в работу. Да, собственно, и прошло-то всего несколько дней, как Смагина сдала дела и Хорошилов приступил к исполнению обязанностей.

Сам Хорошилов не особо был озабочен тем, как его примут в коллективе. Как говорится, стерпится — слюбится. Да и не собирался он здесь надолго задерживаться — надо идти дальше, строить карьеру.

Но одно, казалось бы, рядовое дело о нападении на Александру Гергардт в ее собственной квартире очень заинтересовало Хорошилова. Он и сейчас, отвлекаясь, думал о нем.

Капитан был опытным оперативником, и от него не ускользнуло и ощущение недоговоренности при сдаче Смагиной именно этого дела, и ее желание остаться в кабинете одной.

Компьютер он досконально обследовал еще до встречи со Смагиной, как раз на предмет чего-нибудь такого — нестертого. Иногда среди случайно забытых файлов очень любопытная информация попадает. А из этого любопытного иногда можно еще одну звездочку на погоны заработать, а иногда и кое-что более осязаемое. Работа работой, а жить надо — никогда не угадаешь, что «день грядущий нам готовит». Поэтому, наткнувшись на неудаленную Смагиной папку по делу Гергардт, Хорошилов, не колеблясь, скачал ее. А когда Алла попросила дать ей возможность «проститься с кабинетом», спокойно оставил ее там одну.

Дело после этого он изучил и теперь искал ответ на вопрос: что же в нем такого? Почему Смагина не попросила просто еще раз посмотреть свой компьютер, а полезла туда, когда он вышел? Что она хотела скрыть? Скачанная информация толком не проясняла ситуацию, но кое-какие наметки давала.

Хорошилов пока только изучал дела, поэтому выступать на планерке ему не пришлось. Увлечись своими размышлениями, он поднялся одним из последних. Это заметил начальник оперативного отдела Грибов.

— Антон Валерьевич, как вам у нас? Вошли в курс дела?

— С коллективом срабатываемся, Петр Алексеевич. С делами, которые Смагина передала, ознакомился. Я слышал, что она продолжает работать по одному из них — о нападении на Александру Гергардт. Это, конечно, похвально, но, я думаю, что отдел в состоянии и сам справиться. Если честно, я не понял, почему сотрудник, ушедший на пенсию, продолжает работать?

— Антон Валерьевич, вы же знаете, с кадрами всегда проблема, тем более с такими профессионалами, как Алла Сергеевна Смагина. Она вела это дело и лично просила меня дать ей закончить его. Возможно, мы нарушаем, но дело от этого, уверен, только выиграет, — раздраженно закончил Грибов. Его, конечно, попросили «сверху» пристроить этого хмыря, но что ему, начальнику оперотдела, делать или не делать, он как-нибудь решит сам.

— Да, собственно, я не против, — пошел на попятную Хорошилов. — Буду держать вас в курсе, Петр Алексеевич. Но, вы понимаете, я, как ваш зам, должен всё знать.

— Да-да. Смагина работала с Ильей Сокольским, и сейчас он ведет это дело, а капитан Смагина просто помогает. Под мою ответственность.

— Я вас понял. Разрешите идти?

— Идите.

Хорошилов закрыл дверь кабинета.

«Что ж, это даже лучше, что Смагина “просто помогает”, — думал он, идя по коридору. — Что я так заикнулся на этом? Что с этим делом не так? — Он зашел в кабинет, посмотрел на часы — до обеда далековато. — Черт, позавтракать не успел! А не сходить ли мне в кафе? И надо будет сегодня же переговорить с Ильей. Вдруг наша пенсионерка уже чего-то новенького нарыла».

Замначальника по оперативной работе быстро оделся, закрыл кабинет и стал спускаться по лестнице.

Ночью поднялся ветер, и коттеджный поселок «Вешки-95» тревожно замер в ожидании рассвета.

Виктор Семенович Супонин в последнее время стал плохо спать. Чувство тревоги не покидало его. Вот и сегодня проснулся от ветра, бьющего в окно. Попытался заснуть снова — не получилось.

В конце концов надо было что-то решать! На что-то решиться! Не ждать, пока...

Это «пока» пугало, парализовывало волю. Не хотелось ни о чем думать. Хотелось исчезнуть, очутиться в другом — безопасном месте. И чтобы никакого дневника с описанием колье, никакого Зубова, никакого следствия... А тут еще спина разболелась.

Супонин взял себя в руки:

«Совсем не вовремя расклеился. Надо сегодня же на что-то решиться! Пока не раздался очередной звонок. Что я теряю? Я всего лишь узнал о сокровище и где оно в настоящий момент находится. Хотя я не был в квартире Гергардт. Может, там и нет ничего. Эх, Зубов — дурак! Итак: я не убивал Зубова, я не посылал его в квартиру к этой тетке. Я посылал Зубова сделать легкую, да, легкую автомобильную аварию с Алисой. Но! Но об этом знаем только я и Зубов. Зубова нет, и никто об этом не узнает. Я прохожу как свидетель по этому делу. Только и всего. Если начать сотрудничать со следствием... А ничего и не остается. Звонивший, или сколько их там, не отстанет. И в живых, если я пойду на сделку с ним, навряд ли меня оставит. Кому охота делиться, а тем более оставлять свидетеля. Есть ли третий вариант? — Супонин повернулся на другой бок, морщась от боли в спине. — Самому проникнуть в квартиру? Опасно. Наверняка, если попадешься, станешь подозреваемым номер один. Всех собак навешают. Тогда уж точно не отмазаться. Не факт, что за мной не следят, но ведь могут следить за квартирой. Нет, рискованно. Значит, остается одно — сегодня я еду к Смагиной в отдел полиции. Все рассказываю и прошу защиты. Она вроде ничего, умная. И именно сегодня, тянуть дольше нельзя. В любой момент могут позвонить. — Супонин резко встал — ему инстинктивно захотелось энергичным движением закрепить принятое решение — и тут же упал на кровать: — Чертова спина! Чертова погода! Надо Наталью попросить сделать укол. Иначе не доеду».

Он еще немного полежал, потом осторожно приподнялся и опустил ноги на пол.

Рассвет медленно пробивался сквозь плотные шторы. Ветер наконец-то стих.

Виктору Семеновичу стало немного легче — решение было принято, а после укола и спина перестанет ныть.

Он доковылял до спальни жены и постучался, чтобы ее не напугать, если спит.

— Наташа! Спишь? — спросил он, открывая дверь.

— Нет. Лежу, — озабоченно откликнулась Наталья Григорьевна, вставая с постели. —

Что случилось?

— Спину опять прихватило. Поставь укол. На работу сегодня поеду.

— Если прихватило, сиди дома, — проворчала она недовольно, открывая шкафчик с лекарствами. — Включи свет!

— Надо мне сегодня ехать.

— Иди ложись. — Наталья Григорьевна набрала в шприц лекарство, надавила, чтобы вышел воздух, и уверенно поставила укол.

Виктор Семенович расслабился на кровати — еще бы никуда не ехать и ничего не решать. Когда лекарство подействовало, он встал без резких движений и отправился завтракать.

Дорогу замело, но не так сильно, чтобы нельзя было проехать, и дорожники уже начали расчистку.

Супонин ехал медленно, обдумывая предстоящий разговор и снова взвешивая все за и против.

Когда въехал в город, позвонил Алле Сергеевне Смагиной, но она не взяла трубку. А потом у него разрядился телефон. Тогда решил без звонка — наверняка Смагина на работе и примет его.

Он подъехал к ОВД, припарковался и, чтобы не передумать, быстро пошел к нужному крыльцу. При входе Супонина остановил дежурный.

— Вы куда, гражданин? К кому? Вам назначено?

— Я к Алле Сергеевне Смагиной...

— Смагина здесь больше не работает.

— Но... я... — замялся Супонин, не зная, что предпринять.

— Вы к Смагиной? Я не ошибся? — Капитан Хорошилов, проходя мимо, услышал знакомую фамилию и решил выяснить, зачем этот мужчина в годах, хорошо одетый, ищет встречи со Смагиной. — Антон Валерьевич Хорошилов, заместитель начальника оперотдела. Я теперь работаю на месте Алла Сергеевны, — представился он и обратился к дежурному: — Пропустите. Это ко мне.

Супонин поморщился: «сбегать» несолидно, надо выкручиваться. Капитан ему не понравился. Он не смог бы объяснить почему, но привык доверять своей интуиции.

Пока они поднимались на второй этаж и шли к кабинету, Виктор Семенович судорожно искал другую причину его прихода сюда — рассказывать Хорошилову всё как есть, ему совсем не хотелось.

— Проходите... — Хорошилов вопросительно посмотрел на Супонина.

Тот поспешил представиться:

— Виктор Семенович Супонин.

— Садитесь, Виктор Семенович. Слушаю вас, — отчеканил Хорошилов, в душе радуясь, что не упустил этого Супонина.

— Я, собственно, по делу о гибели Кирилла Зубова, — неуверенно начал Супонин, поглядывая на капитана — насколько он в курсе этого дела. — Мы беседовали с Аллой

Сергеевной. И она просила позвонить, если я что-то вспомню...

— Да-да, очень интересно. И что же вы вспомнили? — поторопил замолчавшего Хорошилов, давая понять, что с делом он знаком.

— Алла Сергеевна просила вспомнить всех, кто выходил на улицу в тот вечер. Так вот, выходил еще муж Алисы — Павел. Обычно она приезжает одна — муж часто бывает в командировках. А в тот вечер...

— А фамилия Павла?

— Лытников. Он выходил за бутылкой вина.

— Да-да. Лытниковы. Помню. — Хорошилов откинулся в кресле, на лице его читалось разочарование. — И что, долго его не было?

— Да нет вроде. Я точно не помню. Но, по-моему, вышел и через пять минут зашел — долго ли бутылку из машины взять.

— Сейчас я провожу вас к оперативнику, который ведет это дело, он запишет показания, — сказал, вставая с кресла, Хорошилов.

Полчаса спустя, в кафе, Хорошилов, прокручивая еще раз беседу с Супониным, неожиданно задался вопросом: «А почему он не позвонил? Зачем было тащиться в ОВД из-за такой ерунды? Или... Или Супонин чего-то не договаривает. Или... вообще не за этим приходил! В ОВД просто так не приходят. И вид у него был какой-то бледный... Связано ли дело Зубова с делом Гергардт? Как? Почему они находились в одной папке? Родственники? Но этого нет в делах. Тогда что их связывает? Зубов — мертв, Гергардт — в больнице. Кто-то что-то ищет, убирая свидетелей? Что-то ценное, если убивает. И вот это уже интересно! Что ценное может быть в квартире рядовой гражданки? Она работала геологом. Золото? Камни? А если не нашли? Надо еще раз прочитать протокол обыска. И почему Смагина сама делала обыск? Что, некому больше было? Ну, допустим. Но дела-то в ее нестертой папке были объединены!»

Хорошилов ел и не чувствовал вкуса еды, настолько он погрузился в размышления. Он, как охотничья собака, нащупывал след и понимал, что тот где-то совсем рядом. Он подобрался к нему достаточно близко. Еще несколько ходов, и он окажется в дамках.

«В данном случае обойду даму», — усмехнулся Хорошилов своим мыслям, покидая кафе.

На работе он снова и снова вчитывался в протоколы обыска. Потом наметил план действий — пора и самому начинать что-то делать. А два-три надежных человека на подхвате у него всегда найдутся, завел еще на прежнем месте работы.

План пока был простой — понаблюдать, выяснять. О чем он и не замедлил распорядиться.

Глава 18. Деревня Вешки, май 1962 года

Начало мая не радовало теплом — моросил дождь, а ветер вчера только стих. Ну да, может, дождь и к лучшему, урожай будет.

Настя, как всегда, встала рано — прибралась, отварила картошки, достала из зимних припасов огурцы, квашеную капусту и кусочек соленого сала. Специально его берегла к 9 мая.

Раньше в этот день выходной был, и праздник отмечали не только в мае, но и в начале сентября — победу над Японией. Правда, всего три года после войны. Ну да ладно, она, Настя, его и так отметит — для памяти выходной не нужен. Помянет и мужа Николая, сгинувшего в лагерях, а еще больше будет жалеть и вспоминать погибшего в сорок первом сына Василька. Достанет вечером из шкатулки аккуратно перевязанные ленточкой его письма с фронта. Он и написал-то всего пять штук. Помятые, выцветшие, за столько лет она выучила их наизусть. Но снова будут дрожать руки и срываться голос.

В сенях хлопнула входная дверь, закрипели половицы, и тут же открылась дверь в комнату.

— Сидишь? — с порога спросила соседка Нюра. — А я тут немного мяса принесла, — сказала она, доставая прикрытую от дождя фуфайкой железную чашку. — Вчера курицу сварила — праздник же.

— Проходи, проходи, — обрадовалась Настя гостье.

Нюра поставила чашку на стол, вернулась к двери, сняла фуфайку.

— А я с утренней дойки, скоро уж назад бежать, — сказала она, подсаживаясь к столу.

— Успеешь. Сейчас посидим немного. — Настя достала из шкафа тарелки, начала расставлять. — Хлеб нарежь. Вон в полотенце завернут.

В это время снова хлопнула дверь, и послышались чертыхания Бондарихи, запнувшейся о галоши. А потом и сама она появилась на пороге, а вместе с ней и запах самогона.

— Сидите?! — спросила она и, не дав никому слова сказать, затараторила: — А я смотрю, Настасья, одна шась к тебе во двор, другая. Ну, думаю, и мне пора. А вы, как всегда, на сухую! А у меня — первач. Праздник все-таки. — Бондариха достала из-за пазухи бутылку и торжественно водрузила ее на стол.

Настя, улыбаясь, пошла за рюмками, а Нюра не удержалась, спросила, смеясь:

— Это кто второй-то шастал? Наверное, первач?!

— А ты бы, Нюрка, лучше свои галоши в сторонку ставила. А то расставишь...

— Наливай, Нюра. Берите закуску. Картошка вот, сало... — обратилась Настя к гостям. — Давайте выпьем за наших. За Василька моего.

— За мужа моего Петра, — продолжила Нюра.

— Да за всех их, сердешных. Земля пухом, — подхватила тост Бондариха и залпом выпила до дна.

Настя, сделав глоток, сморщилась, поставила рюмку на стол и потянулась за картошкой. Нюра, опустив тоже недопитую рюмку, принялась разделять курицу и класть всем в тарелки.

— Э-эх! Хорошо пошла! — Бондариха подцепила огурец, смачно хрустнула им. — А у меня уже ни капусты, ни огурцов. Вроде много солила по осени, а вот на тебе...

— Если каждый первач огурцом закусывать, конечно, ничего не останется, — снова

начала цеплять Бондариху Нюра.

— А твой-то, средненький, что пишет, Нюра? В деревню вернется или как? — решила сменить тему разговора Настя.

— А что ему тут делать! Вот осенью должен вернуться из армии. Пусть в городе приживается, пока молодой. В городе сытнее. Старшой вот — Вовка прижился в Москве: и работа хорошая, и платят, и жильем обеспечен.

— Да и вольнее, — подхватила разговор Бондариха, наливая по второй, но получилось только себе: Нюре на работу, а Настя лишь пригубляет. — Тебе вот, Настасья, и пенсию не выделили на собрании. А сколько ты отработала! И сын за Родину погиб.

— У многих не вернулись, — ответила Настя.

— Нет, — начала размахивать руками Бондариха, выпив вторую рюмку, — это ж надо такое придумать: «объединение», «укрупнение»! Совсем нет головы у мужиков. Бабам надо руководить!

— Уж не тебе ли? Ты-то опытная — вон, все свое «производство» укрупняешь! — снова беззлобно поддела Бондариху Нюра.

— Да ты сама подумай! Наш колхоз соединить с соседним: это ж сколько верст до него! А как добираться? Машин две, и те на ладан дышат...

— Зато председатель будет — загляденье! Не то что наш Михалыч: ни вида, ни дела, — засмеялась Нюра.

Настя слушала и улыбалась, глядя на них, потом пошла ставить чайник.

Она знала председателя соседнего колхоза. В сорок шестом году, после войны, он приезжал в их деревню. Нашел дом Насти. Посидели, поговорили они тогда.

Ивана Полоскунова тоже в тридцать восьмом посадили, как и ее мужа Николая. В тюрьме они и встретились. Несколько дней рядом лежали. Только Николая первого на этап отправили, а Ивана спустя пять дней. И в другой лагерь.

Когда началась война и среди зэков стали добровольцев на фронт набирать — тех, кто хотел кровью свою вину искупить, — Иван и вызвался. Лучше уж на фронте погибнуть, чем на нарах от голода и холода загнуться. Понятно, воевал в штрафбате. Три раза ранен был. Один раз тяжело. Но выжил, вернулся. Вот опять в руководители вышел.

— Давайте чай пить, — предложила Настя, прибирая со стола. — Руководству виднее. Может, и лучше станет. Не война же, с голоду не умираем.

— А вот ты, Настасья, — взвилась Бондариха, опрокинув еще одну рюмку, — не понимаешь. У тебя вот сын погиб, а тебе пенсию не дали! Ты всё письма читаешь! Всё сохнешь! А ведь сын твой писал, что встречался с девушкой. И имя указал, и адрес. А вдруг кто родился тогда? Дело-то молодое. А если у тебя уже внучка выросла или внук? А ты вот сидишь тут и не знаешь! Двадцать лет сидишь и не знаешь! А?

Настя от слов Бондарихи застыла, будто пораженная громом. И горечь, и надежда, и даже испуг отразились на ее лице. Первой опомнилась Нюра:

— А что... Вон сколько историй рассказывают: пришла похоронка, а он живой. Или потерялись в войну, а потом нашли друг друга... Ну, мне на работу пора. Спасибо за хлеб-соль. — Нюра встала и помогла подняться обмякшей Бондарихе, у которой вышел весь запал, она начала клониться к тарелке. — Пойдем мы... Тебе молока-то вечером принести?

Настя не ответила. Так и сидела, оглушенная. Потом мыла посуду, мела пол, ходила кормить куриц. Все делала как в полусне. Слова Бондарихи не выходили из головы. Она то

отмахивалась от них — наболтала пьяная баба невесть чего, то загоралась надеждой — а вдруг, а если правда.

К вечеру, переделав все дела, Настя села за стол и осторожно открыла шкатулку с письмами. Перебрала их. Нашла тот фронтовой треугольник, где сын пишет о своей девушке, и начала с нетерпением, по-новому, как будто в первый раз, читать:

«Здравствуй, мама!

Пишет тебе твой сын Василий. У меня все хорошо. Воюю. Как ты там, мама?

Я получил благодарность от командира — сумел снова наладить прерванную связь. В общем, у меня всё хорошо.

Мама, помнишь, я писал тебе о девушке, с которой познакомился в поселке. Она работает на местном венюковском заводе. Зовут ее Оля. Ей недавно исполнилось 18 лет. У них там есть пекарня. Такой вкусный хлеб пекут! Но сейчас всё по карточкам. А Оля живет на окраине поселка, на улице Заречной.

Мама, ты только не переживай. Мы с Олей решили пожениться, как только закончится война. А она скоро закончится — я уверен. Погоним фашистов. И тогда я познакомлю тебя с Олей.

Ну, пока всё. Будьте здоровы. Пиши, мама. Возможно, скоро нас перебросят в другое место.

Тогда я напишу.

Всё, мама. До свидания!

8 сентября 1941 г.».

Настя еще раз перечитала письмо. Нашла в шкатулке чистую бумагу в клеточку, вырванную из школьной тетради, огрызок химического карандаша, старательно записала адрес.

Сын указал и номер дома, но именно в этом месте текст расплылся. Может, сама она намочила — слезами, может, так и было, а она не замечала. Настя подносила письмо то ближе к лампе, то ближе к глазам, даже переворачивала листок и на обратной стороне пыталась рассмотреть номер дома. Потом, уже с Нюрой, решили, что это цифра шесть.

И начались у Насти бессонные ночи и бесконечные думы:

«Денег надо подкопить, как ехать-то. А если не найду? Если нет их там? Сколько лет прошло. И как примут? А вдруг не примут? Не отпустит председатель, посевная скоро, каждые руки на счету... Да как я найду это Венюково? Надо бы к учительнице Людмиле Матвеевне сходить, пусть растолкует. Начнет спрашивать, зачем мне, так я скажу сын там воевал, вот, пока не померла и в силах, хочу посмотреть, где сын воевал, а то ведь могилки нет... Найду, поди, язык до Киева доведет».

Забегала соседка Нюра, приносила молоко в литровой банке, садилась, делилась своим:

— Я ведь, Настена, тоже мужа долго ждала. Ты же знаешь, в сорок третьем извещение пришло — пропал без вести. Ну, пропал, значит, мертвым не видели. И то, сколько случаев было: похоронка пришла, а мужик пишет, что в госпитале. Или опять же, пропал без вести, а он раз — и объявляется, жив-здоров.

— Да помню я, Нюра, как у Петровых тогда: написали, что погиб, а через два месяца — письмо от него. Потом, правда, еще раз похоронка пришла. И не объявился больше Игнат.

— Ты поезжай, разузнай всё. Ну и что, что столько лет прошло. Скорее всего, там и живут они. А про родителей ее ничего Василий не писал?

— Нет. Про родителей не писал.

— Ну и ладно. По адресу найдешь. Там всё и узнаешь. А карточку этой Оли не высылал?

Может, вместе они снялись?

— Нет, не высылал. Я б тебе еще тогда показала. А я к учительнице заходила, узнала, что это теперь, оказывается, город Чехов, а Ванюково его район.

— Я бы тебе денег заняла, да у меня Катюха в город хочет ехать поступать. И то, ей уже за двадцать, засиделась девка.

— Ничего. Вот к сентябрю и соберусь.

Как прошло лето, Настя и не заметила. А в конце сентября засобиравшись в дорогу. Обновки купила, принарядилась. Подарки кое-какие собрала — не с пустыми же руками ехать.

И промелькнула у нее мысль: вот бы клад найти, что ее муж Николай закопал где-то здесь, сейчас быгодились деньги, но как пришла эта шальная мысль, так и ушла до времени.

Сало растопилось, шкварки с темными прослойками мяса смотрелись аппетитно, сомлел и длинно нарезанный лук — пора накрыть эту вкуснотищу яйцами, что и сделала Алла, разбив два яйца, которые тут же вздыбились и, пофыркивая, начали оседать, сворачиваться, поджариваться...

Можно было, конечно, и поколдовать над ужином, но настроения нет — сегодня она одна.

Поссорились с Владом.

«Нет, из-за какой-то ерунды! Можно сказать, на пустом месте. Он, видите ли, хотел пойти в кино, а она в кафе, и с Алиской. Надо же поддерживать подругу. Мог бы и уступить, — в который раз прокручивала ссору и мысленно спорила с Владом Алла, не забывая присматривать за яичницей. — Ну и что, что ты не очень ладишь с Алисой или тебе некомфортно с ней! Приспосабливайся! Она моя подруга, и знаю я ее намного дольше, чем тебя. Он всё время «подстраивается под меня», я «не считаюсь» с его желаниями. Смотрю-ка! И вообще еще не известно...» — Алла не закончила свою мысль, выключила плиту, лопаткой ловко перекинула содержимое сковородки в тарелку и поставила ее на стол, где блестела в чашке квашеная капуста, смешанная с сырым луком и политая подсолнечным маслом. Самое то с яиченкой!

Трапеза продолжалась недолго, но подействовала на Аллу умиротворяюще.

Она быстро вымыла посуду, успев смириться со ссорой и даже оправдать ее:

«В конце концов пришла пора поругаться. Слаще мириться будет».

В том, что Влад завтра позвонит, если не сегодня, Алла не сомневалась, а сейчас можно и поработать-поразмыслить, так сказать, «в спокойной обстановке».

Она включила автоответчик. Ничего особенного. Звонила старшая по подъезду — опять там у них что-то не убрали — не сделали, и надо им сразу менять управляющую компанию. Хорошо хоть, только бумагу подписать просит. А то еще чего доброго предложила бы кинуться на амбразуру и выявлять нарушения в управляющей компании. Делать больше нечего!

Влад пока не позвонил — он любит оставлять любовные послания, желать спокойной ночи или доброго утра. Алла вздохнула. Собственно, у нее был сотовый, а этот стационарный телефон с трубкой давно бы надо отключить — платить меньше. Но бывает удобно, когда уезжаешь, когда кто-то не знает твой сотовый, и вообще привыкла. А еще ей нравилось слушать голос Влада. На сотовом не то, на сотовом сразу видно — от кого, что.

Алле стало душно. Она подошла к окну, приоткрыла одну створку — пусть хорошо проветрится. Сама села на диван, прикрылась пледом и стала просматривать теперь уже сотовый телефон. Ушла сначала в «Одноклассники», потом зависла в «ВКонтакте», перешла на «Фейсбук», наконец, занялась делом — просмотром пропущенных звонков. Влад не звонил. Но вот знакомый номер или кажется, что знакомый.

Алла скинула плед, встала, закрыла окно и включила ноутбук. Здесь хранились папки с делами и, конечно, последнее — о нападении на квартиру Гергардт и гибели Зубова. Здесь же записаны все выявленные и предполагаемые фигуранты, свидетели, их адреса, телефоны. Так и есть, это телефон Супонина.

Алла подобралась, сосредоточилась:

«Не случайный звонок. И почему-то не перезвонил. Передумал? Что же вы хотели такого мне сообщить, Виктор Семенович? И ведь явно знаете больше, чем говорите. Хотите себя подстраховать, подстраховаться на случай... Прижало вас? Или прижали?! — Алла посмотрела на часы — о! почти час ночи. — Придется утром звонить. Надеюсь, Супонин, с вами ничего за это время не случится».

Она еще немного посидела за ноутбуком и легла спать, так и не дождавшись звонка от Влада.

Утром, когда она была в ванной, зазвонил домашний телефон. Алла, на ходу вытирая полотенцем руки, схватила трубку — наверняка Влад звонит с рабочего. Но звонил оперативник Илья Сокольский.

— Алла Сергеевна, здравствуйте! Не разбудил?

— Доброе утро, Илья! — без особого энтузиазма поздоровалась Алла. — Нет, не разбудил. Какие новости?

— Да вчера Супонин приходил. По делу о взрыве машины Кирилла Зубова.

— Та-ак. И что он интересного рассказал?

— Он сначала с Хорошиловым разговаривал. Потом тот его ко мне привел — показания записать. Вспомнил он, что в тот вечер из дома выходил и Павел Лытников, муж Алисы Лытниковой.

— И зачем выходил? — Алла спрашивала скорее потому, что надо всё спросить и выяснить, она привыкла так работать. Хотя худой, нескладный, сутуловатый, с плохим зрением муж Алисы никак не тянул на Рэмбо. Наверняка выходил из-за какой-нибудь ерунды. И она не ошиблась.

— Он забыл бутылку в багажнике. Какое-то вино, которое нужно салом закусывать.

— О! Это что-то новенькое. И сколько отсутствовал? — уточнила Алла — все-таки дело есть дело, несмотря на то, что это муж Алисы и он далеко не Рэмбо.

— Да минут пять его не было. Как раз, чтобы подойти к машине, открыть багажник, достать из сумки бутылку вина и вернуться в дом.

— Что с биографиями гостей вечеринки? Я тебя просила...

— Всё выяснил, Алла Сергеевна, — перебил своего бывшего начальника Илья. — Сам Супонин служил в Эстонии, в ВВС — обслуживал самолеты. Наверяд ли он изучал подрывное дело. А вот его друг банкир Борис Аркадьевич Сальников отдавал долг родине в инженерных войсках и подрывное дело вполне мог не забыть.

— Вот это уже интересно! Но в каких годах он служил! Здесь, по-моему, более современный тип взрывного устройства. Думаешь, бывших минеров не бывает. Я уточню у эксперта.

— Люсьен Сидоркин, назовут же, — усмехнулся Илья и продолжил, уточнив: — Сосед Супонина, проходил службу в стройбате, а Ащеулов нигде не служил — плоскостопие.

— А Павел Лытников?

— У Лытникова слабое зрение — минус три. Он начинал служить в десанте, но через восемь месяцев его комиссовали. Из-за зрения.

— Как его вообще туда взяли?

— Зрение могло нарушиться в ходе службы.

Алла задумалась. Она, что называется, под другим углом посмотрела на мужа Алисы — заужала, все-таки десант.

— Илья, а выясни поподробнее, что там произошло с Лытниковым в армии. Не мог же он обойти медкомиссию. Хотя... — С одной стороны, она не хотела загружать Илью малосущественными делами, а с другой — надо всё проверять.

— Хорошо, Алла Сергеевна, — немного замешкался с ответом Илья, не зная, по уставу отвечать или по-дружески бывшему начальнику.

И Алла поняла причину этой заминки. Неприятно кольнуло, но она продолжила ровным голосом:

— И проверь, не пересекались ли каким-то образом пути-дороги наших фигурантов в прошлом. Да и в настоящем. В общем, все возможные связи.

— Сделаем, Алла Сергеевна.

— Если что-то интересное нароешь, сразу звони.

— Обязательно.

После разговора с Ильей Алла в задумчивости походила по комнате: необходимость звонить Супонину отпала. Можно, конечно, и позвонить, еще раз всё уточнить, но настроения общаться со свидетелем не было. И Влад молчит. И она ему звонить не будет. Не будет...

Алла чувствовала, что настроение стремительно катится вниз — на шкалу «печалька» и надо себя вытаскивать, пока оно не добралось до шкалы «печаль». А там и до «полной печали» недалеко.

«Как там психологи вещают? Печалиться дней пять в месяц — нормально, а если больше — добро пожаловать к психологу. О чем я думаю! Как все свалилось — и увольнение, и Влад. И дело это... Так, дело не надо трогать — может обидеться. А вот позвонить Алиске стоит».

Алла набрала в легкие побольше воздуха, медленно выдохнула, помахала руками, ногами, в быстром темпе прошла из комнаты на кухню и обратно. Еще раз выдохнула, посмотрела на часы и потянулась за сотовым.

— Привет, подруга! А я уж думала, что ты про меня забыла, — как всегда, первой отозвалась Алиса.

— Забудешь тебя! — радостно парировала Алла.

— Ты по делу или так, поболтать?

— А что, беда со временем? И чем это вы таким заняты, Алиса Андреевна?

— Да вот занята, — засмеялась Алиса, не выдержав официального тона.

— А точнее? — Алла уловила таинственные нотки в голосе подруги и очень захотела узнать, что там у нее за секреты.

Алиса вздохнула, решая, говорить или пока не стоит, и, конечно же, не утерпела:

— Я, в отличие от некоторых, ворон не ловлю.

— Эх вас занесло, гражданочка. — Алла немного напряглась, но разговаривала всё еще шутливо.

— Ал, ты только не обижайся, — решительно начала Алиса. — Я хочу помочь. В общем, я написала в передачу «Жди меня».

— Та-ак... — выдавила Алла, переваривая информацию и теряя поднявшееся было настроение. — И что ты там написала?

— Ну, всё про эту женщину, у которой ребенка украли... Может, кто-то что-то знает. Может, видел кто. Всё бывает. Там такие истории!.. А вдруг! Вдруг найдут, — чистила

Алиса, стараясь убедить Аллу и прежде всего себя, что правильно поступила.

— Кто тебя просил?! Я вообще ничего не должна была тебе говорить. Есть следствие, и следствие ведется. И есть тайна следствия, и она нарушена. Я тебе как лучшей подруге. Ты вообще понимаешь?!.. Ты знаешь, какие могут быть последствия?! — выговаривала подруге Алла, срываясь на крик.

Все сдерживаемое до сих пор напряжение, все волнение последних месяцев вырвалось наружу. Алла бросила телефон, упала на диван и разрыдалась.

— Ну прости меня! Ну я — дура! — в который раз повторяла Алиса, подливая коньяк подруге. Она примчалась через час после их разговора.

— Да-а, — вяло-примирительно отвечала Алла. — Пусть. Всё к одному.

— Ну что, он так и не позвонил? Нет, вы как дети. Давай я ему позвоню. Он, наверное тоже ходит там из угла в угол.

— Нет, не надо звонить. Пусть ходит, — решительно заявила Алла, качнувшись в сторону закуски. — Пусть хоть уходит.

— Да брось ты. Хороший мужик.

— Хороший... Ох, Алиска!.. Развезло меня, однако, немного.

— Да ты же с утра ничего не ела. Давай я еще колбасы нарежу. И как ты ее ешь?

— А ты вот что... Ты... У тебя Павел где служил? В каких войсках? Или его по зрению не взяли в армию?

— Ну у тебя и переходы! А Павел здесь при чем?

— Раз спрашиваю, значит, надо, — начала повышать голос Алла.

— Ой, да где он мог служить! Ты знаешь, как-то разговора не заходило. А может, я не помню. Хочешь, я спрошу?

— Нет. Давай без иници...циатив. Я тебя прошу.

— Да как скажешь. Слушай, мне пора. Я ж не на машине. Пока доберусь...

— И вообще ничего никому не рассказывай. Ни про меня, ни про следствие... И Павлу тоже!

— Да поняла я всё, Ал. Но если что-то прояснится, если ответят с передачи, я тебе сразу всё сообщу.

— Только мне... И перешли на почту, что ты там высылала на передачу, — тоном, не терпящим возражений, произнесла Алла и поднялась с дивана. — Пойдем, я тебя провожу. А почему ты такси не хочешь вызвать?

— Пройтись немного хочу — воздухом подышать.

— М-мм.

— А золотая рыбка — всего лишь карась красно-желтый, — почти пропела Алиса на знакомый только ей мотив, застегивая шубку. Она, как всегда, была в своем репертуаре: за ней последнее слово.

— Вот-вот. Иди уже, карасиха. — Они обнялись на прощание, и Алла закрыла за Алисой дверь.

После ухода подруги она отправилась на кухню мыть посуду, предусмотрительно собранную Алисой. Включила кран, долго смотрела на бегущую воду, потом очнулась, закрыла кран и прошла в комнату. Легла на диван, укрылась пледом и уснула.

Трель неизвестной птицы, которая пряталась в густых зарослях, раздавалась всё громче

и громче, мешая наслаждаться летней тишиной и солнцем. Потом вдруг смолкла, а через какое-то время снова оглушила Аллу. Ей захотелось бросить что-нибудь в заросли, где обитала эта громкоголая птица, но ничего подходящего под рукой не оказалось. Зато рядом появилась река. Вода! Много воды! Как она хочет плескаться в этой воде, пить эту воду! Бежать туда!..

Алла с трудом открыла глаза — телефон разрывался под ухом. Она положила его возле подушки, и теперь его звон набатом отдавался в голове.

— Кому что надо? — с трудом приподнявшись, Алла взяла телефон, прижав его к уху, снова откинулась на подушку. — Да, — нетвердо, с хрипотцой произнесла она.

— Алла Сергеевна, здравствуйте! Это Супонин Виктор Семенович вас беспокоит. — Голос звучал неуверенно, суетливо.

— Да-да. Я слушаю вас, Виктор Семенович. — Голос Аллы тоже звучал не совсем обычно. Как ей показалось, она немного басила. В горле пересохло и очень хотелось пить. Она пошарила глазами, но воды рядом не было, вздохнула, проглотила слюну и повторила более осмысленно: — Я вас внимательно слушаю.

— Алла Сергеевна, вы, наверное, знаете, что я приходил в ваше отделение? — порывисто начал Супонин и, чтобы не растерять уверенности, продолжил, не дожидаясь ответа: — Я разговаривал с товарищем...

— Хорошиловым, — подсказала Алла.

— Да. Но я бы хотел переговорить с вами. Я не знал, что вас... что вы не работаете. И всё же мне бы хотелось поговорить именно с вами.

Алла посмотрела на окно, плохо соображая, вечер сейчас или уже утро. Ей очень не хотелось куда-то идти. Ей хотелось к воде. Она глянула на часы — десять вечера. Какое счастье!

— Виктор Семенович! Как я понимаю, разговор у нас будет серьезный. Давайте завтра встретимся. И я вас внимательно выслушаю.

— Да-да, об этом я и хотел договориться.

Для Аллы лучше было бы встретиться во второй половине завтрашнего дня. Но она не стала предлагать свое время.

— Когда вам будет удобно, Виктор Семенович? И, к сожалению, не могу пригласить в свой кабинет.

— Неважно. Но лучше часов в десять-одиннадцать — пробок меньше, — поспешно проговорил Супонин.

— Тогда в одиннадцать. Возле нашего ОВД. Там стоянка еще одна есть.

— Знаю, знаю, Алла Сергеевна.

— Вот и договорились.

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! — поспешно ответила Алла и отключила телефон. Она откинула плед, села, опустив ноги на пол — голова вроде не кружится. Медленно встала и побрела на кухню.

После залпом выпитого стакана воды Алла выдохнула, чувствуя, как благодарно отзывается тело, и более бодрым шагом направилась снова к дивану. Легла. Голова еще была тяжелой, но мысли задвигались:

«Хорошо, что возле ОВД назначила встречу. Может, понадобится что-то записать под протокол. Илью буду просить. Или сама — я все-таки тоже веду это дело. — А потом

пришла и запоздалая радость: — Позвонил Супонин! Позвонил! Никуда он не делся. Значит, что-то серьезное, значит, дело сдвинется».

— Объект № 2 выехал из коттеджного поселка «Вешки-95» и направляется по Алтуфьевскому шоссе в сторону МКАДа, — привычно, без эмоций вещал мужской голос.

Алла немного дольше, чем обычно, постояла под душем. Долго растирала себя полотенцем — надо же было выпить вчера! Решила, что надо. Позавтракала плотно. Закинула в рот жевательную резинку и стала собираться.

Голова гудела, но не так сильно, как час назад.

Алла вышла из подъезда и остановилась — диктофон! Порылась на всякий случай в сумочке. Нет, забыла дома. И, досадуя, отправилась обратно.

Она не очень верила в приметы, но своим ощущениям доверяла. Появилась небольшая — совсем небольшая — тревога. Примета тут, конечно, ни при чем, и по времени она вполне успевала. Да и подождет Супонин. В конце концов это он хочет с ней поговорить.

Тревога была невнятной, на интуитивном уровне, но она возникла и заставила Аллу насторожиться.

Антон Валерьевич Хорошилов спокойно слушал. Он немного напрягся, когда тот же голос сообщил, что объект № 1 выехал со двора своего дома и направляется в сторону ОВД. Туда же подъезжает и объект № 2. Хорошилов понимал, что Супонин не захотел ему сообщить что-то важное и сейчас сообщит это Смагиной.

— Подойти как можно ближе и по возможности записать разговор, — отдал он распоряжение.

— Есть подойти как можно ближе.

— И не отсвечивать! — Хорошилов почувствовал знакомое воодушевление — выброс адреналина в кровь. Он выдохнул и уже спокойнее добавил: — Аккуратнее.

Машина шла ровно. Почти перестала болеть голова. Светило солнце, минус десять на улице — не особо морозно и не слякотно.

Алла посмотрела в зеркало заднего вида — вроде ничего особенного: за ней шла белая Тойота, по виду старенькая, сбоку слева торопился черный «Форд-Фокус». Но ощущение дискомфорта не проходило — как будто что-то должно произойти, и не очень приятное.

Алла резко свернула в первый попавшийся карман. Остановилась. Следом за ней в карман заехало такси.

— Объект № 1 заехал в карман, — неожиданно резко произнес наблюдавший.

Хорошилов вздрогнул, помедлил: «Машина у нее, что ли, сломалась? Почуяла слезку наша пенсионерка. Вот черт!» — и отдал приказ:

— Слезку за объектом № 1 прекратить. Сосредоточиться на объекте № 2.

«Все равно она к Супонину едет. Никуда не денется», — подумал он.

Из такси, заехавшего в карман, вышел Влад.

— При-ивет! Ты здесь откуда? — стараясь не показывать своего радостного волнения, удивленно спросила Алла.

— За тобой ехал.

— Так, садись в машину, рассказывай, — распорядилась Алла. — Напугал меня.

— Прости. Я не хотел. Подъехал к твоему подъезду, а ты уезжаешь. Ну, я таксисту говорю: давай за ней! Он даже обрадовался — такое маленькое приключение.

— Хм... Приключение им. А почему ты не на работе? — спохватилась Алла.

— Отпросился.

— Влад, у меня сейчас важная встреча. Иди домой, ключи у тебя есть, сваргань там чего-нибудь. Я приеду через час-полтора. Позвоню. Всё. — Алла чмокнула Влада в щеку и буквально выпихнула из машины.

Тревога отпустила. Алла ехала и улыбалась. Влад снова с ней. Приготовит обед, будет ее ждать. Как хорошо, когда тебя дома ждут.

Она подъехала к стоянке, где была назначена встреча с Супониным, на пять минут позже назначенного времени. Его джип увидела сразу. Набрала номер телефона Супонина и пригласила в машину к себе — так спокойнее.

— А погода сегодня какая хорошая, Виктор Семенович, солнце, — проговорила Алла, чтобы разрядить напряжение и настроить свидетеля на разговор.

— Да, — вяло отреагировал тот, видимо, не зная, с чего лучше начать и как не прогадать. — Алла Сергеевна, я не убивал Зубова. Может, и злился на него, но не убивал.

— Предположим. Тогда, может быть, вы знаете, кто убил?

— Нет, не знаю. Но... В общем, мне неделю назад позвонили. Угрожали, если я не расскажу... — Супонин замаялся, а потом решительно продолжил: — Давайте я начну с самого начала.

Алла кивнула, диктофон у нее давно работал.

— Мой тесть какое-то время служил в НКВД. После войны это всем известное ведомство преобразовывали несколько раз. Так вот тесть в учетно-статистическом отделе числился, если мне память не изменяет. Во всяком случае после войны точно там работал. Но не в этом дело. Когда он умер, остались бумаги, фотографии, записи — всё, как это и бывает... — Супонин заволновался, сейчас надо было открывать самое главное, а значит, и самому открыться. — Моя жена, Наташа, Наталья Григорьевна, просматривала все его бумаги и нашла дневниковые записи. Так, ничего особенного. Может, для истории, для исторического музея что-то и было интересное. Она попросила меня оценить, почитать. Я нехотя согласился. Стал мельком просматривать и, знаете, как пишут в романах, «в один прекрасный день» наткнулся на запись...

Алла краем глаза видела, как от них отъехала машина и сразу же, почти вплотную на это место встала другая машина. Водитель не спешил выходить: он нагнулся и что-то там делал.

Но... это была белая тойота.

Утреннее волнение вернулось:

«Совпадение? Что тогда меня смутило, на дороге? Ах да, тойота ехала — боясь приблизиться. Точно! — В это время водитель тойоты завел машину и уехал. — Показалось? Мало ли белых тойот. Да что сегодня со мной?»

— И сколько лет было вашему тестю?

— Пожил, пожил старик. Девяносто два исполнилось. Через полтора месяца после дня рождения скончался. Тихо так — уснул и не проснулся. Что работа у него в архиве тихая

была, что смерть...

— Он... дееспособным был?

— Вполне. Всё воспоминания писал. И жил отдельно от нас — в своей квартире. Не захотел перебираться к нам в коттедж. Жена к нему почти каждый день ездила, а уж звонила несколько раз на дню.

— И что же вы нашли интересного «в один прекрасный день»? — проверив, насколько это возможно, вменяемость тестя Супонина, Алла вернулась к главной теме разговора.

— Знаете, я не взял с собой подлинник этой записи. Мало ли... Он у меня в сейфе дома. Но сделал копию. Вот она. — Супонин протянул Алле листок.

Она пробежала его глазами.

Там была описана встреча работников МИДа на празднике: и как подвыпивший Ной Левинсон рассказывал о работе с заключенными ВятЛАГа, и про Николая Венина, который перед смертью бредил, просил спасти его, и тогда он скажет, где спрятал сокровище — дорогое кольцо. Умирая, он все же открыл тайну.

«Представляешь, Григорий Ильич, вот вспомнил — посмотрел на эту корзину с цветами и вспомнил. Чего только эти зэки не придумывали, чтобы откосить, спастись, даже убежать! Да куда там — бежать. У меня не убежишь! Хотя... кто знает. Давай еще выпьем, Григорий Ильич. Нет, ты представляешь — вплести кольцо в корзину! И где теперь та корзина? Ну да бог с ней».

— И вы решили начать расследование? — удивилась Алла. — Во-первых, столько лет прошло. И потом, это действительно мог быть бред умирающего, не более.

— Не знаю, что тогда на меня нашло, а вот поверил и начал проверять. На романтику кладоискательства потянуло...

— И вы подключили к этому делу Кирилла Зубова?

— Да. Он изучал архивы и вообще помогал мне. Но я не убивал его. Он сам. Без моего ведома полез в квартиру к Гергардт. Я пока не говорил ему, что нужно искать, чтобы он дров не наломал. Потом убийство. Потом этот звонок. Может, Кирилл кому-то рассказал про расследование, а они решили сами найти сокровище — кинуть меня. Других версий у меня нет. И я не знаю, была ли в квартире Гергардт корзина. Кирилл ничего мне не сказал. Он клялся, что не трогал хозяйку квартиры, а быстро убежал, потому что она внезапно вернулась. То есть он и квартиру толком не осмотрел. И у меня даже в мыслях не было его убивать. Поверьте! Я бы как-нибудь договорился с Гергардт. Ну что бы она стала делать с раритетом? А я бы заплатил ей... какую-то часть... Извините, душно. Я открою окно.

— Да-да, Виктор Семенович. — Алла с тревогой посмотрела на бледное лицо Супонина, выключила печку и еще раз осмотрела стоянку — ощущение, что за ней кто-то наблюдает, не проходило, еще и окно пришлось открыть. — Виктор Семенович, нам надо зайти в управление. Всё записать и... разработать дальнейший план действий. Больше вам не звонили?

— Пока нет. Но, думаю, что скоро позвонят.

— Вот и хорошо. Вам лучше?

— Да, всё в порядке.

Алла достала телефон и отправила две СМС-ки: одну Владу, а другую оперативнику Илье Сокольскому.

— Пойдемте.

Она отчетливо вспомнила большую корзину, с массивной ручкой, явно старую, которая

стояла на шифоньере и нелепо там смотрелась — на дворе начало XXI века. Лежали в ней новогодние игрушки и прочая редко употребляемая или ненужная мелочь.

«Неужели это та самая корзина? Интересно, Гергардт знает? Скорее всего, нет. Надо, чтобы Супонин сообщил звонившему о корзине. Поймаем его на месте преступления. Кто-то же избил Гергардт? Пусть за это ответит. Если не Зубов, тогда... звонивший? Значит, возможно, он был в квартире после Зубова. Следил? Знал? Откуда? — Быстро зрел план оперативных действий. — Хорошо бы заехать в больницу к Гергардт, расспросить про корзину. Но это потом».

Хорошилов, конечно, не мог прочитать то, что было скопировано на листе, который принес Супонин и отдал Смагиной, но он почти весь разговор отчетливо слышал. И этой информации было достаточно, чтобы начать действовать. Ему теперь предстояло разработать свой план, и как можно скорее.

«И как-то все это маловероятно. Но... чем черт не шутит. Надо опередить оперативников и проверить корзину. Рискованно. Очень рискованно. Подменить корзину? Времени мало. Очень мало. Сейчас Смагина все запишет и возьмет разрешение на повторный обыск. Послать кого-нибудь с большой коробкой, вынести корзину в ней? Слишком рискованно. Увидят. И что? Форма, удостоверение, проводятся следственные действия. Надо успеть. Опередить».

Хорошилов кружил по кабинету в поисках правильного решения. Отступить ему не хотелось, но и вляпаться по-глупому тоже не хотелось — еще не известно, стоит ли овчинка выделки.

Наконец в голове возникла блестящая, как ему показалось, комбинация. Он потер руки, самодовольно усмехнулся и начал детально всё обдумывать.

Глава 21. Город Чехов, сентябрь 1962 года

На третьей неделе сентября Настя засобиралась в дорогу — основные сельхозработы закончились и пока тепло. Отпросилась у председателя на субботу и воскресенье — съездить в город, где сын воевал. Она рассчитала, что если и живет кто по адресу, который указан в письме сына, то так проще будет дома застать.

Дело хорошее, как тут отказать? Но Левонтий Михайлович, председатель, засомневался сначала:

— Куда поедешь? К кому?

Настя убедительно отвечала, что обратится в местный военкомат или в музей. Должен ведь там быть музей!

— Настасья! Какой военкомат? — недоумевал председатель.

— Понедельник прихвачу. Можно же узнать, кто на кладбище захоронен, — не отступала Настя. Говорить про адрес в письме она не захотела — слишком несбыточным, нереальным всё это казалось.

— Езжай... — сдался Левонтий Михайлович и добавил, вздохнув: — Там такие бои шли, что...

— Да я быстро обернусь. В Москву на попутках, а там на Курский вокзал и на электричку, — обрадованно зачастила Настя. Она уже не один раз обдумала весь маршрут.

С попутками Насте повезло — все-таки суббота, хоть и не выходной день, а машин больше. Правильно она рассчитала. На вокзале давно никуда не ездившая Настя сначала растерялась — всюду стояли, сидели, шли, торопились люди. Встречали, провожали, уезжали — никому не было дела до Насти и ее переживаний.

Носильщики несколько раз беззлобно-привычно кричали ей «Поберегись!». Настя оборачивалась и уступала дорогу. Потом, оглядевшись, вошла в здание вокзала — надо было купить билет.

Она выбрала кассу и встала в очередь. Сумку держала в руке крепко — мало ли чего. Наконец приблизилась к заветному окошку, но тут ее отеснили — курносый парень, в курточке и кепке, работая локтями, лез без очереди. Рядом с ним молодая мамаша с ребенком на руках — девочкой лет трех — с просящим возгласом «Опаздываем! Поезд отходит! Пропустите!» тоже пробиралась к кассе.

Настя, возбужденная дорогой и вокзальной суетой, не ожидая от себя такой прыти, полезла вперед и отодвинула парня, пропустив женщину с ребенком. Молодой, постоит, а ребенок устал. Девочка в вязаной шапочке с большими грустными глазами смиренно сидела на руках матери и только старалась прижаться к ней, когда та, раздвигая очередь, просила, чтобы ее пропустили.

Наконец и Настя подала деньги кассирше, немолодой женщине, на лице которой читалось превосходство над всей этой очередью — маленькая, но власть.

— Мне до станции Чехова. На ближайшую электричку, — торопливо, заискивающе проговорила Настя.

— Нет такой станции, — торжествующе просветила кассирша пассажирку, сразу распознав в ней сельчанку.

— Как же? — растерялась Настя.

— Так же. Станция Лопасня. Один билет?

— Один, один.

Настя, зажав в руке долгожданный билет, выбралась из очереди. Всё, теперь можно и посидеть.

Она вышла на перрон, но все скамейки были заняты. Встала возле одной из них и стала изучать билет — до электрички оставался еще почти час.

«Ничего, подождем, — вынула из сумки бутылку с водой, отпила немного. Есть не хотелось. Вареные яйца и хлеб, аккуратно завернутые, лежали на дне сумки, там же лежали и пирожки с капустой. — Потом можно будет в электричке перекусить».

Через час, проворно взобравшись по ступенькам в тамбур электрички, она торопливо шагала по вагону, потом удачно заметила и захватила место у окна. Довольная, села и стала разглядывать попутчиков.

Напротив сидела пожилая пара. Супруг держал на коленях корзину.

«Совсем как моя, — мельком подумала Настя, разглядывая корзину. — Такая же большая. Нет, моя больше. Мать Николая, видать, под себя корзину плела. Плетение сложное, замудренное, ручка массивная и главное — крышка есть, с перекладной посередине, и с одной стороны можно открыть, и с другой. Так и стоит на печке — неудобная, тяжелая. Память о муже. — Настя вздохнула, перевела взгляд на попутчиков. — По грибы, что ли, собрались? Как там дома? Нюра куриц покормила?»

Через остановку подседа девушка лет двадцати и сразу уткнулась в книгу.

Потом на скамью опустилась женщина. Рядом с ней егзили двое детей лет семи-восьми — мальчик и девочка, по виду погодки. Дети просили то попить, то поесть, то — к окну, то начинали выяснять между собой отношения. Мать терпеливо выполняла их просьбы и тут же приструнивала.

Настя смотрела на детей и вспоминала своего Василька:

«Нет, мой поспокойнее был. А может, теперь так кажется...»

Она потянулась к сумке — хотела угостить детей пирожками, но постеснялась.

Через несколько остановок они сошли.

Пассажиры менялись — выходили и заходили, — Настя отвернулась к окну. Сначала она с интересом разглядывала проносящиеся мимо лесные массивы, дома, людей на остановках. Потом голова ее стала клониться, она задремала. Но всякий раз вскидывалась, боясь проехать свою станцию. Царицыно... Подольск... Колхозная, Столбовая... Наконец, зычный голос произнес долгожданное «Лопасня».

Настя торопливо подхватила сумку и вышла на незнакомый и в то же время узнаваемый перрон. Как на всех небольших станциях — лавочки, одноэтажное здание вокзала, водонапорная башня и несколько деревянных домов рядом.

Подошла к зданию вокзала, заметила для себя женщину лет пятидесяти, чтобы спросить про автобус до Венюково, как назывался один из районов города Чехова.

Женщина оказалась словоохотливой. Она оглядела Настю и затараторила, обрадовавшись попутчице:

— Автобусная остановка здесь недалеко. Вы нездешняя? Пойдемте, я вас провожу — мне тоже на автобус.

Настя только успела сказать «Спасибо!», и тут же на нее обрушилась очередная порция вопросов и ответов.

— А вам какая улица нужна? Заречная? Ну да там спросите у кого-нибудь. Вы к родне,

наверное? Или ищите кого? Да вот уже и автобус стоит. Народу немного, сейчас сядем.

Они подошли к выдавшему виды ЗИСу. Дверца в салон была открыта, и Настя начала подниматься на нижнюю ступеньку, но, не привыкшая ездить в автобусах, не учла ее высоту. Если бы не случайная попутчица, которая подхватила сзади и помогла взобраться, Настя точно упала бы. Немного растерявшись, она плюхнулась на первое от двери сиденье — спиной к водителю. Но ее «товарка» быстро прошла в салон и позвала Настю на другое сиденье — неудобно ехать спиной, усадила ближе к окну, а сама села рядом — она первая будет выходить.

— Как я выйду, тебе еще две остановки — там сойдешь и спросишь, куда идти, — уже по-свойски, перейдя на «ты», наставляла попутчица.

Постепенно автобус заполнился. Настя смотрела в окно и волновалась: найдет ли? И как еще примут? А если не найдет, то успеет ли обратно на электричку?

В сумке, которая стояла у нее на коленях, лежали подарки: платок и конфеты. Там же лежал и фронтальной треугольник — письмо сына, где он написал о девушке Оле и указал ее адрес.

Нужный дом Настя нашла быстро — деревянный, старый, но еще добротный, скамейка, палисадник. Она сначала позвала хозяев, потом, когда никто не откликнулся, сама открыла калитку и, оглядываясь, осторожно поднялась на крыльцо. Собаки вроде не было. Стала стучать в дверь, дернула ее. Закрыто. Потопталась, снова постучала, уже сильнее. Тишина. Сообразила заглянуть в окно, но, ничего не разглядев, начала стучать по стеклу — не уходит же в самом деле. И замка на двери нет, значит, изнутри закрыто. Может, спят люди.

Наконец что-то загремело в сенях, и дверь распахнулась. Настя увидела женщину лет сорока, бледную, худую, в ночной сорочке, поверх накинута кофта, волосы наспех подобраны в хвост.

— Вам кого? — с раздражением, без любопытства спросила женщина.

— Я... Сын у меня тут служил... воевал в этих местах. — Настя начала волноваться и поэтому говорила сбивчиво, перескакивая с одного на другое. — Он с девушкой познакомился. Сына Василием звали, а девушку Олей. — Она полезла в сумку доставать письмо, не смогла найти его и опустила сумку. — Василек... Адрес он в письме указал: улица Заречная, дом... шесть. — Дыхание у Насти перехватило, глаза увлажнились. — Номера в письме не разглядеть. Может, и не этот дом. Вы... Вы извините...

Лицо женщины оживилось, она переступила порог и вышла на крыльцо.

— Да, это я — Оля... Ой, что же мы на крыльце стоим! Проходите в дом. У меня не прибрано, — запричитала она, пропуская нежданную гостью вперед.

— Это ничего, — с радостью и облегчением в голосе проговорила Настя, — главное — нашла, нашла вас.

В сенях было две двери, одна из которых вела в комнату, а другая, наверное, в кладовку. Как во сне, мельком Настя оглядела комнату — диван, этажерка, буфет, круглый стол у окна, за который хозяйка и пригласила сесть.

— Я сейчас чайник поставлю, — метнулась она к печке. — Вас как звать? Меня можно Ольгой.

— Анастасия... Степановна, — запнулась Настя — она привыкла, что почти все в Вешках звали ее Настасьей или Настеной.

На столе появились помидоры, хлеб, аккуратно нарезанный, банка рыбных консервов.

Настя спросила, где можно помыть руки, а после достала из сумки яйца и пирожки.

Ольга принесла чайник, а из буфета достала початую бутылку «Столичной», стопки и чашки для чая.

— Я сейчас. — Она ушла в другую комнату, где вместо двери висела занавеска. А минут через пять вышла в цветастом платье, немного ей великоватом, как показалось Насте.

— Дочка у меня, Сашенька, спит. Нагулялась утром. Мы с ней вместе и уснули, — стала пояснять Ольга и, видя удивление на лице гостьи, добавила: — Родила-то я поздно, почти сорок стукнуло. Да, видимо, и в голову стукнуло. А дочке всего два и восемь... А, давайте выпьем за знакомство.

Чокнулись. Настя через силу, из уважения к хозяйке сделала глоток и стала есть свой пирог с капустой.

Она смотрела на Ольгу, которая, лихо махнув стопку, теперь закусывала помидорами, и понимала, что нет у нее ни внучки, ни внука. А есть вот эта худая женщина с бледным лицом и впавшими глазами, которая двадцать лет назад гуляла, разговаривала, смеялась с ее сыном.

— Вы ешьте, ешьте, Анастасия Степановна. — Ольга налила себе еще, Настя отодвинула свою стопку. — Давайте за Васю. Пусть земля ему будет пухом. — И, выпив, продолжила, желая, видимо, порадовать Настю: — А он похож на вас — глаза такие же, зеленые. Я помню. Помню.

Замолчали, думая каждая о своем. И одновременно обернулись, услышав детский плачущий голос:

— Мама! Мама!

В комнату из-за занавески вышла светловолосая, крепенькая девочка, в одной майке. Она остановилась, посмотрела на незнакомую тетю и поспешила к матери.

— Сашка, а одеваться кто будет? И не поздоровалась. У нас гости.

— Здластвуй...те, — выговорила девочка и заулыбалась, посмотрев на Настю.

— А ну-ка пойдем. — Мать подхватила ее и понесла в комнату.

Настя вспомнила про конфеты, полезла в сумку, достала и платок — подарок.

Сидели за столом уже втроем. Сашенька в платье и шерстяных носочках на коленях у матери сосредоточенно разворачивала очередную конфету, изредка бросая взгляды на Настю, а еще чаще на конфеты, лежащие на столе.

— Саша, — стараясь говорить строго, произнесла мать. — Хватит тебе конфеты таскать. Давай кашу поешь. Разогрею?

— Неа. Не хочу. — Сашенька понимала, мама только притворяется строгой и поэтому можно взять еще конфету.

Настя смотрела на девочку и неосознанно, не понимая зачем, искала знакомые черты.

— Ну всё, Саша, иди поиграй. На улицу пойдешь?

— Даа.

— Тогда пойдем одеваться. Посмотришь там. Может, наш Гришка пришел. Кот наш загулял, два дня дома нет, — сказала, уже обращаясь к Насте.

Настя понимающе кивнула. Она устала и думала, что надо бы расспросить Ольгу и про музей, и про военкомат, но понимала, что забот у Ольги и без нее хватает, так что сама она попробует разузнать всё.

А Ольга, проводив дочку во двор, вернулась к столу. Она потянулась за бутылкой, но передумала и, как будто решившись на что-то очень важное, заговорила:

— Спасибо за подарок, Анастасия Степановна. Вот не знаю, пригодится ли, — увидев вопросительное выражение на лице у гостьи, продолжила торопливо, чтобы разом

выговориться: — Болею я. Опухоль обнаружили. А родных нет. Родители еще до революции сюда перебрались. В поисках лучшей доли. Отца плохо помню, уехал на заработки в Москву и не вернулся. А мама перед войной, в сороковом умерла. Мне тогда восемнадцать исполнилось. Я на завод устроилась. Наш, венюковский. А потом война. Вот тогда и сына вашего встретила... — Ольга замолчала, видимо, вспомнив что-то сокровенное, и тут же продолжила: — Анастасия Степановна, я вижу, что вы женщина добрая, положительная... И сын ваш, Василий, такой ласковый, заботливый был... С едой плохо. Так он придет, обязательно хлеба, еще чего принесет. Сам не съест, а мне принесет... Паек свой... — Ольга наклонилась ближе к Насте: — Вот и вы, вижу, такая же. На вас сын похож... Возьмите Сашеньку к себе. Поживите у меня. Дочка к вам привыкнет. Не хочу, чтоб в детдом забрали.

— Ольга... Оля... — Настя растерялась. — Да обойдется. Вылечитесь... Да как же...

— Если обойдется — хорошо. У меня приступами накатывает. То ничего, даже бодрая и силы есть, а то такие боли начинаются, что хоть на стенку лезь. Мне соседи скорую вызывают. Сашка пугается... Сначала я часто плакала. Дочка уснет, а я смотрю на нее и плачу. И что делать, не знаю. Всё думала, думала, ночи-то длинные. Соседи знают — у нас же деревня. Приходили недавно одни — бездетные. А я смотрю, они всё больше дом разглядывают. Не понравились они мне. И Сашка ко мне жметя. А вот вас сразу приняла. Ребенка не обманешь. Видно, сам Бог мне вас послал. — Ольга жадно выпила остывший чай. Посмотрела в окно — дочь стояла возле лавочки, раскладывала на ней упавшие листья. — У меня тут знакомая есть. У нее сестра. По оформлению работает. Оформим, что вы Сашина родственница или еще как. Вот и отчество у дочки Васильевна. Александра Васильевна. Надо же, как совпало. — Ольга замолчала, задумалась, а потом продолжила: — Опекунство оформим. А я ей дом отпишу. Своей знакомой. Согласится. Куда денется. Они в такой халупе живут.

Настя смотрела на Ольгу и с трудом принимала то — даже понимала не до конца, — что от нее хотят. Что за крутой поворот предлагает ей жизнь?

— И опять же, всем хорошо будет, — голос у Ольги задрожал, но она заставила себя успокоиться. — Да вот сегодня же и схожу к ней, договорюсь. В понедельник начнем оформление. А вы устали с дороги. Давайте на диване постелю. Прилягте, отдохните. Я пока приберусь. — И она начала мыть посуду и возбужденно рассказывать и про свое детство, и про завод, и про войну, и про жизнь после войны.

Настя слушала и не слушала Ольгу. Она знала, что не сможет отказать, что есть у нее еще силы поднять девочку.

Рано утром в среду Настя, Ольга и Сашенька стояли на перроне вокзала, ждали электричку. Ольга то прижимала к себе дочку, то заставляла ее взять Настю за руку. И, чтобы не расплакаться, суежилась: осматривала вещи, не забыли ли чего, уверяла, что скоро приедет, что все будет хорошо. Полечится в больничке и приедет. Просила дочку слушаться бабу Настю, которая тоже оглядывалась, кивала головой, поддакивала.

Когда подъехала электричка, мать схватила свою кровиночку, прижала к себе, потом, сдерживая слезы, помогла забраться в тамбур и долго махала вслед, уже не сдерживая рыданий.

В электричке Сашенька сначала капризничала и просилась к маме, потом стала с интересом смотреть в окно, а после уснула, положив голову на колени к «бабе».

Настя гладила ее по голове и заново переживала всё произошедшее с ней:

«Как всё повернулось. И отказать было — как? Ничего, подниму, чай не война. А девочка смышленная... И приняла ведь меня. Вот и внучку Господь послал. Надо бы вещи старые посмотреть, может, что от Василька осталось. Зима скоро. Бегать во дворе пойдет. Корову... Нет, корову не потяну. Козу где достать? К председателю пойду — пусть назначают пенсию!.. Так-то картошки хватит, курицы... Ох, Ольга, вот ведь доля досталась. Ну да всем нам отмерено, не обойдешь».

Сашенька шевельнулась, Настя поправила ей волосы. И забытое, затаившееся материнское чувство охватило Настю — когда ты не один, когда ты навсегда связан невидимой нитью с родным существом. И отныне, и до конца дней будет длиться эта связь. И именно она будет давать ей и силы, и надежду, и смысл всей ее оставшейся жизни.

А электричка размеренно стучала: так-так, так-так, так-так... Так.

Молодой человек с подтянутой, спортивной фигурой, не дождавшись лифта, торопливо спускался по лестнице. В руках он нес картонную коробку. Нес легко, не напрягаясь. И не потому, что был молод и силен. А потому, что в коробке находилось что-то явно не тяжелое.

Спортивная синяя куртка распахнута, шапочка натянута на лоб. Взгляд уверенный, как уверенны и все его движения. Он распахнул двери подъезда, быстро оглядел двор и, неся перед собой коробку, прикрываясь ею, направился к машине. Она стояла недалеко от подъезда. Мужчина открыл багажник, поставил туда коробку, но передумал и пристроил ее на заднее сиденье. Затем, еще раз оглядевшись, сел за руль и выехал со двора.

Немного погодя, вслед за ним тронулся неприметный, серого цвета, старенький «фольксваген» и довел его до дома на Кутузовском проспекте. Потом из «фольксвагена» выскочил «безликий» человек и вошел в подъезд вслед за молодым мужчиной с коробкой. Они даже поднимались вместе в лифте, только «безликий» стоял спиной к молодому человеку, разговаривал по телефону с какой-то Викой, усиленно приглашая девушку на свидание, и поднялся на этаж выше.

— Всё в порядке. «Игрушку» доставил, — сообщил молодой человек сразу, как только занес коробку в комнату.

— Хорошо. Хвоста не было? — больше для проформы спросил Хорошилов. Откуда бы ему взяться, хвосту? Он опередил Смагину. — «Медленно работаете, товарищ капитан!»

Пока она, как положено, всё записывала, оформляла протокол, докладывала ему — время шло. Он, конечно, тоже спешить не стал. Посовещался. Доложил начальству. После чего получил ордер на повторный обыск. Тут и рабочий день закончился. Пришлось отложить всё на завтра — квартира опечатана, главный свидетель вряд ли решится «пойти на дело».

— Нет. Я подстраховался — поехал в объезд, покружил немного.

— «Игрушку» подменил?

— Да. Состарил ее немного. Поставил на то же место.

— Молодец! Коробку не трогать. Скоро подъеду.

— Будем ждать.

Но события стали развиваться слишком стремительно, расстроив все планы не только у Хорошилова.

Алла, уставшая, буквально ввалилась в свою квартиру. Влад подхватил ее, обнял, стал помогать снимать пальто и сапоги.

— Влад, как я устала! Ууух!.. Но зато дело сдвинулось. Есть хочу — умираю.

— Сейчас, сейчас я тебя покормлю. Иди переодевайся. Я пока разогрею.

— Надо в душ. Голова тяжелая. Плохо соображаю.

— Ты у меня не заболей.

— Слушаюсь, товарищ... — Алла запнулась, не зная, как назвать Влада, чтобы не обидеть.

— Товарищ повар, друг и помощник в одном лице, — выдал Влад и ушел на кухню.

Алла опустила на диван, но тут же поднялась — если сразу не переоденется и не

примет душ, растянется на диване и не встанет.

Она сняла одежду, накинула халат и поплелась в душ. Теплые струи воды мягко смывали накопившуюся за день усталость. Головная боль отступала. Еще бы поспать часок, а лучше два.

Какую авантюру она сегодня провернула!

Надо же было так наклюкаться вчера.

А если она не права, начальство по головке точно не погладит.

— Товарищ повар, к принятию пищи готова! — Алла с зачесанными назад мокрыми волосами с улыбкой смотрела на Влада.

— К принятию пищи приступить! — Влад, дурачась, поставил перед любимой тарелку с макаронами по-флотски. — Давай салат сооружу. Есть помидоры и огурцы.

— Не надо. Огурец нарежь и хватит. — Алла была благодарна Владу за то, что он не расспрашивал об утреннем «происшествии». Да и что она ему скажет? Служебная тайна. Втянула она его в это дело. — «Вот с кем поведешься, того и наберешься. Еще бы всё получилось».

— Добавки?

— Нет. Мне бы это доесть, положил много.

— Тогда оцените работу повара: если «руки не из того места растут» — поцелуй в щеку, все-таки я старался. Если «могло быть и вкуснее» — поцелуй в губы. Ну, а если «пааальчики облииижешь»... — продолжал шутить Влад, довольный, что они помирились, что всё по-прежнему.

Алла смеялась вместе с Владом и продолжала думать о деле:

«Интересно, Илья выяснил, кому принадлежит машина и личность водителя? Так, завтра обязательно съездить в больницу к Гергардт. Пусть она там еще полежит. Нельзя ей пока возвращаться в квартиру. И чтобы ее сын тоже не приезжал — сообщат ему, когда можно будет. Расспросить ее о корзине. И главное, завтра утром изъятие корзины. Интересно, эти «умники» поставили другую корзину вместо украденной? Илье некогда было проверять. И меня, по-моему, пасут. Приедем, а никакой корзины нет. Прошляпили, или, лучше сказать, «прокорзинили». Так будет видиться начальству. При обыске-то корзина стояла. А был ли мальчик? Алиска так бы и выдала. И ей надо позвонить... Может, придется покупать корзину».

— Всё, Влад, спасибо! Теперь на диван. Там оценю твои кулинарные способности.

Но отдохнуть Алле не пришлось. Сначала позвонил Илья.

— Алла Сергеевна, личность водителя сейчас выясняем, — торопливо заговорил он. — Из того дома, куда неизвестный привез коробку, никто ее не выносил. Я вел наблюдение до позднего вечера, потом уехал... — Илья замялся.

— Что тебя смутило, Илья? — Алла знала его манеру, не говорить о том, в чем сомневается или что показалось.

— Да... Когда отъезжал от этого дома, фарами осветил одну машину. Она только подъехала. Показалось, что номер знакомый. Я медленно поехал, смотрел в зеркала. Мужчина вышел из машины.

— Ну! И кто это? — нетерпеливо спросила Алла.

— Да на нашего нового зама очень смахивал. Хорошилова. Такие дела.

— Он тебя заметил? Он ведь тоже твою машину знает.

— Не знаю. Я его фарами ослепил. Но мог и вслед посмотреть.

— Так, никому ни слова. Если это он и это случайность, то такая случайность бывает один на миллион. В это я не верю. Постарайтесь побыстрее пробить водителя, и всё встанет на свои места. Надо узнать, с кем служил Хорошилов до прихода к нам, найти фото его сослуживцев.

— Понял вас, Алла Сергеевна.

Смагина откинулась на подушку: «Вот черт! Неужели Хорошилов все-таки залез в папку по делу Зубова и Гергардт на ее компьютере?!»

Другого объяснения у нее не было.

Хорошилову пришлось пройти по самой слякоти. Он брезгливо оглядел новые запачканные туфли. Надо же было остановить машину возле лужи! Еще этот водила, когда выезжал со двора, ослепил фарами.

Серый «фольксваген» показался ему знакомым. Он оглянулся вслед уходящей машины и успел разглядеть цифру пять в начале номера.

Пока заходил в лифт и ехал, вспомнил:

«А ведь у Ильи, точно, у Ильи, серый старый «фольксваген». Не заработал еще на новую. — Хорошилов сплюнул и вышел из лифта. — И Смагину я недооценил. Вот сучка! Следила за квартирой и мне ничего не доложила. Интересно, узнал меня Илья или нет? Может, не заметил. Через Игорька все равно найдут».

Он позвонил в дверь. Ему сразу открыли. Хорошилов, раздраженный, с порога начал отчитывать парня со спортивной фигурой.

— Ну что, спалился ты, Игорек! «Все в порядке! Все в порядке!»

— Что случилось? — раздраженно спросил Игорек, не чувствуя за собой вины. — Я сделал всё, как и договаривались.

— Сделал, сделал... — Хорошилов, не снимая туфель, прошел в комнату, сел на стул. — Только еще хвост за собой привел!

Картонная коробка стояла в комнате у окна. Хорошилов поднялся и подошел ближе. Взгляд упал на грязные туфли.

— Игорь, — попросил он уже спокойным тоном топчущегося в дверях Игорька, — тряпку какую-нибудь принеси. Туфли надо протереть.

Но даже и после того, как обтер туфли, не сразу начал открывать коробку. А достал из кармана носовой платок и, накинув его на ручку корзины, вытащил ее на пол.

— Ты посмотри, — обратился к стоящему рядом Игорьку, — старая. Видно, что старая корзина. Не вчера из магазина. Не успела наша пенсионерка подменить или не додумалась. Ну, что скис? Кофе есть в этом доме? Сделай, пожалуйста, и чашку хорошо помой.

Когда Игорек ушел на кухню, Хорошилов поднял корзину ближе к свету, к люстре, пытаясь рассмотреть сквозь прутья, не сверкнет ли что. Хотя понимал, сверкать не должно, тайник все-таки. Попробовал определить вес. Но опять же, кто знает, сколько должна весить корзина, сколько вплетенная в нее драгоценность. С сожалением поставил плетеный раритет обратно в коробку. Ломать, резать корзину нельзя. Тогда точно не отвертеться.

Он не исключал, что сюда с минуты на минуту могут нагрянуть оперативники. Надо было искать выход из создавшегося положения.

Влад тихо смотрел телевизор, стараясь не мешать. А Алла сидела на диване злая, оглушенная новостью:

«И меня уволили из-за этого...! Но всё, всё, спокойно, теперь хотя бы известен второй «кладоискатель», уже легче. А не Хорошилов ли звонил Супонину? Тогда завтра всё и закончится. Нужно написать подробный рапорт. Илья найдет и его сообщника».

Обдумать создавшуюся ситуацию помешал очередной звонок. Звонил не к добру упомянутый Супонин.

— Алла Сергеевна, это Супонин, — встревоженно произнес он.

— Что случилось, Виктор Семенович? Вы дома? — Алла поднялась с дивана и подошла к окну.

— Я дома. Мне позвонили, — волнуясь, начал рассказывать он, — я всё сделал, как мы с вами договаривались. В общем, сегодня в одиннадцать вечера я должен быть с машиной у подъезда. Ну, где живет Гергардт.

— Вы рассказали звонившему, где спрятано сокровище?

— Нет. Как вы сказали, я стал торговаться, говорить, что не хочу быть обманутым. В конце концов звонивший согласился на мои условия: я ему звоню, говорю, что нужно взять, он один идет в квартиру, берет нужную вещь, возвращается, потом мы едем к его ювелиру.

— То, что вы согласились ехать к его ювелиру, не вызвало подозрений? Ведь вас могут убрать по дороге или у ювелира. Если, конечно, существует ювелир. И вы не испугались?

— Алла Сергеевна, я уверил его, что у меня есть чем подстраховаться и не надо делать глупости.

— Хорошо. В любом случае дело сделано. Виктор Семенович, мы будем рядом. Будем держать ситуацию под контролем. Не волнуйтесь.

— Я вам доверяю, Алла Сергеевна, — искренне произнес Супонин и отключился.

Алла посмотрела на время — до одиннадцати оставалось три часа. Надо сообщить начальству и спланировать операцию.

Она начала одеваться, одновременно прикидывая варианты развития событий:

«Неужели это Хорошилов ведет двойную игру? С нами и с Супониным. А что ему остается? Забавно. Сейчас мне нужно ему как непосредственному начальнику звонить и докладывать о звонке Супонина. Понятно, что никто не придет к подъезду, если подельник Хорошилова уже забрал корзину. Быстрее бы Илья выяснил, кто побывал в квартире».

— Влад, я в ОВД.

— Да понял я уже, — с сожалением отозвался Влад.

— Вот и хорошо. Дверь не открывать, в квартиру никого не впускать. Я серьезно. Всё, целую.

Алла села в машину, успокоилась и позвонила Хорошилову. Она рассказала о звонке Супонина и что едет в ОВД.

Хорошилов выслушал спокойно и ответил, что сейчас тоже подъедет.

На оперативке решили взять дом в кольцо. Фиксировать всех входящих и выходящих из подъезда. Брать преступника в квартире или при выходе из квартиры, когда будет нести корзину.

При обсуждении Алла настороженно, внимательно посматривала на Хорошилова — вдруг выдаст себя. Он же, в свою очередь, бросал неприязненные взгляды на Аллу и ухмылялся.

В десять вечера все были на месте. Без пятнадцати одиннадцать подъехал на машине Супонин и встал рядом с подъездом. Ровно в одиннадцать он получил СМС-ку:

«Я у дома, минут через пять-семь буду заходить в подъезд. Где искать?»

Супонин тоже ответил СМС-кой:

«Нужно найти старую корзину. В ней должен быть тайник».

Потом включил и тут же выключил дворники. Это был сигнал оперативникам.

Но ни через пять, ни через десять, ни через двадцать минут никто не вошел в подъезд. Мимо, в соседний, пробежала парочка, и всё. Когда прошло тридцать минут, решили подняться в квартиру.

Алла осталась в машине, наблюдать за домом и подъездом. Уж она-то не сомневалась, что никто не придет и всё это цирк.

Ее захлестывали эмоции:

«Корзина у Хорошилова, и теперь он всех дурачит! Но... кто убил Зубова? Супонин. Кто еще? А теперь выслуживается, когда жареным запахло. Надо нажать на него».

Оперативники вернулись ни с чем. Когда они зашли в квартиру к Гергардт, на полу в комнате, возле шифоньера, лежала изломанная корзина. Криминалисты остались, чтобы найти хоть какие-то следы, а оперативники разъехались.

Возвратившись домой, Алла долго ходила по кухне, стараясь не шуметь и не разбудить Влада, усмехалась:

«Надо же, Хорошилов даже подставную корзину попортил, чтобы создать иллюзию, что в квартире кто-то был, а мы, я в том числе, якобы упустили преступника!»

Потом она села писать рапорт.

Завтра на планерке будет горячо. А кто-то просто спалится.

Утром капитан Хорошилов положил на стол начальника оперотдела Грибова рапорт. В нем он подробно описал все проведенные следственные мероприятия по делу Гергардт, похвалил правильные действия капитана Смагиной, но и указал — в отдельных случаях — на ее нерасторопность и желание «перетянуть одеяло на себя». Именно поэтому ему пришлось взять инициативу в свои руки и вывезти корзину в безопасное место, подменив ее другой. Сейчас корзина находится в его кабинете, под замком. Не сообщил об этом раньше, чтобы не спугнуть преступника и чтобы капитан Смагина не наломала дров, а еще потому, что он заметил за собой слезку.

Петр Алексеевич Грибов перечитал рапорт еще раз, задумался. Хорошилов ему не нравился, да и работает всего ничего. И кто за ним, и что за ним — непонятно. Смагиной он доверял. Интересно, что скажет она. Нашла коса на камень. Такое бывает. И, как правило, мешает делу. Грибов попросил секретаря разыскать капитана Смагину и пригласить к нему в кабинет.

В это время Алла Сергеевна сама торопливо поднималась по лестнице на второй этаж. Илья уже доложил ей, что молодой человек, который выносил корзину, Игорь Пыжов, работал одно время с Хорошиловым. Что и следовало доказать. В руке она держала папку с рапортом.

— Товарищ полковник...

— Входите, Алла Сергеевна, садитесь. — Сердитые нотки в голосе начальства не предвещали ничего хорошего. — Ознакомьтесь с рапортом капитана Хорошилова. — Грибов протянул ей листок, а сам подошел к окну, подождал, пока она прочитает. — Ну, что скажете?

Алла поняла, что проиграла. Хорошилов вывернулся и теперь топит ее.

— Я тоже написала рапорт, товарищ полковник.

— Не сомневаюсь! — Грибов сел напротив Аллы. Он хорошо знал свою подчиненную и ее умение быстро соображать и реагировать на события. — И даже догадываюсь, что там написано. Оставьте на столе.

— Петр Алексеевич, я не доверяю капитану Хорошилову.

— И поэтому корзина, скорее всего, стоит у тебя на балконе. — Грибов усмехнулся и добавил: — Геройствуешь! На живца поработать хочешь?!

— Я...

— Ты думаешь, мне он нравится. Если дело сорвется, он в рапорте то же и напишет: не доверял, решил проверить, обнаружил... — Грибов встал, прошелся по кабинету и сел за стол. — Корзину сегодня же, незаметно, лучше, если это сделаешь не ты, привезешь по этому адресу. — Он написал адрес и передал Смагиной. — Там эксперты разберутся. Если есть тайник, вскрыют, опишут, нет, и не надо. Тебе дадут другую корзину с тайником. Разумеется, драгоценности будут фальшивые. Ее и поставишь на балкон.

— Есть, товарищ полковник, — отчеканила ошарашенная Алла.

— И без лишней инициативы. Обо всем докладывать мне. Камеры наблюдения тебе тоже поставят. Я не могу пока обращаться в службу безопасности. У меня нет веских доказательств, что Хорошилов действительно хотел украсть драгоценности. Если он не дурак, а он не дурак, то навряд ли второй раз полезет...

Грибов не успел договорить, раздался звонок секретарши.

— Петр Алексеевич, будете присутствовать при вскрытии корзины?

— Сейчас подойду. Пусть без меня начинают, — и подмигнул, обращаясь уже к Алле:

— Надо посмотреть, не каждый день находим сокровища.

Когда они вошли в лабораторию к криминалистам, то застали там не только экспертов. Вокруг стола, где лежала повернутая набок корзина, собрались чуть ли не все оперативники во главе с капитаном Хорошиловым. И выражение лица у всех было почти одинаковым: смесь нетерпения и детского любопытства. На лице Хорошилова читалось еще и торжество победителя.

Все сдвинулись, пропуская начальство к столу.

Эксперты аккуратно разрезали корзину, по прутикам раскрывая ее. Начали с наиболее вероятного места для тайника — с днища. Но здесь их ждала неудача.

Посыпались подсказки:

— Да в боковую стенку вплели...

— А может, в ручку...

— Края какие толстые, наверняка там...

Но ни в ручке, ни в стенках тайника не обнаружили. Все, разочарованные, отступили от стола.

— Через пять минут — ко мне на планерку, — спокойно произнес полковник Грибов и первым вышел из лаборатории.

На планерке, как и предполагала Алла, плавился даже воздух.

— Это что! Скоро весь ОВД над нами смеяться будет! Корзинопотрошители хреновы! — Грибов сделал паузу и продолжил, посмотрев на Хорошилова: — Капитан Хорошилов с капитаном Смагиной вообще в казаки-разбойники заигрались! Может, давно сгнула эта корзина. Может, и не было никакой корзины. А вот кто напал на Гергардт, кто убил Зубова, мы не знаем! Операцию вчера провалили! Так и топчемся больше двух месяцев на одном месте! — Грибов выдохнул и обратился непосредственно к Алле: — Капитан Смагина! У вас, по-моему, отпуск закончился. Может, если не справляетесь, передать дело? Вы, если я не ошибаюсь, начинали инспектором по делам несовершеннолетних. Я думаю, ваш опыт пригодится.

Алла встала. Она понимала, что полковник ей подыгрывает, что эта часть планерки — спектакль и он предназначен Хорошилову, но всё равно ей сделалось не по себе.

— Товарищ полковник! Я... я раскрою это дело!

— Хотелось бы верить. К завтрашнему дню план мероприятий мне на стол. Все свободны.

Алла быстро шла по коридору ОВД. Ее душила обида: «Ну зачем так? При всех...» Потом она резко развернулась и направилась в кабинет к Хорошилову, свой бывший кабинет.

— Разрешите, Антон Валерьевич?

— Конечно, входите, садитесь. — Хорошилов удивленно смотрел на Смагину.

— Антон Валерьевич, можете вы мне прямо ответить на один вопрос?

— Постараюсь, — усмехнулся Хорошилов, не понимая, куда она клонит.

— Ваш подручный... Игорь, так, кажется, его зовут, вчера утром поставил на шифоньер целую корзину или разрезал ее и оставил на полу?

— Целую! — принял вызов Хорошилов. — Но и вы, пожалуйста, ответьте на мой вопрос: корзина у вас?

— Нет! — Алла в упор смотрела на Хорошилова, но ее голос всё же дрогнул, и это не ускользнуло от капитана.

— Тогда где корзина? Супонин ведет двойную игру? — спросил уже спокойнее Хорошилов.

— Не думаю. Он, конечно, жук еще тот, но не герой.

— Сын потерпевшей?

— Если только случайно. Но за ним присматривают.

— Значит, есть кто-то еще. И этот «еще» вчера нас «натянул».

— Но, возможно, он свяжется с Супониным, — предположила Алла.

— В этом направлении и будем работать. И еще раз пройдемся по самому Супонину и его гостям. Думается мне, что наш «еще» среди них и он взорвал машину Зубова и потом звонил самому Супонину. Вот и наметили план мероприятий. Спасибо за откровенность, Алла Сергеевна.

— И вам... спасибо. — Алла хотела сказать «не хворать», но передумала — не время.

Дома, когда Алла готовила обед, позвонила Алиса.

— Привет, подруга! Что там у вас: голубки вместе и воркуют?

— Привет! — обрадовалась Алла. — Воркуют, воркуют!

— А я думаю, не звонишь — счастье требует тишины!

— Счастье всего требует, — засмеялась Алла. — Слушай, а ты можешь приехать? Сейчас. И пообедаем, и дело одно сделаем.

— Вот «пообедаем» меня не очень прельщает, фигура, знаете ли, а де-е-ело... Что, снова «проникновение в жилище» намечается?

— Нет. Так, отвезти кое-что нужно.

— Хорошо, — притворно вздохнула Алиса, — а я уж подумала, постреляем немного.

— Глазками — всегда, — парировала, смеясь, Алла. — Всё. Жду.

Алиса появилась через час.

— Чего так долго? — с порога спросила Алла.

— А, клиентка одна заглянула, без записи. Не выпроваживать же. — Алиса разделась и прошла в комнату. — У меня еще одна записана на шесть вечера. Мы успеем «кое-что» отвезти? Далеко ехать? А у тебя, что, машина сломалась?

— Да нет. Так... масло вроде потекло.

— А-а-а... — недоверчиво протянула Алиса. — Ну, тогда по кофе и поехали.

— Алис, давай ты сама. А я пока соберусь.

— Вот и приехала навестить подругу!

— Давай, давай!

Алиса ушла на кухню, а Алла стала переодеваться, потом открыла балкон и внесла в комнату корзину.

— О-о! — удивилась Алиса, стоя с чашкой кофе у дверей в комнату. — Где это ты откопала такую пещерную древность?

— Да это родительская, — начала сочинять Алла, — а скорее всего, бабушкина. Я же осенью дачу продала. Прихватила с собой. Сама не знаю зачем. А вещи как привезла, так и

не разбирала, поставила на балконе.

— А теперь, значит, разбираешь. Руки дошли.

— Алиска, да хватит тебе допрашивать. Допивай кофе и поедем. Сейчас еще покрывало старое найду, прикрою ее.

— Так она у меня, наверное, в багажник не войдет. Я же не знала, что готовится операция «Путешествие большой корзины».

— Положим на заднее сиденье, — терпеливо «отбивалась» Алла.

— Да кому понадобилась эта рухлядь? — не унималась Алиса.

— Коллекционеру одному. Смотри, она даже закрывается: с одной стороны крышечка и с другой. — Алла продемонстрировала, как открывается и закрывается корзина, затем обмотала ее старым покрывалом. — Ну всё, мы готовы. Поехали.

Вечером, после ужина, Алла пыталась Влада. Ей нужно было понять, за какую ниточку можно еще ухватиться, чтобы раскрыть дело.

— Влад, представь, что тебе надо проникнуть в квартиру, взять ценную вещь и уйти незамеченным. При этом ты должен действовать наверняка: возможно тебя ждет засада, дом окружен, в подъезде оперативники.

— Дополнительные условия есть? — стал важничать Влад.

— Есть. Тебе сообщают, что нужно взять в квартире, только перед проникновением в квартиру и ждут возле подъезда. При этом по факту — никто не входил и не выходил из подъезда.

— Хм... Надо подумать. А нельзя узнать необходимую информацию, а прийти на следующий день?

— Нет. Рискованно. Если пасут оперативники, они эту вещь не оставят.

— Так они, может, и так ее уже подменили?

— Может. А может, и нет никаких засад, а надо кинуть соучастника. То есть в любом случае надо лезть в квартиру и как-то незаметно уйти.

— Я могу прийти раньше и находиться в квартире.

— А как ты выйдешь незамеченным?

— Где-то спрятаться: в квартире, подняться наверх, в лифте «застрять»...

— В квартире очень рискованно — работают оперативники, эксперты. Ну не в туалете же он сидел, а еще смешнее — в шкафу, рядом с которым работали криминалисты, — раздраженно объяснила Алла, потом, взглянув на Влада, поцеловала его в щеку и продолжила: — Наверху стоит оперативник и лифт работает. И все-таки как-то он вышел.

— Ну, не знаю. Может, на лоджии затаился. Есть там лоджия?

— Есть... Ты гений, Владик! — Алла подскочила с дивана и стала ходить по комнате. — Да неважно, где он прятался. Главное, что он выходил. А кто это может зафиксировать?

— Видеокамеры.

— Да, но это обычный дом, нет там никаких видеокамер, магазины рядом не наблюдаются. Хотя и это надо проверить.

— И что остается?

— Машины, которые стоят во дворе до утра. Вот сразу понятно, что ты не водишь машину. Видеорегистратор!

— Да утром сколько народу из подъезда выходит! — попытался Влад охладить пыл

своей собеседницы.

— Будем проверять. Так, сколько времени? Звоним Илье. Чтобы завтра утром мы уже отсматривали материал.

Глава 24. Деревня Вешки, июнь 1974 года

По пыльной деревенской улице шло стадо коров. Уставшие, с полным выменем, коровы то брели, норовя еще ухватить травы, то бежали, подгоняемые пастухом.

Настя сидела за столом — только поужинали — смотрела в окно, как идет стадо, потом перевела взгляд на Сашку. Та вертелась возле зеркала, меняла кофточки, явно собираясь в клуб. Настя расстроилась: придет за полночь, а у нее экзамены — восьмой класс, выпускной.

— Саш, я сегодня посмотрела, а ты одну грядку начала полоть и бросила. И еще две зарастают, — издалека начала Настя.

— Да мам, прополю я всё.

— Ты опять придешь поздно, а утром тебе спать хочется. А в обед жарко, тяжело на солнце полоть.

— Ага, а вечером комары, — засмеялась Сашка и повернулась к матери: — Посмотри, какую мне блузку надеть с этой юбкой, розовую или вот эту беленькую, а может, лучше платье. То, которое ты мне на Восьмое марта купила. Как я про него забыла! — Сашка побежала в свою комнату к шифоньеру.

— Саша, ведь еще экзамены не закончились, — не сдавалась Настя.

— Мам, ну что ты меня пилишь?! Сдам я все экзамены. Всего-то два осталось. — Сашка вертелась перед зеркалом теперь в платье. — Да знаю я, чего ты переживаешь. Уже насплетничали. Ну прокатилась с Витькой Самохиным на мотоцикле. И что?

Настя вздохнула.

«Да так-то оно и ничего. Так-то и у всех — первая любовь. Вон как Сашка светится», — Настя снова вздохнула:

— Старею я, Саша.

— Ну опять за своё, мам! — Сашка подбежала к матери, обняла ее. — Да ты у меня такая молодая! Еще внуков будешь нянчить.

Настя встрепенулась, убрала дочкины руки со своих плеч.

— Каких внуков? — испуганно спросила она.

— Ой, да когда я вырасту! Хотя я и так не маленькая. Когда техникум закончу, когда замуж выйду... Посмотри, как я в этом платье. — Сашка начала кружиться по комнате и петь: — Как прекрасен этот мир, посмотри-и... — затем пристально поглядела на мать и серьезно сказала: — Раз я говорю, что моих внуков будешь нянчить, значит, так и будет. Я никогда не обманываю. Я знаю. — Она снова стала кружиться возле зеркала. — Я вот Иришке сказала, что она четверку по химии получит, так оно и вышло. Хотя она ее знает еле на тройку.

— Ох, Сашенька, да хорошо бы внуков понянчить!.. Но ты поосторожнее, с предсказаниями-то. И так уж... Еще в ведьмы запишут.

— Да что тут такого?!

Настя услышала звук подъехавшего мотоцикла, выглянула в окно.

— Сашка, вон кавалер уже приехал.

— Подождет. Мам, а где моя заколка? Ну... белая! — засуетилась Сашка.

— Да не видала я. — Настя тоже стала суетиться и искать заколку. — Под зеркалом нет. Может, я ее в корзину прибрала. Посмотри на печке.

— Да что у нас эта громадина всё на печке стоит! Надо купить деревянную резную

шкатулку. Как у бабы Нюры была. Помнишь?.. — Сашка еще раз оглядела себя в зеркале. — Я пошла, ма!

Она выбежала из дома, и Настя видела в окно, как дочка разговаривает с Витьком, потом садится сзади на мотоцикл, прижимается к его спине.

Настя вздохнула и стала убирать со стола, потом принесла чайник с горячей водой и тазик для мытья посуды. Начала мыть: сначала стаканы, затем ложки, тарелки, тарелки жирные. Поменяла воду. Ополоснула посуду в том же порядке. Взяла полотенце, чтобы всё протереть.

Руки привычно работали, а голову теснили думы и думки, воспоминания переходили с одного на другое:

«Вот и выросла Сашка. Вырастила. Еще года два-три, и своя семья у нее будет. Ишь ты, корзину выбросить! А память? Мы-то уйдем, а вещи останутся. Ее, может, плели почти век назад. Сколько людей брали эту корзину: мать Николая, сам Николай, я еще по грибы ходила, Василек всё пытался в сарай унести, я не дала, оставила на печке, да и Сашка маленькая сама играла с ней. Как приехали мы из Чехова, она освоилась в доме и давай эту корзину таскать. Кукол туда садила. А я не давала — растеребит, сломает корзину. Постарше стала, так норовила что-то разглядеть в ней. Купить надо шкатулку Сашке. Завтра схожу в магазин, спрошу у Васильевны. Нюра со своей шкатулкой переехала в город к дочке. Внуков нянчит. Всё дом не может продать. И то, Катюха у нее выучилась на врача. Молодец! Квартиру получила. Скучно без соседки. Может, приедет. Нынче еще не была. Посидим. Надо к Бондарихе на могилку сходить. Сколько времени-то прошло? Кажись, пять лет в этом году будет как померла. Нет могилки ни мужа Николая — так и пропал в лагерях, ни сына Василька — где похоронен, неизвестно. Уедет Сашка, опять одна буду... А куриц-то я закрыла? Вот голова дырявая!»

Настя вышла во двор, проверила куриц, постояла возле ограды. Прохладно. Темнеет. На соседней улице собака залаяла. Трактор проехал. Сашка-то теперь только за полночь придет.

Зашла в дом, разобрала, не зажигая света, свою кровать. Легла. Не заметила, как задремала.

Проснулась от стука двери, звякнул крючок. Послышались осторожные шаги. Сашка из клуба вернулась. Чего-то носом шмыгает. Плачет, что ли? Настя подхватила, приподнялась на кровати.

— Саша!

— Да я это, мам, спи, — стараясь сдержать слезы, ответила Сашка.

— Чего реवेशь? Обидел кто? — в голосе Насти слышались и тревога, и твердость в случае чего защитить дочь.

— Да никто меня не обидел!.. — Сашка всё же не удержалась, разревелась и убежала в свою комнату.

Настя помедлила, потом встала, накинула халат и пошла в комнату дочери.

Сашка лежала на кровати и плакала навзрыд. Настя села рядом, погладила дочь по спине, по волосам. Помолчала, выждала, пока та немного успокоится, и заговорила, стараясь отвлечь:

— А какое кино сегодня в клубе крутили?

— «Анискин и Фантомас».

— И что, интересный фильм?

— Фильм как фильм. — Сашка снова всхлипнула.

Настя вздохнула, но ничего не сказала.

Сашка сама повернулась на спину и стала с обидой в голосе рассказывать:

— После кино танцы начались. И когда медленный танец объявили, к Витьке эта городская подскочила.

— Это чья?

— Да к Сойкиным приехала.

— Это к каким Сойкиным?

— Ну, возле клуба они живут.

— Не помню. — Настя сделала вид, что не помнит.

— Там через дом баба Клава еще живет.

— А-а...

— Теть Лида, их старшая, давно в город уехала. Так ее дочка и прикатила погостить на каникулы. — Сашка опять всхлипнула.

— А, вспомнила! Сын-то тоже уезжал, потом вернулся, — Настя пыталась отвлечь дочку на «детали».

— Мам, а Витька с этой городской из клуба ушел.

— А ты видала?

— Нет. Девчонки сказали.

— Девчонки!.. Девчонки наговорят. А ты сама с кем танцевала?

— А я с Мишкой Быстрыкиным. Ему можно, а мне...

— Ну вот. Он, Витька твой, поди, заревновал, а сейчас тоже «плачет в подушку»?

Сашка представила плачущего Витьку и рассмеялась.

— Ну скажешь, мам!

— Завтра и разберетесь, кто виноват. А сейчас давай спать укладываться. Хочешь, завтра вареников постряпает? Твоих любимых — с картошкой и луком.

— Хочууу, — благодарно протянула Сашка.

Настя оставила успокоившуюся дочь и вернулась в комнату. Она слышала, как Сашка разделась, легла, поворочалась немного, повздыхала и уснула. Сама Настя долго не могла заснуть, снова думала, вспоминала.

Сашенька, как только приехали в Вешки, сначала еще просилась к маме, помнила ее, потом Настю начала мамой называть. Настя и не поправляла: раз ребенку так хочется, то и пусть.

А зимой, в начале декабря, пришла телеграмма — умерла мать Саши.

Настя не поехала: морозы стояли, чего ребенка мотать, да и не поймет она ничего, маленькая, испугается только. И денег на дорогу надо.

Но была и еще одна причина. Боялась Настя, вдруг узнают, что никакая она не родственница, и отберут Сашеньку. Или настоящие родственники объявятся... Может, и нехорошо это, но так они и не поехали.

И с Сашкой серьезно не поговорила. Всё думала рано. Вот вырастет, тогда ей всё и расскажет. Остались ведь и фотографии, и письма.

«Надо бы рассказать. Помру ведь, и некому будет. А тут любовь у девчонки. Надо бы все-таки поговорить. Вот экзамены сдаст. А то уедет потом учиться. Вот выбрала же профессию — геолог. Какой из девчонки геолог?! Так ведь и слушать ничего не хочет. И зачем это ей — камни собирать, по горам лазить. Не дай бог заблудится где или еще чего случится. — Настя услышала крики первых петухов. Вздохнула. — Скоро светать начнет.

Ночи в июне самые короткие».

Оперативникам повезло: они нашли машину, хозяин которой не выключил видеореги­стратор, и тот работал до утра.

Алла с Ильей уже больше часа прокручивали запись, то и дело останавливая ее, чтобы сделать крупный план и лучше рассмотреть выходящих из подъезда.

Ничего особенного в то утро не происходило. Люди шли на работу, по своим делам. С детьми, с собаками. Никого, кто мог бы вызвать подозрение. Проверять всех на предмет прописки? И тех, кто был в гостях?

— Илья, отмотай назад, еще раз посмотрим, — без энтузиазма попросила Алла.

Илья молча повиновался, но потом все же не выдержал:

— Алла Сергеевна, может, он на чердаке где прятался, а потом вышел, и не утром.

— Может, может, Илья. Все может быть, — задумчиво произнесла Алла и тут же встрепенулась: — А ну-ка, останови. Да-да. Вот этот, долговязый, с мусорным ведром. Кого-то он мне напоминает. Жаль, лицо не разглядеть. Воротник поднял, шапка на глазах, от ветра отворачивается.

— И в тапочках вышел. Не побоялся, что ноги замерзнут, — усмехнулся Илья.

— Вот-вот, а воротник поднял. Хотя это ни о чем еще не говорит. Давай дальше, — попросила Алла.

Они просидели у монитора еще час, но безрезультатно. Алла понимала, что придется проверять всех мужчин, которые вышли в то утро из подъезда, а это потеря времени. Преступник может затаиться или вообще укатить далеко. Ищи его потом. Однако ничего другого не оставалось, разве что он снова проявит себя, позвонив Супонину или...

Думать про «или» вообще не хотелось, но и исключать, что Супонину может грозить опасность, тоже нельзя. Наблюдение за Супониным начальство, скорее всего, не одобрит — людей и так мало.

Алла встала, дала отмажку Илье и начала собираться, чтобы ехать по другим делам, но неожиданно застыла с курткой в руках.

— Илья, а этот долговязый обратно в подъезд заходил? Я что-то не помню.

— Вроде нет, — засуетился Илья, снова включая компьютер. — Куда это он в тапочках и с ведром?

— Вот именно! И не мусорное это ведро. Слишком новое. Посмотри! — обратилась Алла к Илье, который успел увеличить изображение на экране.

— Может, кого встретил? В другой подъезд зашел. В гараж к кому-нибудь, — предположил Илья.

— Ага. А может, зашел за угол, вытащил из ведра ботинки, обулся и...

— И вообще — почему с ведром? Сейчас ведра-то не носят. Всё в пакетах, — добавил сомнений Илья.

— Вот именно. Но это тоже еще ни о чем не говорит, — «оправдывала» долговязого Алла.

— От любовницы сбежал? — хмыкнул Илья.

— Вот и вернем его, — подхватила шутку Алла и уже серьезно добавила: — Так, Илья, фото увеличь, распечатай. Проверь, проживает ли такой в этом подъезде, да и вообще в этом доме. Обойди квартиры, выясни, кто видел «товарища», кто что знает. И еще: может, кто

находил новое ведро. Я сейчас к потерпевшей в больницу. Надо расспросить ее о корзине. А то, наверное, она давно знает о сокровищах, а мы тут бегаем, — усмехнулась повеселевшая Алла, застегивая куртку. — И все-таки этот долговязый кого-то мне напоминает. Вспомню — скажу. Ну всё, на связи.

Алла подъехала к больнице как раз к вечернему приему посетителей. В больничном фойе было шумно и суетливо: пациенты и посетители стояли, сидели, ели, разговаривали, выясняли что-то между собой.

Алла узнала, что Гергардт перевели из реанимации в общую палату. Что ж, хорошо, что ее подопечная идет на поправку, но разговаривать в палате при посторонних неудобно. «Встает ли Александра Васильевна? Напроситься в кабинет к врачу? — думала Алла поднимаясь на второй этаж. — Интересно, сын ее навещал? Надо бы с ним поговорить». По дороге она купила фруктов, молочку и так, по мелочи. Родни у потерпевшей, кроме непутевого сына, нет, ходить особо некому, поэтому всё пригодится.

В палате, кроме Гергардт, лежали еще три женщины. И выходить не собирались. Пришлось позвонить лечащему врачу. Хорошо, Александра Васильевна уже поправилась настолько, что могла вставать и ходить.

Она обрадовалась и растрогалась, увидев Аллу и большой пакет с продуктами.

— Алла Сергеевна, да куда столько? — смущалась довольная Александра Васильевна. — Спасибо вам!

— Что, сын не приходил? — спросила Алла и тут же пожалела о сказанном.

Гергардт сжалась, как будто уменьшилась в размерах, на глазах появились слезы.

— Нет, — выдавила она, а когда продукты переключали в холодильник и они с Аллой под любопытные взгляды соседок по палате отправились в кабинет врача, попросила: — Вы бы узнали о моем внучке Сашеньке. Звоню, они то трубку не берут, то занято. Вчера сын со мной разговаривает, а я чувствую, что нетрезвый он, язык заплетается...

— Александра Васильевна, не волнуйтесь, я всё узнаю, — начала успокаивать Алла и тут же перевела разговор на другое: — К сожалению, не могу пока ничем обрадовать вас и по поводу розыска вашей дочери, но следствие продолжается. А вот почему преступник проник в вашу квартиру и что хотел забрать, мы выяснили.

Алла сделала паузу, наблюдая за Гергардт. В глазах потерпевшей появилось любопытство.

— У вас в квартире, на шифоньере, стоит... стояла корзина. Помните?

— Конечно, — удивленно произнесла Александра Васильевна. — Корзина от мамы осталась. Она всё ее берегла. Знаете, как память о своем прошлом. Я, когда маленькая была, всё норовила поиграть с этой корзиной, кукол в ней потаскать. Ну, ребенок... Теперь вот у меня стоит. Тоже как память о маме. Да кому она могла понадобиться, корзина?

— А вы ничего такого не замечали... — подбирала слова Алла, не зная, как лучше спросить, — необычного. Может, кто хотел забрать корзину? Просил продать?

— У меня никто не спрашивал про корзину.

«Ну да, у тебя ее без спроса хотели забрать. Хорошо, что живая осталась, — подумала Алла. — Выходит, она не в курсе».

— А знаете, я, когда подросла, всё мне казалось, что светится эта корзина. Маме скажу, а она смеется: говорит, чего ты, Сашка, удумала, не может корзина светиться.

— И каким цветом светилась? — тут же задала вопрос ошарашенная Алла.

— Да не помню я. Столько лет прошло. Кажется, зеленым...

Дверь распахнулась, и в кабинет, не успев «притормозить», буквально ворвался молодой врач, в белом халате, высокий, резкий в движениях.

— Ой, простите! А где Егор Андреевич? Я думал...

— Егор Андреевич любезно предоставил нам кабинет, — поспешила прояснить ситуацию Алла Сергеевна. — Мы скоро закончим.

Молодой человек быстро развернулся и пошел к двери. Алла смотрела ему в спину. Он немного сутулился, размахивал руками. И она вспомнила — вспомнила, на кого похож «долговязый».

«Но нет, не может быть! Хотя всё сходится. Пазл сложился! Но!.. — Теперь Алла, как полчаса назад Гергард, съезжилась. — Но... как же Алиска? Неужели?..»

Александра Васильевна, не понимая, что произошло со следовательницей, спросила:

— Что случилось? Вам плохо? На вас лица нет!

— Всё нормально, — опомнилась Алла. — Давайте мы закончим на сегодня. Вы долечивайтесь, звоните, если что вспомните и вообще, если что-то нужно будет. А с вашим сыном я поговорю, и за внуком присмотрим. Вы сама дойдете до палаты? Вас проводить?

— Дойду. По стеночке, потихоньку. Не беспокойтесь. И... у вас всё получится, я знаю.

— Да уж... Но всё равно — спасибо!

Алла быстро, иногда перескакивая через одну ступеньку, спустилась в фойе, вышла из больницы и таким же быстрым шагом направилась к машине. Она ничего не замечала вокруг. В голове билась одна мысль:

«Как же так? Не может быть! Алиска, ее Алиска, и Павел — преступники?!»

Завела машину, проехала метров двести и остановилась. Она не могла вести машину. Нужно было посидеть, отбросить все эмоции. Успокоиться и принять решение. Ей не было так больно, даже когда расставалась с мужем, с Олегом. А если она ошиблась? Но факты — вещь упрямая.

«Павел Лытников — служил в десантных войсках. Правда, по причине здоровья не весь срок службы. Но вполне мог знать подрывное дело. Это первое. Второе — он выходил на улицу в разгар вечеринки у Супониных. За бутылкой вина. И у него было время заложить взрывчатку в машину Зубова. Откуда он узнал о сокровище и Гергард? От Алисы. Она, прячась в кабинете Супонина, услышала больше, чем рассказала мне. И вообще она была в центре всех событий: и у Супониных, и со мной. Это третье. Зачем мне всё рассказала? Отвести от себя подозрение. Так всё рассчитать, так сыграть! Нет. Нет! Неужели я настолько не разбираюсь в людях. Деньги срочно понадобились? Павел уговорил? Угрожал? — Алла пыталась всё расставить по полочкам и не могла. — Ну, у меня бы попросила денег. Знала же, что я дом родительский продала. Что у них — кредиты, долги? А может, Павел игроман? Алиска бы заметила, сказала. Нет, теперь я уже не знаю, что бы она сказала. Но дойти до убийства! — Надо было действовать, звонить, задерживать, но Алла Сергеевна по-прежнему сидела в машине. — Стоп! Мы же с Алиской вместе увозили корзину. Или она тогда еще не знала... Да не может Алиска так играть! У нее же что в голове, то и на языке. Она у меня в детстве на коленках сидела, маленькая... Но откуда, откуда, как Павел узнал обо всем? Так, всё, хватит гадать. Разберемся». — Алла завела машину и поехала домой, стараясь не отвлекаться и следить за дорогой.

«Сейчас приеду, приму душ, выпью кофе и начну действовать. Как бы тяжело не было. И потом, нужны доказательства. Надо сделать так, чтобы Алиска призналась во всем,

согласилась сотрудничать. Ей зачтется — срок скостят. Пристроить потом ее поближе. Да хоть в Новое Гришино. Надо узнать, кто в этой женской колонии начальником. Господи, о чем я думаю! Алиска, что ты наделала!»

На улице стемнело, да к тому же пошел снег. Мелкий, колючий, прилипчивый. Такой, который быстро залепляет лобовое стекло. Алла не сразу заметила, что впереди идущая машина начала резко тормозить. Она тоже нажала на тормоз, буквально вдавливая педаль в пол, но слишком поздно. Расстояние между машинами неумолимо сокращалось. Избежать столкновения не удалось. Послышался удар, звон разбитой фары. Аллу бросило вперед и тут же кинуло назад. Хорошо, что не сильно.

Она, злая, расстегнула ремень безопасности:

«Этого только не хватало! До кучи! Именно сейчас!» — вышла из машины.

Потерпевший — хотя это надо еще разобраться, кто потерпевший, — спешил осмотреть «свою ласточку» и, конечно, «выразить восторг виновнику торжества». Но, встретившись взглядом с Аллой, сразу передумал «качать права». Решили все быстро и полюбовно. Благо машины застрахованы, а повреждения оказались незначительными.

Домой Алла приехала поздно. Влад сегодня задерживался, и это к лучшему, не надо притворяться, объясняться. Она еще по дороге решила ничего не говорить Владу. Да и вообще пока никому — от дела могут отстранить, а Хорошилов, сволочь, ещё и соучастие пришлет.

Ей очень хотелось уснуть, проснуться, и чтобы всё это оказалось дурным сном.

Алла приняла душ, потом, взбодрившаяся, ринулась на кухню.

Во время стресса у кого-то пропадает аппетит, а у кого-то, наоборот, становится неумным. Алла относилась ко второму типу. Она открыла холодильник и начала метать почти всё, что там было, на стол. Грела котлеты, делала салат, открывала банку с зеленым горошком, резала хлеб, по ходу отправляя кусочки еды в рот.

Но «попировать» ей не дали. Зазвонил сотовый. По мелодии Алла поняла, что это Алиска. Она замерла на мгновение и тут же схватила телефон.

— Да, — хриплым голосом произнесла Алла.

— Привет! Скучаешь, подруга? А тут события прыгают без парашюта, — затараторила Алиска, как всегда, в своей манере.

— Без парашюта — это точно, — сдержанно ответила Алла.

— Чего-то голос у тебя нерадостный. А надо радоваться... — Алиса сделала театральную паузу и возбужденно продолжила: — Мне сейчас позвонили с телевидения. Представляешь! Из программы «Жди меня»! Алла, они нашли, нашли дочь Гергард!

— Гергардт, — машинально поправила Алла, не чувствуя пока особой радости.

— Да ты что, не рада?! Почти двадцать лет прошло, а она нашлась! Ну, телевизионщики, понятно, интригу держат. Им же надо передачу делать. И меня пригласили. И, оказывается, кто-то там разыскивал твою Гергардт, — продолжала делиться новостями Алиса. — А твою потерпевшую выписали из больницы? А то как же они встретятся? И подготовить ее надо.

— Алис, да я тоже рада. Такое не часто бывает. Гергардт еще в больнице, но ее жизни уже ничего не угрожает. Ты мне телефон скинь того, кто тебе звонил, — уже спокойнее ответила Алла, она приняла решение. — И... ты сможешь завтра подъехать ко мне на работу. Надо посмотреть запись. Может, ты узнаешь кого-то из гостей Супониных. Тех, кто был на той вечеринке.

— Да не вопрос, — с обидой в голосе, что к ее новости отнеслись с прохладцей, сказала

Алиса. — В десять нормально?

— В самый раз. И вот еще что — никому ничего не рассказывай. И про Гергард, и про то, что тебя вызвали в полицию. Даже мужу, — последние слова Алла Сергеевна произнесла твердо и строго.

— Есть, товарищ начальник! — начала дурачиться-ехидничать обиженная Алиса. — Исполнять бегом, товарищ начальник?!

— Можно не бегом, но в точности. И еще... — у Аллы перехватило дыхание, — ...знай, я тебя люблю, я с тобой... Всё, целую. До завтра.

— До завтра... — удивленно протянула Алиса.

— И телефон звонивших не забудь! — вдогонку напомнила Алла, но Алиса уже отключилась. Сегодня последнее слово осталось не за ней.

Не успела Алла отойти от разговора с Алисой, не успела понять, правильно ли она поступила и чем ей это грозит в случае провала, как пришел расстроенный и возбужденный Влад.

И сразу начал выпускать пар:

— Нет, ты представляешь, он собрался бросать институт! Осталось учиться полтора года!

— Да кто он? — не сразу поняла Алла.

— Сын, шалопай мой! Дурак! Он, видите ли, влюбился, получил отлуп, и теперь «единственно правильное решение» — с глаз долой, из сердца вон!

Алла еще никогда не видела Влада таким рассерженным. А тот, размахивая руками, продолжал возмущаться:

— Ну с кем не бывает. Еще и не один раз влюбится! А закончить институт надо!

— Пусть переведется в другую группу. Или возьмет академ, — предложила варианты решения проблемы Алла.

— Да ты думаешь, я не говорил?!

— Влад, — вздохнув, как можно мягче, сказала Алла, — пошли ужинать.

Первый день весны, первое марта, а настроение совсем не весеннее. Хорошо хоть, погода не подкачала. Снег перестал сыпать. Солнце залило город.

Алла приехала на работу рано, полночи не спала, обдумывая план предстоящих мероприятий.

«Мероприятий» — звучит-то как миролюбиво, а если добавить словосочетание «культурно-массовых», то даже расслабляющее. Но это совсем другие мероприятия. А тем, которые придумала Алла, предстояло поставить точку в «корзинном деле». И ошибиться было нельзя.

Почти час она просидела у руководства в кабинете. Начальство не то чтобы не одобрило ее план, но и удовольствия не выказало. Всё теперь зависело от нее самой и от Алиски, которая по времени уже должна подъехать к ОВД.

И действительно, минут через десять в дверь кабинета, где расположились Илья и Алла, постучали.

— Можно войти? — Алиса распахнула дверь, быстро осмотрелась, задержав оценивающий взгляд на Илье, поздоровалась. — Так вот где ты обитаешь, подруга! Не скажу, что хоромы, но ничего, уютненько.

При других обстоятельствах Алла, может, и поддержала бы тон Алисы, однако сейчас подруга была подозреваемой. Предстоял ее допрос, а значит, разговор хочешь не хочешь нужно переводить в более официальное русло. Но и настраивать против себя фигуранта дела не следовало. Алла знала взрывной характер Алисы. И даже сначала хотела, чтобы допрос вел Илья, но потом передумала. Слишком многое поставлено на карту.

— Проходи, садись. Надо заполнить протокол. Так полагается. Имя, отчество, фамилия? — Алла мягко поворачивала беседу в деловое русло, при этом посматривая на Илью, мол, мы здесь не одни, я при исполнении.

И Алиса нехотя, но приняла «условия игры».

— Алиса Андреевна Лытникова, девичья фамилия Гилеева, родилась... — спокойно начала она, поглядывая на Аллу.

Когда с протоколом было покончено, Илья включил видео: раннее утро, многоэтажный дом, из подъезда выходят люди.

— Алиса Андреевна, посмотрите внимательно — никого не узнаете? — Алла, просмотревшая видео не один раз, знала, что сейчас из подъезда выйдет Павел или человек, очень похожий на Павла, мужа Алисы.

Алиса «проглотила» обращение по отчеству и ближе придвинулась к монитору.

— Па-а-шка? — удивленно протянула она. — А что он здесь делает? В такой одежде. В тапках... — Удивление быстро прошло, Алиса рассердилась и больше не стеснялась в выражениях.

— Можно было и не так официально, — сказала она, всё больше распаляясь. — И не так публично сказать мне, что мой муж мне изменяет! — воскликнула она, посмотрев в сторону Ильи.

— Гражданка Лытникова, вы подтверждаете, что на видео ваш муж? — приходя на помощь Алле, спросил Илья строгим голосом.

— Алиса, — как можно мягче продолжила Алла, невольно подхватывая игру в «доброего

и злого следователя», — может, узнаешь одежду?

— Эту куртку видела пару раз. В гараже, — ответила Алиса и тут же снова взвилась: — Нет, он еще и мусор выносит! Давно, выходит, обосновался там. А я думаю, чего он в командировки зачастил! — Алиса вскочила со стула. — То у него туман рассеивается, то узелок теряется! — Она со второй попытки достала из сумки телефон с намерением позвонить, но Илья не дал ей этого сделать.

— Гражданка Лытникова, держите себя в руках. Не надо никому звонить. Сядьте! — повысив голос, сказал Илья и уже мягче добавил: — Вам принести воды?

Алла внимательно наблюдала за Алисой. Нет, не могла она так играть, так притворяться. Скорее всего, Алиска ничего не знает. Но как про драгоценности узнал Павел? Нет, она не причастна, если только случайно. Это и предстоит сейчас выяснить.

— Алиса, дело куда серьезнее.

— Он, что, еще и обокрал любовницу? Видимо, вынес все ее драгоценности в мусорном ведре! Или они не поместились? — язвила Алиса. — А может, задушил ее? — без сожаления предположила она, готовая сама в этот момент задушить если не любовницу, то мужа.

— Нам ничего неизвестно про любовниц вашего мужа, — снова строго произнес Илья.

— Да их еще и несколько! За время пути собака могла подрасти!

— Алиса! — вмешалась Алла — пора было прекращать Алисины «восторги» и истерику. — Твой муж, Павел Лытников, подозревается в убийстве человека, в покушении на убийство, в угрозе и запугивании, в незаконном проникновении в жилище, — казенными фразами зачастила Алла, сжимая в руке ручку и не замечая, что та ломается.

— Что?! — Алиса обмякла, недоверчиво посмотрела на Илью, потом перевела взгляд на подругу. — Павел?..

— Алиса... — Алла не договорила — в кабинет без стука вошел капитан Хорошилов.

Он обвел всех присутствующих удивленным взглядом, который говорил об одном — «я что-то важное пропустил?», и раздраженно бросил Илье:

— Трубка у вас не на месте лежит. Зайдите ко мне. Это срочно.

Все детали операции знали только начальник отдела Грибов и Алла. Хорошилова решили ввести в курс дела позже. И вот сейчас Илье, который и сам не всё знает, предстояло выкручиваться. Ну да не в первый раз. Разберется.

Как только Илья вышел, Алла бросилась к Алисе.

— Алиса! Алисочка! Ну что делать? Так вышло. Я с тобой. Всё будет хорошо. Ты только меня слушайся, — говорила Алла, обнимая рыдающую Алису. — Я знаю, ты не виновата. Мы всё переживем. Всё образуется. Сейчас заполним протокол, подпишешь и поедем ко мне. Там всё обсудим спокойно.

Вот уже больше двух часов они сидели на кухне у Аллы. Пили коньяк, причем Алла старалась пропускать, а Алиса, наоборот, налегать. Говорили обо всем. Вспоминали детство, родителей. Прокручивали тот злополучный вечер, когда взорвалась машина Кирилла Зубова. Ругали Павла. Не понимали: чего ему не хватало? Почему всё так вышло и что теперь делать? И вообще, как жить дальше, если все мужики...

— Нет, ну лучше бы у него любовница была, — пьяным голосом говорила Алиса. — Я бы себе тоже завела, и... ты уже не мальчик, юный барабанщик.

— Вот именно, — поддакивала Алла, пытаясь расспросить всё про Павла и понять, что его толкнуло на преступления. Но главное — каким боком замешана в этом Алиса.

Про то, что Алисе предстоит делать дальше, Алла решила рассказать, когда подруга проспится и хоть немного придет в себя. Это была самая важная часть операции. От Алиски, от того, как она себя поведет, зависело многое, если не сказать всё.

— Ты же вроде с Люсиком крутила? — продолжила разговор Алла.

— Ой, Люсик! Так, недоразумение, — хмыкнула Алиса и снова принялась костерить мужа: — И пусть себе «лебедит по прямой». Да знаешь, мы в последнее время отда... отделились. И то... прожили почти шесть лет. А психологи говорят, на седьмой год — кризис. Понимаешь, кризис отношений. Или разбегаемся, или...

— Я со своим Олегом почти пятнадцать лет прожила, Алиса. И что?

— А то, сколько в жопу ни дуй, все равно не взлетишь.

На пороге кухни внезапно появился Влад с букетом цветов. Они и не услышали, как он пришел.

— О-о! Вот и еще один муж нарисовался. Да с цветами. — Алиса встала, чтобы подойти к Владу, но качнулась и плюхнулась обратно на диванчик. — А ты никого не убил?

Влад растерялся, он не ожидал такой встречи.

— А что, надо было кого-то убить?

— Влад, не слушай ее. Видишь, перебрала женщина, — поспешила вмешаться Алла. Она забрала цветы и чмокнула Влада в щеку.

— Нет, почему же? — глядя на Влада стекленеющим взглядом, продолжила Алиса. — Ты мне никогда не нравился, Влад. А знаешь почему?

— Алиса! Прекрати! — начала урезонивать подругу Алла и уже мягче добавила: — Пойдем баиньки. День у нас трудный был...

— Нет, я скажу...

— Не надо ничего говорить. — Алла подхватила сопротивляющуюся Алису и потащила к дивану, уложила, накрыла пледом.

— Влад, не обижайся, — попросила она, вернувшись на кухню. — Сегодня действительно был очень тяжелый день.

— Да я и не обижаюсь, — обиженно произнес Влад.

— Я тебе всё расскажу. Завтра. И... спасибо за цветы.

Алла знала, что в операции, возможно, будет задействован и Влад. Но лучше ему об этом пока не знать, да и вообще лучше использовать оперативника. Хватит того, что она будет подвергать опасности Алису. Но вдруг Павел Лытников узнает или почувствует, что это оперативник. К тому же и Илья, и тем более Миша слишком молоды, чтобы играть роль ее «милого», и слишком давно в отношениях «начальник — подчиненный».

Алла спала чутко. Слышала, как Алиска, чертыхаясь, встала среди ночи, сходила в туалет и ванную, повздыхала и снова заснула.

Внезапно вспомнив еще об одном важном деле, Алла тоже встала и прошла в прихожую. Здесь возле зеркала лежала Алискина сумочка с телефоном.

Так и есть, пропущенный звонок от Павла и СМСка: «Ты где?»

Надо было успокоить мужа.

Алла ответила, стараясь копировать Алискин стиль общения: «Зависла с лучшей подругой. Приеду утром».

И отключила телефон.

Утро выдалось не столь бурным, как предшествующие день и вечер, но тоже напряженным.

Влад уехал на работу не позавтракав. Алла с Алисой сидели на кухне и пили кофе. Алиса, время от времени морщась, держалась за живот, но «присутствия духа» не теряла, что очень радовало Аллу.

— Слушай, ты похожа сейчас на китайского пасечника, — не преминула сообщить подруге «приятную» новость Алиса.

— И ты не далеко уехала из азиатского региона, — парировала Алла.

— Это ж надо было — коньяк закусывать солеными огурцами!

— Самое то, — не нашла, что ответить Алла, и перевела разговор на серьезную тему: — Алис, я ночью ответила Павлу.

— Да видела.

— Понимаешь, у нас мало улик. И надо... — хотела сразу всё выдать Алла, но решила сначала посмотреть на реакцию Алисы, вдруг она даже домой не захочет ехать. — Если ты захочешь, конечно, поучаствовать в операции.

— Ой! Не бросайте меня в терновый куст. И что я должна сделать? Взять его за грудки и дожать коленом?

— Нет. Никаких разборок, а тем более рукоприкладства. Всё и проще, и сложнее. Надо делать вид, что ты ничего не знаешь. А в выходные, через два дня, в субботу, пригласить его ко мне в гости.

— Зачем? Ты же знаешь, он редко куда-то со мной ходит в гости.

— Знаю. Поэтому Павла надо заинтересовать, заинтриговать. Расскажешь ему, как бы между прочим, не в деталях, что я веду интересное дело. Даже тебе пришлось поучаствовать — помочь привезти корзину. Запомни: привезти, а не отвезти, как это мы с тобой делали. И теперь эта корзина стоит у меня на балконе.

— Да уж! Я смотрю, эпопея с большой корзиной не закончилась. А повод какой? С чего это ты нас вдвоем вдруг пригласила?

— Повод — весна, Восьмое марта, смотрины, этакий мальчишник — девичник перед свадьбой.

— Ого! Кому тюрьма, кому свадьба. Нет, я, конечно, тебя поздравляю...

— Правда, Влад об этом еще не знает.

— Короче, всё опять «по плану происшествий», — усмехнулась Алиса.

— По плану, по плану. Лишь бы не сорвался весь этот наш план. — Алла встала, подошла к окну, повернулась к Алисе. — Я тебя могу только просить. Это может быть опасно. Если тебе тяжело, если...

— Ал! Да, мне тяжело. И если честно, я бы не хотела в этом участвовать. Какой бы он ни был, но Павел мой муж и мы прожили шесть лет. И так его... «подставить»...

— Тогда отменяем операцию, — даже с некоторым облегчением в голосе решительно сказала Алла. — Я тебя понимаю и не осуждаю. Тогда будем брать сейчас. Ты его на свободе уже не увидишь. Будем дожимать. Не знаю, удастся ли доказать, что он виновен в смерти Зубова, да и вообще... Можешь остаться у меня. Лишь бы Павел еще чего не натворил...

Алла поняла, что ошиблась:

«Может, надо было вслепую использовать Алису, ничего ей не говорить. Пригласить в гости на вечер. Затащить под каким-нибудь предлогом на балкон, чтобы Павел увидел корзину. Наверняка он бы полез за ней. И взяли бы его, и не отвертелся. Слишком

непредсказуемо. Черт! Что теперь, звонить Грибову, говорить, что операция отменяется, и ехать задерживать?»

— Ал, может, я его уговорю. Пусть сам придет, сознается во всем. Как там это называется? Явка с повинной.

— Может, это и идеальный вариант. Но сильно я сомневаюсь, зная немного характер Павла. Да и по собственному опыту оперативной работы... Он, скорее всего, пойдет до конца, — задумчиво проговорила Алла и тут же, повысив голос, продолжила: — А если он на тебя бросится?! Ты об этом подумала? А если он тебя в заложницы возьмет?!

Павел Лытников — отец только фамилию и оставил. Они с матерью разошлись, когда ему было три года. Да и фамилия-то — Лытников. Что-то крестьянское, стародавнее. Похожее на лыко. Лыко, оно и есть лыко.

А он старался быть первым. Старался, чтобы «не лыком шит».

Учился на четверки и пятерки, но всё же аттестат получил с одной тройкой. До сих пор помнит эту упрямую, «правильную» математичку.

Занимался спортом, но дотянул только до кандидата в мастера.

Казалось, с армией удалось — попал в десантные войска. Если бы не драка, если бы не удар в голову и падение! Стало сильно падать зрение — комиссовали.

Пошел учиться в институт. Старался. Взяли потом на хорошую, денежную работу, И что? Всего лишь менеджер среднего звена. И ничего не светит.

Женился. Нет, женился он удачно, как ему сначала казалось. Красивая, умная, темпераментная. Не стыдно появиться в любом обществе. Алиска, его Алиска. Хотя бы здесь, хотя бы в этом он оказался на высоте. Он был победителем.

Вот именно — «был». Сначала Павел приревновал к банкиру Сальникову — это он дал Алиске деньги на йога-центр. Вот так просто взял и дал. Потом недалекий Зубов и придурочный Люсик. Неужели опять он проиграл?

Павел не был уверен наверняка в измене жены и решил подложить в ее сумочку жучок. Он не останется в дураках. Он не проиграет. Выведет ее на чистую воду.

И «вывел».

Алиса случайно оставила сумку в кабинете у Супонина, когда пряталась от Люсика, и невольно вывела мужа на тайные розыски сокровища. Павел из подслушанного разговора, и не одного, сразу понял важность и главное — ценность находки. Конечно, возможной находки, но такой шанс упускать было нельзя! Шанс подняться, стать наконец-то значимым, первым.

Павел установил слежку за Кириллом Зубовым. Это было совсем нетрудно. А дальше — действовал по обстоятельствам. Иногда казалось, цель уже совсем рядом, но удача раз за разом ускользала от него, требуя платы, жестокой, кровавой платы.

А поначалу всё шло хорошо. Зубов привел его на квартиру, где было спрятано сокровище, и сам же полез туда, но ничего не нашел. Не знал, где искать, да и не успел — хозяйка квартиры неожиданно вернулась домой. Но и Павел просмотрел, что она вернулась, увидел только убегающего Зубова.

Если бы хозяйка не возвратилась ... то и не пострадала бы. Она, как выяснилось, тоже ничего не знала. А запомнить Павла могла и Зубова тоже.

А Зубов мог его видеть, когда спускался по лестнице, мог вспомнить его, ведь они хоть и шапочно, но были знакомы.

Нет, он не хотел убивать Кирилла, только припугнуть. Зубов тогда, на вечеринке у Супониных, как-то странно посматривал на него. Внезапно пришло решение вывести из игры подельника Супонина, пока не начал шантажировать, просить денег. Благо у него в машине оказалась — не успел в гараже спрятать — «тихая взрывчатка», такая, что не каждый специалист определит, от чего случилось возгорание. Кто же знал, что дверцу машины Зубова заклинит.

А как дрожал голос у Супонина, когда Павел позвонил ему! Куда подевалась вся его спесь?

Но и тут ничего не вышло. Старый прохвост. Хорошо, что он всё продумал, подготовился, догадался, где спрятаться, и утром вышел из подъезда.

Неужели в корзине не было ничего? Неужели он опять проиграл? Проиграл!!!

«И где Алиску черти носят?! — метался по комнате Павел. Но звонить больше не стал. — Много чести. Куда она денется?»

Алиса ехала домой медленно. Так медленно, что ей два раза сигналили. Возле дома, когда остановилась, зачем-то обошла вокруг машины, потерла рукой переднее стекло и побрела к своему подъезду. Надо было притворяться, разговаривать, смотреть ему в глаза — ему, мужу-убийце. Лифт подпрыгнул и затих, открылись двери. Алиса вышла из него и направилась к своей квартире. Остановилась, чтобы достать ключи. Долго рылась в сумочке, наконец достала их из кармана полушубка. Вставила в замочную скважину, повернула, придерживая ручку двери, — всё, назад пути нет — и распахнула двери.

Муж встретил ее в прихожей.

— Пришла, гулена. А я вот день сегодня взял. Думал мы сегодня сходим куда-нибудь, — начал он врать.

— А чего не предупредил? — тихим голосом, настороженно спросила Алиса.

— Хотел сюрприз сделать, — вывернулся Павел.

«Да уже сделал. Прямо не сюрприз, а сюрпризище получился», — подумала Алиса.

Павел подошел к жене, стоящей вполоборота к нему, чтобы помочь снять полушубок. Алиса вздрогнула, отшатнулась, но тут же взяла себя в руки.

— Да ты дрожишь вся. — Павел развернул жену к себе, посмотрел ей в лицо. — И бледная. Что за повод такой был — напиться? Что отмечали?

Алиса не смогла прямо посмотреть мужу в глаза и начала заводитьсь.

— А что, всегда нужен повод? — пошла она в атаку, ей надоело осторожничать и бояться.

— Да нет, — отступил Павел.

— Коньяк, скорее всего, поддельный был, — теперь уже Алиса начала врать. — Траванулась. Все банально, как этот старый, всё повидавший мир. Дай мне пройти. Я в душ и спать.

— Может, горяченького? Согреешься.

— Даже не знаю, что тебе сказать... чтобы не обидеть.

Уже в душе, стоя под струей горячей воды, Алиса, сдерживая себя, беззвучно зарыдала.

Всё — весь созданный ею мир, годы жизни с Павлом, эта квартира, ее любовь, привязанности — рушилось. И надо было привыкать жить не с ним, не так, по-другому.

Поужинали и рано легли спать. Вместе. На одну кровать.

Алиса во сне прижималась к мужу, а потом вдруг отодвигалась от него. Павел тоже долго ворочался, не мог уснуть.

Он не знал, что делать дальше. Смотрел на жену. Какая-то она странная сегодня, как будто не своя, чужая. Или кажется ему.

Он стал подозрительным, беспокойным в последнее время. Вернее, когда узнал о кладе. Или он всегда был таким?

Алиса проснулась поздно. Встать сразу не стала. Прислушалась. Сначала к своему организму. Вроде справился. Легкая тяжесть в голове скоро пройдет. Потом к звукам в квартире. Павел должен был уйти на работу. Но нет, муж гремел посудой на кухне. А она надеялась побыть одна. Всё обдумать к его приходу.

— А ты почему не на работе? — спросила Алиса, пытаясь скрыть раздражение: — «Зачем ему еще день?»

— Так я два дня взял, — ответил Павел, появившись на пороге спальни.

— А ты вчера говорил один, — не унималась Алиса, заподозрив неладное.

— Ничего я не говорил... А чем ты недовольна? Похмельный синдром?

— Нет, всё хорошо. Так, тяжелое приснилось. Извини. — Алисе надо было не настраивать против себя мужа, а, наоборот, уговорить пойти в гости к Алле, поэтому она сменила тон. — А что там у нас на завтрак, — потягиваясь, бархатным голосом протянула нараспев Алиса.

— Завтрак понадобился? Уже приятное влечение, и главное — здоровое. Иди умывайся. Сделал — цени мужа! — твой любимый омлет. Ну и кофе, разумеется.

— Ну, про кофе я поняла, еще не проснувшись. А ты уже позавтракал?

— Вот бы я ждал, когда ты проснешься!

— Нууу, посиди со мной, — попросила Алиса. Она решила за завтраком, между делом, рассказать о приглашении и о корзине.

«И все-таки она не так себя ведет, как обычно. Улыбается, а вся напряжена, — подумал Павел о жене. — Что с ней?»

— Да я собирался прогуляться.

— Куда? — резко спросила Алиса, подскакивая на кровати. — «Что он задумал? Не дай бог, еще кого-нибудь убьет».

— А что ты так всполошилась? — удивленно спросил Павел. — В магазин. У нас продукты закончились.

— Ничего я не всполошилась. Хочешь, так иди, — изобразила равнодушие Алиса, но тут же добавила: — Я хотела с тобой позавтракать. Ты всегда уходишь раньше, я еще сплю. А тут в кои-то веки...

Алиса важно протопала мимо мужа в ванную, но разговор не прервался.

— Хорошо, — Павел усмехнулся. — «Пообщаемся. Может, что интересное узнаю. Наверняка по пьяной лавочке ее подруга ляпнула что-нибудь по делу».

— Сейчас позавтракаем и вместе пойдем, а то ты опять наберешь... продуктов. — «Так я буду его контролировать».

— А тебе не надо на работу, в свой йога-центр? — «Вот прицепилась. Не даст всё обдумать».

— Нет. Я себя не настолько хорошо чувствую, чтобы вести занятия. Я перенесла время. — «Йогу я бы провела в любом состоянии».

Сели за стол.

Алиса пыталась быть оживленной и щебетать, как бы между прочим сливая информацию.

Павел пытался быть внимательным и заинтересованным собеседником, как бы между прочим выуживая информацию.

И все у них получилось.

— Представляешь, — тараторила Алиса, ковыряя омлет, — Алла познакомилась с

мужчиной. Ну, я тебе рассказывала, помнишь? Прямо во время следствия. И теперь у них помолвка. Это мы и отмечали вчера. — «Смотрит заинтересованно. Уже хорошо».

— Во время следствия? — делано удивился Павел. — Как это? — «Пусть расскажет, если знает. Может, здесь ниточка потянется».

— Ой, там какая-то чехарда с корзинами. Я толком не вникала. Да и Алла не рассказывает. Тайна следствия. — «Не надо сразу открываться. Пусть сам спрашивает».

— Корзины? Что за ерунда! — «Знает она что-нибудь или нет?»

— Ну да, корзины. Мы даже одну привезли к Алле домой. — «Попался, дружок. Вон как глаза загорелись».

— Домой? Это еще зачем? — «Вот курицы безмозглые. Что одна, что вторая».

— Да откуда я знаю. — «Так, надо менять тему».

— И что, свадьба будет? — «Это шанс. Шанс! Я еще не проиграл!»

— Ну, свадьба не свадьба, а нас пригласили в гости. — «Сам тему сменил и поплыл, голубчик, поплыл. Даже эмоций не скрывает».

— В гости? Зачем? — «Вот это удача».

— Как зачем? Я — ее лучшая подруга. Ты — мой муж. Вот и отметим, посидим вчетвером. — «Ну артист! Еще сейчас скажет, что не пойдет».

— Не знаю. Это так неожиданно... У меня дела. — «А почему корзина у нее, а не в полиции?»

— Какие дела? Мы и так с тобой вместе никуда не ходим. В субботу они нас ждут. — «Всё, не отвертится».

— Хорошо, хорошо. Но я не обещаю на сто процентов, что пойдём. — «Да мало ли почему. Только бы не отвезли корзину в отдел».

— Павел, мы в субботу идем в гости. Иначе я обижусь. — «Не слишком ли настойчиво я его зову?»

— Но ты же знаешь, у меня работа, обстоятельства. — «Надо всё продумать. У меня день на подготовку».

— Нет, ну я не стану тебя тащить насильно. Пойду одна — как всегда.

— Пойдем, пойдем. Допивай кофе. Я пошел одеваться.

— Ага. Я тоже. Надо список составить, что брать.

— Вот и составляй.

— Да! И не забыть подарок купить. Ты слышишь?

— Слышу, слышу. Конечно, не пойдём с пустыми руками.

Алиса то видела себя со стороны, в другой реальности, то снова окуналась в ту, прежнюю жизнь, когда вместе ходили по магазинам, в кафе, когда вместе смотрели сериалы. Да много чего делали вместе. И от этого осознания неизбежности, от этой двойственности положения сейчас становилось еще тяжелее. А надо выдержать и предстоящую субботу тоже.

Она так до конца и не поняла, не решила для себя, правильно ли поступает и нужно ли так поступать. И никто, скорее всего, не ответил бы ей на этот вопрос.

Глава 28. Деревня Вешки, май 1975 года

Вот и прошли все майские праздники. И то, столько работы в огороде. Надо успевать, пока погода стоит. Назавтра в Москве и Подмосковье до плюс двадцати пяти обещали. Ночью, конечно, прохладнее — всего плюс одиннадцать.

Насте нравилось смотреть программу «Время» по телевизору. Нескучно. Новости опять же, всё узнаешь: и что в стране творится, и про погоду.

«Вон какой Парад показали. Как ветераны встречаются — обнимаются, плачут. А медалей-то сколько у каждого. Женщины, тоже с медалями. Тоже, бедные, воевали».

Глаза стали подводить Настю, устают быстро. А что сделаешь — старость. Но всё равно и фильмы иной раз посмотрит. Особенно давешние, старые, про прошлые времена.

Настя встала, выключила телевизор. Вздохнула:

«Надо еще куриц на ночь закрыть. — Накинула старое пальто и вышла во двор. — Куриц и десятка не наберется, а всё одно забота. Зато Сашке подспорье. Приезжала на праздники. Повзрослела. Учится. А ума еще мало... Дала ей с собой курицу да десяток яиц. Пирогов настряпали. Наказала, чтоб сразу курицу сварила, а то испортится. Пусть поедят там с девчонками в общежитии. Домашненького».

Девчонки в комнате вроде хорошие попались. Сейчас вот поучатся еще, потом экзамены сдаст и приедет на недельку-другую в июне. Поможет в огороде. Потом практика у них начнется. Поедут. Пока не знает куда. Ну, Сашка смышленная, выучится. Если замуж не выскочит. Не должна. Ни к чему рано. Ну да кто нас спрашивает».

Настя шагнула на крыльцо и услышала голос соседки, которая купила Нюрин дом.

Нюра теперь не приезжала. Только присылала поздравительные открытки. С новой соседкой — дородной поварихой Галиной, сорока шести лет, незамужней, — жили мирно, не ругались, но и теплых отношений, какие были с Нюрой, не возникло.

— Баб Настя, здравствуй! — вежливо окликнула ее Галина, подойдя к ограде с двумя мужчинами.

— Здравствуйте! — озадаченно произнесла Настя, направляясь к калитке.

Галину она узнала сразу, а мужчин, сколько ни приглядывалась, не признавала. Один чернявый, немолодой, вроде нерусский, другой помоложе, повыше ростом, глазами так и зыркает.

— Баб Настя, выручай! Я тут на постой шаба... строителей взяла, а ко мне сын с семьей приехали, и не ждала в мае. Алешка говорил, что в июне у него отпуск. Возьми пока мужиков к себе. Может, на недельку. Не больше.

Настя растерялась: и отказать неудобно, и куда она их — где одна неделька, там и две. В комнату к Сашке не хотелось.

Шабашники почти каждое лето приезжали подзаработать. Бригадой или по двое-трое. И ничего в этом особенного не было. Размещали их обычно в старом фельдшерском пункте, а кто-то, кому деньги нужны или помощь по хозяйству, к себе приглашал.

Галина, видя сомнения Насти, принялась ее уговаривать.

— Так они только на ночь и будут приходить, весь день на работе. А там и помогут чем. Вон у тебя ограда покосилась. Да и деньги нелишними будут. Сашка учится, помогать надо, — привела последний аргумент Галина.

Насте очень не хотелось менять свою размеренную жизнь. С другой стороны, хорошо бы

Сашке пальто новое к осени прикупить. И она сдалась.

Прошло дней пять, как у Насти поселились строители. Она даже стала привыкать к ним. Действительно, как и говорила соседка, приходили они поздно вечером, мылись, чаевничали и ложились спать, а утром уходили на работу. Обедали и ужинали в деревенской столовой, где Галина их и заметила.

Тот, что постарше, армянин, чернявый, назвался Варданом. Он Насте больше приглянулся. Спокойный, уважительный, показывал фотографию своей семьи: жена, две дочери, сын. Родители у него пожилые, с ними брат живет. Вардан деньги семье посылает.

Второй строитель, что помладше, Юрка, Юрок. Такой же пронырливый, как имя. Говорит много, а всё не по делу. Как поняла Настя — перекаати-поле. Семьи нет. Нигде долго не задерживается, не знает, где завтра будет и с кем. Подзаработал — и поминай как звали.

В воскресенье Юрок ушел в клуб на танцы. А появился поздно, подвыпивший, побитый — местные отмузузили. Долго не ложился спать, матерился и всё порывался «отдать должок». Кое-как Вардан его утихомирил. А утром Юрок не пошел на работу, видимо, хотел отлежаться.

Настя караулить его не стала — дел полно в огороде. Не маленький, проспится да встанет. А когда солнце стало припекать, она решила пойти отдохнуть.

У Сашки с утра в воскресенье испортилось настроение. Девчонки усиленно звали ее в кино, но она не пошла. Легла почитать книгу, но одолела лишь пять страниц.

Необъяснимая тревога заполнила сердце.

Вроде всё хорошо: дома побыла на майские праздники и уже отучилась неделю. С девчонками попиروвали — все же из дома продуктов навезли.

Сашка встала, прошлась по комнате, снова села на кровать. Подумала про новенького. Он пришел в их группу весной. Ваня. Сашке нравилось это имя. И новенький понравился. Они уже несколько раз садились вместе на лекциях. Разговаривали. Ваня даже пригласил ее погулять, когда она захочет. Но Сашка пока не ответила согласием.

А до этого к ней Колька Шмаков подкатывал. Но Колька ненадежный. Говорят, он сразу с несколькими девчонками встречается, и не из их техникума. А парней у них в геолого-разведочном намного больше, чем девчат. Выбор есть, и вообще — учиться надо, сессия скоро. Остальное успеется.

Вечером пришли девчонки из кино. Возбужденные, смеющиеся. Снова пожалели, что Сашка не пошла с ними. Начали рассказывать о своих «приключениях», про фильм и об актерах.

Сашка немного успокоилась, но ночью долго не могла заснуть, ворочалась. А под утро приснился ей странный, неприятный сон. Будто поднимается она, бежит по ступенькам на пятый этаж — там ее мама ждет. А ступеньки всё не заканчиваются и не заканчиваются. Сашка устала бежать, перешла на шаг. Потом увидела незнакомую женщину и спросила: сколько этажей в доме? А женщина внимательно посмотрела на нее и ответила, что сто и идти ей еще долго. Сашка испугалась: как же мама, ведь она ждет ее? Дождется ли?

Утром в понедельник Сашка буквально соскочила с кровати. Раньше всех пошла в техникум, но не на занятия, а в деканат — отпроситься домой. Деканша удивилась — только из дома все приехали, — но отпустила. И Сашка поехала в Вешки. Она бы поехала, даже если бы ее не отпустили.

Настя поднялась на крыльцо, прошла через сени к двери в комнату, открыла ее, да так и осталась стоять на пороге, удивленная и растерянная. На полу валялись вещи, выкинутые из шифоньера. Там, на третьей полке, под бельем, лежала ее пенсия, недавно полученная. Икона, всегда стоящая в правом углу у стола, исчезла. Увидела Настя и открытую шкатулку, где хранились документы и письма сына, теперь разбросанные на столе. Посреди комнаты метался Юрок. За спиной у него уже висел рюкзак, а в Настину корзину он складывал продукты.

— Ты что это делаешь, Юра? — негромко, беззлобно спросила Настя.

Юрок, небритый, припухший после вчерашнего, с бегающим взглядом, повернулся в сторону Насти, поморщился, сплюнул, но ответил:

— Уезжаю я. Вот вещи собрал.

— Уезжаешь — уезжай, а мои вещи оставь.

Юрок поправил лямку рюкзака на плече, подхватил корзину и пошел к двери.

Сашка сначала шла торопливым шагом по деревне, потом побежала.

Деревенские, козырьком держа руку у лба, всматривались: кто это бежит? Переговаривались:

— А, кажись, Настенина дочка, Сашка.

— А чего бежит? Случилось чего?

— Не пуцу! — Настя решительно захлопнула дверь и осталась стоять возле порога.

— Пусти, бабка! По-хорошему прошу — отойди.

Глаза у Юрка налились злобой. Он замахнулся, но не ударил. Настя отшатнулась, но с места не сдвинулась. Тогда Юрок шагнул ближе и ударил наотмашь, буквально убиравая Настю со своего пути. Она упала и ударилась головой о спинку кровати.

В это время дверь распахнулась, и в комнату, лишь на секунду задержавшись на пороге, влетела Сашка и прыгнула на Юрка. От неожиданности тот попятился и упал, увлекая за собой девушку.

Они катались по полу. Рюкзак мешал Юрку разделаться с девчонкой. Но ему удалось подмять ее под себя. В это же мгновение шабашник обмяк и повалился набок. Это Настя, собрав все силы, встала, схватила стоявшую у печки кочергу и обрушила ее на голову Юрка.

Вечером, когда участковый, составив протокол, увел Юрка, когда ушли сочувствующие соседи, Настя легла на кровать, а Сашка примостилась рядом.

— Мам, ну что же ты? Ну как так вышло? Зачем ты этих шабашников к нам взяла?

Настя молчала, прикрыв глаза. Она и сама не понимала — как так вышло.

— А если бы что случилось с тобой, мам? — всхлипывала Сашка. — Ты же у меня одна. А как же я-то потом? Он ведь тебя убить мог!

Чтобы Сашка утихомирилась, Настя решила повернуть разговор:

— Саш, а как ты... узнала? Приехала... — удивилась она.

— А еще в воскресенье, мам, у меня настроение испортилось. Не могла понять, что со мной. Сижу одна в комнате и ни читать, ни еще чего делать не могу, — начала, немного успокоившись, рассказывать Сашка. — Потом, ночью, сон вижу: будто бегу к тебе по лестницам, а этажи все не кончаются и не кончаются... А утром собралась — и к тебе. — Сашка утихла, вспоминая события последних суток, потом снова начала «ругать» мать: —

Нет, ну чего ты его не пускала? Ты бы и не справилась с ним. Ну взял он деньги, икону, и ладно! Я на практике подзаработаю. И в старом бы пальто проходила, подумаешь. А корзина вообще...

Настя вздохнула, повернула лицо к дочери, взяла ее за руку.

— А сама-то зачем с ним сцепилась? Хорошо, что я очухалась.

— Так я дверь открываю, вижу — ты лежишь на полу. А потом и не помню, как всё получилось. Такая злоба на меня накатила!

— Вот и я разозлилась: икона — это святыня, вера наша. И память о моей матери. Она рано умерла, и не помню ее, только икона эта и осталась. Корзина — память о муже. Николай эту корзину наказывал беречь. А я бы не сберегла. Василек, сынок, маленьким таскал ее, — голос у Настены задрожал, но она не дала волю слезам. — А деньги... В следующем месяце опять пенсию принесут. У соседей перехватить могу, если что. Из-за денег я бы и не стала... А как без памяти?..

Обе притихли, помолчали. Потом Настя спохватилась:

— Тебе завтра на занятия ехать! А я тут разлеживаю. Давай-ка ужин готовить. С собой чего возьми. Сумку собери. И Вардана нет. Наверное, ушел к своим ночевать.

— Мам, может, я еще на денек останусь? Ты как? — спросила Сашка, проигнорировав заботу матери о Вардане. Хватит с нее шабашников.

— Ничего со мной не станется. Шишка на голове, и делов-то.

Рано утром Настя провожала дочь в город. Голова у нее немного кружилась, но это ничего, это пройдет.

Сашка обняла мать и поспешила на остановку, а Настя, перекрестив ее, всё стояла, смотрела, пока дочь не скрылась за поворотом.

Еще не раз Настя будет провожать дочь, не раз стоять перед иконой зимними длинными вечерами, молиться и за Сашку, и за ушедших родных, и за весь род человеческий.

Алла второй день не находила себе места:

«Пошла у Алиски на поводу: отпустила и слезку убрала, чтобы Павел ничего не заподозрил. Если с ней что случится, никогда себе этого не прощу!»

Договорились, что Алиса будет посылать эсэмэски и тут же их стирать. Вчера пришли две: «Объект под контролем» и «Объект созрел». Всё в Алискином духе, в полицейского она играет.

Алла не расставалась с телефоном, постоянно подзаряжала его, чтобы не дай бог не пропустить сигнал тревоги. Мало ли что там еще может Павлу в голову прийти.

Завтра вечером финальная часть операции. Только бы Хорошилов тоже чего не выкинул. Не понравилось ему, что операцию разработали без него, что слезку сняли, что задержание Лытникова отложили.

«Ох, какое у него будет выражение лица, если операция провалится! — в который раз подумала Алла. — Сам кое-как выкрутился и злится теперь, что добыча ушла из-под носа. Хоть бы успокоился!»

Влад пришел с работы пораньше, как обычно по пятницам. Его тоже предстояло ввести в операцию, правда, пока только на уровне инструкций. Использовать оперативника было рискованно. Хотели ей в качестве «возлюбленного» подсунуть капитана Хорошилова, но от этой затеи сразу отказались. Не смогли бы они сыграть влюбленную пару, да и «мента видно без винта».

Перед серьезным разговором Алла решила накормить «новоявленного оперативника», а то как бы потом у него аппетит не пропал.

«Знакомы-то всего — и трех месяцев нет, а сколько на него, бедного, свалилось», — улыбалась про себя Алла, накладывая Владу добавку.

Потом из кухни они плавно перебрались в зал, где и начался разговор. За всю свою двадцатилетнюю работу в органах Алла ещё ни разу не проводила такую веселую инструкцию. Она сама не ожидала, что так смешно получится. А может, просто нужно было скинуть напряжение последних трех суток.

— Влад! — торжественно начала Алла. — Ты только не волнуйся. Так получилось, что муж Алисы оказался... — она слегка замялась, но решила говорить как есть: — Преступником.

— Да?.. — удивился Влад, не ожидавший такого поворота событий.

— К сожалению, да. И нам надо его поймать на месте преступления.

— Что я должен делать? — с готовностью спросил Влад.

Лицо у него приобрело выражение восторженной воинственности, как у подростка перед большими приключениями, что не ускользнуло от Аллы.

— Влад, бегать и стрелять тебе не придется. На это есть опытные оперативники. У тебя задача гораздо сложнее.

Влад хмыкнул: что может быть сложнее погони и стрельбы.

— Тебе нужно сыграть влюбленного мужчину, — продолжила объяснять оперативную задачу Алла. — Я пригласила Алису и Павла завтра к нам в гости на... «смотрины». Ну, или отметить помолвку. — Алла уже как женщина внимательно проследила за реакцией Влада. Интересно же.

Влад смутился, но ничего не сказал.

— Ты должен весь вечер ухаживать за мной. Знаешь, как часто ведет себя влюбленный мужчина? Он, надо и не надо, обнимает женщину за плечи, целует в щечку, придерживает за локоток, бросает взгляды, то есть всячески дает понять окружающим, что эта женщина его. Застолбил. Главное — не перестараться.

— Мы будем тренироваться? — смеясь, спросил Влад.

— Обойдемся. Это не самое важное. А вот когда мы с Алисой уйдем якобы в магазин, тебе надо будет поддерживать с Павлом «светскую беседу», но недолго, а потом сделать так, чтобы он пошел за тобой на балкон.

— И что я ему скажу? Я не курю.

— И он не курит. Просто проветриться. — Алла задумалась: а если Павел действительно не пойдет на балкон. И пусть не идет. — Ты выйди на балкон, «запнись» об корзину, выругайся, но не грубо, упоминая корзину. Потом скажи, что у тебя заболел живот и уйди в туалет. Закройся там и сиди. Всё, больше ничего делать не надо.

— Прямо «героическая» роль мне досталась! — не удержался от восклицания разочарованный Влад. — Особенно концовка.

— И будь естественным, — не обращая внимания на реплики Влада, продолжила инструктаж Алла. — Не надо напряженно, с подозрением смотреть на Павла. — Она, смеясь, изобразила подозрительный взгляд. — Лучше смотри на меня.

Влад «в отместку» тоже изобразил пристальный взгляд и, дурачась, со словами «Я выведу тебя на чистую воду!» полез обниматься и целоваться. Они барахтались, пока Влад не упал с дивана.

— Влад, всё. Давай серьезно, — опомнилась Алла.

— Давай, — охотно согласился Влад, поднимаясь с пола. — Теперь отрепетируем мой выход на балкон, а потом... бросок в туалет, — предложил он и, сделав испуганные глаза, спросил: — А замок в туалете надежный?

— Нормальный замок. Павел рад будет, что ты сидишь в туалете. Он должен выбежать из квартиры. — Алла нахмурилась. — Но не всегда всё идет по плану. Ты можешь отказаться и не участвовать в операции.

— А кто тогда будет играть роль влюбленного?

— Найдем. Оперативник.

— Ну уж нет. Эту роль я никому не отдам, — шутливо, но в то же время твердо сказал Влад.

— Телефон держи при себе. Если что-то пойдет не так — сразу звони. И еще, — Алла строго посмотрела на Влада, — не вздумай ввязываться с ним в драку. Это он с виду такой «длинный, худой и нескладный». А служил в десантных войсках.

— Да понял я, понял. Всё я понял о своей «маленькой роли».

— Влад! Иди ко мне. Не обижайся. Я знаю, что ты сильный, что ты смелый. — Алла обняла Влада, прошептала ему на ушко: — Ты самый лучший мужчина на свете. — Она вздохнула. Может, переиграть, отменить? Рисковать Алиской, Владом. Стоит ли всё это... Потом, помолчав, добавила: — Но!.. Павлу нечего терять. Понимаешь? В таких ситуациях даже не важно: здоровенный мужик перед тобой или маленькая хрупкая женщина. Преступник часто становится одержимым. У нас был случай лет десять назад. Представляешь, оперативник пошел на задержание и столкнулся в доме с женщиной. Так она только посмотрела на него. Он потом нам рассказывал. Так посмотрела, что он, опытный

оперативник, невольно сделал шаг назад.

— И что, задержали? А что она натворила?

— Да там много чего было... по совокупности... Влад, не геройствуй. Мы будем рядом.

Я буду рядом.

— Я всё понял. Геройствовать не буду.

— Давай сегодня пораньше ляжем спать. Выспаться надо перед трудным днем.

Влад, конечно, согласился. Но сказать — одно, а сделать — другое.

Алла долго не могла заснуть. Смотрела, не пришла ли СМС от Алиски, продумывала, проигрывала операцию еще и еще раз. Ворочалась, вздыхала. Решила выпить снотворное, но передумала: переспит, голова будет болеть, а ей она нужна ясной. Наконец забылась тревожным, чутким сном.

Она не помнила, снилось ей что-то или нет.

Проснулась — как очнулась. Темно, тихо. Посмотрела на часы — половина седьмого. Посмотрела на спящего Влада. Тревога начала заползать в сердце. Не волнение перед предстоящей операцией, а именно тревога, как будто что-то должно случиться — страшное и непоправимое.

Алла постаралась взять себя в руки — нельзя паниковать перед операцией, и вообще... Она опытный оперативник, капитан, замначальника оперативного отдела... была. Нет. Есть.

Алла мысленно отодвинула, отбросила все тревоги, встала, стараясь не разбудить Влада, и направилась в ванную. Начинался важный, ответственный день. И он не скоро, но закончится. Как всё заканчивается.

И всё пройдет хорошо.

Она не должна раскисать, не имеет права.

Алла пошла на кухню и включила чайник. Сейчас она в тишине, не включая свет, попьет кофе и прокрутит еще раз, детально и подробно, всю операцию. Не должно быть слабых, уязвимых мест. Хотя всего не предусмотреть, но варианты развития событий обдумать, просчитать и, если надо, подстраховаться можно.

Часов в восемь проснулся Влад. Сразу встал. Пришел на кухню взъерошенный, тревожный.

— Влад, я тебя разбудила? — виноватым голосом спросила Алла, про себя улыбаясь: вид у милого был далеко не воинственный.

— Да нет, — постарался бодро ответить Влад. — Кофе пахло вкусно. А ты же знаешь, как я люблю кофе?!

— Знаю. Давай в ванную. Я сейчас гренки сделаю. Или еще что-нибудь приготовить?

— Нет. Спасибо. Я сейчас. — Влад поплелся в ванную.

Алла вздохнула: она понимала, что сейчас переживает Влад. Дурачиться, шутить, изображать героя — это одно, а на деле всё прозаично и... страшно.

«Надо чем-нибудь отвлечь моего «героя», — решила Алла. — А во время операции немного примет, успокоится, только бы не перебрал. Не должен».

После завтрака она заставила Влада писать список продуктов, которые необходимо закупить для стола. Обсуждала с ним, что приготовить, какие напитки взять. Потом они вместе поехали в супермаркет закупаться. Всё это отвлекало, не давало заикливаться на своих чувствах, переживаниях по поводу предстоящей операции.

Пришла и эсэмэска от Алисы: всё у нее в порядке, они поехали выбирать подарок и в семнадцать ноль-ноль железно приедут на вечеринку. Причем Алиска не удержалась и, как всегда, попыталась «связвить»: вроде того, что пусть только подарок не понравится молодоженам! Это хорошо, значит, она не «взъерошенная и тревожная», как Влад, значит, держится.

Потом они с Владом готовили, и Алла настояла, чтобы он активно помогал, а не слонялся по квартире.

Влад еще пытался дурачиться, «воруя» еду, так как якобы сильно проголодался. Алла «решительно пресекала» эти попытки, подыгрывая любимому, но и неопытному физиогномисту было видно, что Влад волнуется и совсем не хочет есть.

Перенесли из кухни стол и накрыли в зале, возле балкона. В половине пятого позвонила Алиса и сообщила, что они с Павлом едут.

Алла передала эту информацию оперативникам, участвующим в операции. Дом был оцеплен. Наблюдение велось во дворе. Как только Павел и Алиса зайдут в дом, наблюдение усилится, и непосредственно перед балконом квартиры Аллы, и перед ее подъездом.

Она уже не принадлежала себе, она принадлежала делу и на всё смотрела как бы со стороны, не включая эмоции, только рассудок. Она еще раз коротко проинструктировала Влада и дала ему выпить немного коньяка. В конце концов его волнение можно было объяснить якобы предстоящей помолвкой.

Ровно в семнадцать ноль-ноль Алле сообщили, что Павел и Алиса зашли в подъезд. А через пять минут она услышала смех и ворчание подруги по поводу «скоростного» лифта, и

тут же раздался звонок в дверь. Всё, операция началась.

Алла, сделав улыбку, ободряюще посмотрела на Влада и пошла открывать дверь. Влад потоптался и ринулся следом встречать гостей.

— Что-то ты, подруга, не спешишь открывать! — начала с порога Алиса. — Стоим тут, мнемся!

— «А вдруг она не курит, а вдруг она не пьёт», — парировала Алла, смеясь. — Проходите, раздевайтесь.

Алла краем глаза увидела, как Павел протянул руку Владу, а тот замешкался, глядя на протянутую руку. Она отреагировала быстро:

— Знакомьтесь! Мой друг Влад. Павел, муж моей подруги Алисы.

Влад протянул руку Павлу и поспешно, как показалось Алле, отдернул ее.

— Влад, помоги даме раздеться, — как можно любезнее попросила она Влада.

— Конечно, — Влад с готовностью и облегчением переключился на Алису.

Алла взяла под руку Павла и повела в зал.

— Я не помню, мы на «ты» или на «вы»? — спросила она и, не дожидаясь ответа, продолжила: — Вы с Алисой вместе, по-моему, только два раза были у меня в гостях.

— Да. Работа. Куда от нее денешься? — посетовал Павел. — Можем перейти на «ты». — Он усмехнулся.

— Садись, Паша, где тебе удобнее. Я понимаю, работа много времени отнимает. Но, думаю, иногда надо и отдыхать.

— А это кто какой отдых предпочитает.

В комнату вошли Влад с Алисой. Сразу стало шумно и тесно. Задвигали стульями. Расселись. Зажигала и больше всех говорила, как всегда, Алиса.

Первый тост подняли за весну и прекрасных дам. Второй — решили за мужчин. А третий предложила Алиса — за женскую дружбу. Это было неожиданно и заставило поволноваться Аллу: Алиска быстро размякла после трех рюмок и настроение у нее явно падало. Если она еще выпьет, может взорваться. Как бы она не сорвала операцию и не выдала всем по полной. С нее станется. Павел больше молчал: ел, выпивал, отвечал односложно. А Влад, несмотря на выпитое, волновался всё больше.

Потом женщины ушли на кухню — за солью и хлебной нарезкой. Ну и поворковать. Однако они быстро вернулись — Алла не хотела надолго оставлять Влада один на один с Павлом. Мало ли чего брякнет или посмотрит не так на Павла.

Алла украдкой посмотрела на часы. Прошло всего полчаса с начала застолья, а казалось, что гораздо больше. Надо тянуть время до шести, как было условлено: в шесть они с Алисой должны уйти в магазин, якобы кое-что прикупить к столу. За тридцать оставшихся минут может случиться всё что угодно.

«Может, музыку включить, танцы организовать или рано еще», — подумала Алла. И тут неожиданно вырубил Влад. Он поднялся из-за стола и сказал, что сейчас придет и скажет самый главный тост.

Влад ушел в коридор и вернулся оттуда, пряча за спиной одну руку. Потом он попросил всех наполнить бокалы и, опустившись на одно колено перед Аллой, протянул ей коробочку с кольцом.

Все замерли. Алиса удивленно и немного завидуя. Алла удивленно и счастливо. Это не входило в разработанный «сценарий» хотя бы потому, что трудно быть одновременно и Аллой Сергеевной, руководителем операции по задержанию преступника, и Аллой,

женщиной, которой делают предложение.

И только Павел смотрел на всё происходящее почти равнодушно. Его занимало совсем другое: где находится эта чертова корзина и как ее незаметно вынести из квартиры.

Он первым опомнился и с ухмылкой произнес:

— Ну что ж, горько! — и первым же опустошил рюмку.

Влад встал, помог надеть кольцо и поцеловал свою избранницу.

Алла только теперь поняла, почему сегодня Влад, когда они уже садились в машину, решил вернуться в супермаркет за носками, которые якобы забыл купить. Ну что ж, это придаст достоверности происходящему, думала Алла Сергеевна, а Алла, конечно, радовалась, еще больше опасаясь за любимого.

Тут Алиска как нельзя кстати вспомнила про свой подарок:

— Паша, а мы про подарок-то забыли!

— Где деньги, Брут? — не в тему пошутил озабоченный Павел.

Алиска подскочила и побежала в коридор, к оставленному там пакету. Затем так же быстро вернулась с коробкой в руках.

— Поздравляю, подруга! — выговорила она, протянула подарок и, заревев, уткнулась в плечо Аллы, которая сначала успокаивала Алису, а потом, поняв, что это истерика, повела ее в ванную.

Мужчины переглянулись: ох уж эти женщины!

Около шести вечера Алла объявила, что они с Алисой сходят в магазин — здесь недалеко — и проветрятся заодно. При этом она многозначительно и в то же время ласково посмотрела на Влада: теперь его выход, его часть операции и он не должен подвести. Влад, счастливый, коротко кивнул.

Он не стал растягивать «удовольствие». Когда за женщинами закрылась дверь, Влад сначала поковырялся в салате, потом встал и пошел открывать балконную дверь. Встрепенулся и Павел, но вида не показал.

— Жарко стало. Надо проветрить, — сказал Влад, обращаясь к Павлу, и вышел на балкон, не забыв «споткнуться» о корзину: — Понаставили тут корзин! Павел, не хочешь проветриться?

— Я не курю, — ответил Павел и начал лихорадочно соображать, что можно сделать: вот он, шанс, его нельзя упускать! Как ему повезло! Неужели повезло? И корзина действительно здесь, и в квартире только он и Влад. Надо действовать и быстро, пока не вернулись женщины.

— Так я тоже не курю, Паша. А жарко...

— Это ты переволновался, Влад, — пояснил Павел, направляясь к балкону. — Пожалуй, и я подышу.

— Тепло... Весной пахнет... Ой, что-то у меня живот прихватило. Извини, я в туалет.

— Бывает. Давай. А я еще немного постою здесь, — возбуждаясь от такой удачи, громко проговорил Павел. — Потом балкон прикрою.

Как только звякнула защелка в туалете, Павел нагнулся, схватил корзину, высунулся в окно застекленного балкона, огляделся: особого оживления во дворе не наблюдалось — суббота, выходной, да и темнеть начало. Павел поднял корзину и бросил ее вниз, зафиксировав, куда она приземлилась. Всё — теперь быстро одеться и уйти. Он начал разворачиваться к балконной двери и вдруг заметил движение: чья-то фигура промелькнула

возле подъезда.

В это время Алла с Алисой сидели в машине. Они тоже наблюдали за балконом, который выходил во двор. И видели, как вниз полетела корзина и упала на кусты, растущие возле подъезда. Но главное — они видели, как один из сидевших в засаде оперативников слишком рано решил занять более удобную позицию.

Алла узнала «быстрохода» — это был капитан Хорошилов.

«Ну конечно! Не терпится теляти хвост поймать! Черт, а если Павел его заметил? Придется, если он не появится минут через пять, подниматься в квартиру. Алиску с собой не брать», — быстро прокрутила в голове Алла.

Павел напрягся, взмок. Он, как загнанный зверь, почувствовал опасность. Теперь всё встало на свои места: и странное поведение жены, и это не менее странное и неожиданное приглашение в гости, и даже помолвка показалась ему фальшивой, ненатуральной. Но нет, он так просто не сдастся. Не на того напали.

Бешенство и злоба наполняли его, постепенно вытесняя все остальные чувства. Он прошел на кухню, взял подходящий нож и двинулся к туалету, где скрылся Влад. Теперь он понимал, что именно скрылся.

— Влад, — как можно спокойнее произнес Павел, — ты чего там, уснул?

Влад не знал, что делать: выходить или сидеть и не открывать дверь. И как бы не подвести Аллу.

По плану — Павел должен уйти из квартиры, чтобы взять корзину внизу и уехать. Конечно, ему бы не дали это сделать оперативники. Видимо, что-то пошло не так. Если он, Влад, не выйдет, значит, может сорвать операцию. Надо выходить.

— Да нет. Я сейчас, — ответил Влад. Он нажал на кнопку слива воды, выждал немного и открыл дверь.

Алла не стала больше ждать. Она приказала Алисе сидеть в машине, а сама сначала быстрым шагом, потом бегом ринулась к подъезду. За ней поспешили оперативники. Лифт, как назло, оказался занят. Хотя в нем мог находиться Павел, поэтому двое остались у лифта, а Алла с остальной группой захвата побежала по лестнице на свой третий этаж.

Влад шагнул в темном коридоре к Павлу. Он не успел спросить, почему не горит свет. Сильная умелая рука взяла его в захват, у горла оказался нож.

— Стой спокойно и не рыпайся! Ты мне не нужен. Сейчас дам тебе телефон. Позвонишь своей невесте и скажешь, чтобы подогнали к подъезду машину. И чтобы без фокусов! Иначе тебе, Владик, будет больно! Сначала, а потом... — Павел усмехнулся. — Ничего не будет.

Алла остановилась у дверей своей квартиры. Выдохнула. Сзади послышался грохот поднимающегося лифта. Она открыла замок ключом, потом распахнула дверь ногой, держа перед собой пистолет на вытянутых руках. В темном коридоре, подсвеченном светом из туалета и подъездной площадки, прямо перед ней стояли двое. Павел держал нож у горла Влада.

— Как оперативно! — воскликнул Павел. — И звонить не надо.

— Павел! Не делай глупостей! Отпусти Влада, — твердым голосом произнесла она, не

руки, державшие пистолет, направленный в сторону Павла, дрожали, и она ничего не могла с собой поделать. Глаза застилала то ли слезы, то ли пот от быстрого подъема. Нет, она не попадет. Она и выстрелить не сможет.

Влад виновато смотрел на нее. Только бы он не вздумал геройствовать. Она прицелилась. Попыталась прицелиться.

Вдруг совсем рядом, оглушив, раздался выстрел. И, как в замедленной киносъемке, она увидела падение Павла, отскочившего к стене Влада, увидела Алиску с открытым ртом, прорвавшуюся сквозь оцепление, оперативника Мишу, который пытается удержать Алису, капитана Хорошилова с пистолетом, подбегающего к лежащему на полу Павлу.

Алла наконец бросилась к Владу, на ходу распорядившись, чтобы вызвали врача.

А дальше всё закрутилось, как обычно при задержании.

Она плохо помнила этот отрезок вечера, все делала на автомате, а в голове крутилось одно: «Влад, ее Влад жив. С Владом ничего не случилось».

А иначе, как бы она жила после этого.

А еще была злость на Хорошилова: сначала он чуть не сорвал операцию, а потом начал стрелять — он мог попасть во Влада, мог промазать и опять же подставить Влада под нож.

И была злость на саму себя: никогда, ни под каким предлогом она больше не будет подвергать опасности своих близких.

Алла с Алисой сидели в студии передачи «Жди меня». Здесь скоро должны начаться съемки.

Прошло три недели с момента задержания Павла Лытникова. Почти всё это время он лежал в тюремной больнице. Пуля прошла через плечо навывлет, но задела артерию. Он потерял много крови. Сейчас начались допросы.

Алиска два раза приходила к нему на свидание, носила передачи. Она, кажется, смирилась, начала привыкать к своему положению «бумажной жены» — как сама однажды сказала Алле.

— Ал, смотри — выходят!

Раздалась команда «Тишина в студии!», свет направили на входящих в павильон ведущих — Александра Лазарева-младшего и Татьяну Арнтгольц. К ним подъехала камера.

— Арнтгольц какая стройная! А по телевизору полнее.

— Алиска, тише ты! А то выведут нас, — не удержалась Алла. — Телевизор полнит.

Мысли ее снова закрутились возле последнего дела. Она не испытывала к Павлу ненависти или какой-то особой неприязни. Она даже в разговорах не называла его преступником, хотя преступление он совершил, и тяжкое. Алла понимала, что Павел не закоренелый преступник.

«Синдром «отличника», «достигаторство» — любой ценой доказать себе и другим, что ты чего-то стоишь. Вот чего он хотел, и это стало его навязчивой идеей. — Алла вздохнула. — Скольких преступлений можно было избежать, если бы...»

— Ал, когда «наши» выйдут? Уже пятнадцать минут прошло.

— Сейчас выйдут. Самое интересное всегда в конце показывают.

— Ну да. Волнуюсь, как будто меня нашли, — без волнения сказала Алиса, явно гордясь тем, что «если бы не она...».

Алла немного «ревниво» отнеслась к тому, что не она, капитан полиции, а программа «Жди меня» разыскала дочь Александры Гергардт и позвонила туда Алиска. Но если бы не соседка той женщины, которая украла ребенка, то еще неизвестно, смогла бы редакция найти пропавшую девятнадцать лет назад девочку.

Но всё хорошо, что хорошо кончается. А в этом случае просто чудо свершилось, и не так уж важно, кто это чудо сотворил.

— Смотри, выходит! — Алиска вся превратилась в слух и не отрываясь смотрела на сцену.

Оператор крупным планом взял присевшую на краешек дивана, сильно волнующуюся Александру Васильевну. Ведущая Татьяна Арнтгольц подседа к ней, взяла за руку, чтобы успокоить. Александр Лазарев начал коротко излагать события, случившиеся в сентябре девяносто девятого года, периодически давая слово героине программы.

На большом экране показали улицу и магазин, куда пошла за хлебом и молоком молодая мамаша. Показали деревья, где она оставила коляску с ребенком. Даже нашли похожую коляску и показали ее под одним из деревьев.

— Надеюсь, они не будут показывать, как женщина крадет ребенка! — не удержалась от восклицания Алла, она перед передачей ездила на квартиру к Александре Васильевне, чтобы подготовить ее, настроить. — Гергардт только из больницы.

Несмотря ни на что, телевизионная передача есть телевизионная передача, и у нее свои законы.

Ведущий уже начал рассказывать о том, как к ним на передачу обратилась Полина Андреевна Власова, соседка, с просьбой найти настоящую мать.

Затем вышла сама Полина Андреевна, женщина шестидесяти лет, пенсионерка.

Камера взяла ее крупным планом.

Полина Андреевна, смущаясь, поздоровалась, прошла и села на диванчик, расположенный немного сбоку от главной героини программы.

Ведущий начал задавать ей вопросы.

Полина Андреевна рассказала и про свою соседку Валентину, и про то, как та, умирая, поведала ей тайну появления дочери, и про то, как спустя месяц после похорон решила рассказать всё дочери умершей — Аленке.

На экране показали улицу загородного поселка, дом Полины Власовой, ее саму и интервью с ней.

Алла не смотрела на экран — она была в этом доме, разговаривала с Власовой, — сейчас она волновалась за свою подопечную. Хоть бы успокаивающее дали. Вдруг сердце не выдержит.

Татьяна Арнтгольц, как будто услышав Аллу, подала стакан воды Александре Гергардт.

Приближалась кульминация — выход Алены (Ольги), дочери Александры Гергардт, родившей ее, и дочери Валентины Савушкиной, воспитавшей ее.

Камера скользнула по трибунам, показала напряженные, ожидающие лица зрителей.

Женщины едва сдерживали слезы. Алла опустила голову — ни к чему ей светиться на всю страну и вообще следствие еще идет. По этой же причине решили не рассказывать на передаче о звонке Алисы. Действа и так хватает, а то бы еще на две передачи растянули.

Наконец вышла Алена, растерянная, оглушенная свалившимися на нее событиями: смерть мамы, появление другой мамы, телевизионная передача. Она несмело подошла к диванчику, где сидела Александра Васильевна и остановилась, не зная, что делать.

Телевизионщики в процессе подготовки передачи, конечно, сделали анализ ДНК — вдруг ошибка, вдруг это не мать и дочь. Но Гергард со своей сверхинтуицией и экстрасенсорными способностями и без анализа ДНК поняла, что это ее дочь.

Александра Васильевна хотела броситься к дочери, но ведущая взяла Алену за руку, усадила на тот же диванчик, где сидела Гергардт, и сама села между ними, держа обеих за руки.

На экране показали дом, где живет Алена, теперь уже без матери. У нее тоже взяли интервью: думала ли она когда-нибудь, что неродная? Может, соседи говорили, что не похожа на мать? Как они жили?

Алена отвечала односложно: ничего такого не было и жили как все.

Алла беседовала и с Аленой. Просила участкового присмотреть: девчонка молодая, одна в доме. Плохо, что колледж бросила. Ну, это можно понять: деньги нужны, а помогать некому.

В студию пригласили эксперта с результатами ДНК. Сейчас всё прояснится. Девушка в белом халате стала медленно вынимать из конверта листок с заключением. Возникла пауза. В зале стояла полная тишина. Камера показала лица зрителей и героев передачи, потом крупным планом лицо эксперта. Та начинала читать заключение. В конце эксперт снова сделала паузу и уже громче, медленно и торжественно признесла:

— Вероятность того, что Александра Васильева Гергардт и Алена Игоревна Савушкина являются родственниками, составляет девяносто девять и девять процентов!

Зал заахал, многие женщины начали вытирать слезы. Ведущая встала, чтобы дать обняться близким людям.

Операторы делали крупные и дальние планы, при этом постоянно возвращаясь к плачущим матери и дочери.

Потом ведущие встали рядом, чтобы закончить передачу.

Зазвучали финальные слова:

— Ищите друг друга, что бы ни случилось.

Алла посмотрела на заплаканную Алису.

— Пошли, подруга! Если бы не ты... — решила польстить она Алиске.

— Да. Так всё повернулось... А жаль, что нас не сняли.

— Да как-то я не жажду всемирной славы.

— В сухой тени летать хочешь?

— ?..

— Это перевод китайской инструкции по уходу за китайским же пуховиком, — смеясь, победно ответила Алиса.

— Ну, Алиска!.. — засмеялась и Алла. — Ты без машины? Давай я тебя подвезу.

— Без. Сломалась моя машуня.

Ехали не быстро, часто останавливались — пробки.

Увиденное на передаче каждая переживала по-своему.

— Знаешь, а мне больше нравилось, как вела «Жди меня» Мария Шукшина. Она намного колоритнее.

— Ну-у, Шукшина... да. А вообще, эту передачу кто только не вел! Главное — что она выходит, что люди ищут и находят друг друга.

— Да, находят... А ты какое платье на свадьбу будешь покупать?

— Вот спросила! Да я еще не знаю, будет ли свадьба. Ну конечно, не белое и без фаты.

Помолчали.

— И я так и не поняла: тебе понравился мой... наш подарок?

— Конечно! Я давно хотела купить красивую чайную пару. У меня вся посуда разномастная, еще от родителей кое-что осталось. С дачи целую коробку привезла. Всё никак не разберу.

Алла вдруг поняла, что Алиска задает вопросы — лишь бы не молчать, что она совсем не хочет возвращаться в свою пустую квартиру, что ей одиноко и тяжело, хотя она держится. Павлу светит не меньше «десятки». Будет она его ждать? На этот вопрос, скорее всего, никто бы сейчас не ответил, даже сама Алиса.

— А поехали ко мне, Алис? Влада не будет. Посидим, переночуешь.

— А куда это твой благоверный делся?

— Да отправили его в поля. Вернее, сам вызвался, он же геолог. Скоро приедет.

— Ты смотри, разъезжает, а предложение не делает! Да, еж — птица гордая... пока не пнешь, не полетит.

— Ох, Алиска, ты неисправима! — засмеялась Алла, разворачивая машину. — Нашла ежа!

Неожиданно пошел снег. Густой, крупными хлопьями. Он как будто хотел забелить,

закрывать и печальные, и радостные страницы этого непростого дела. Он как будто хотел увидеть новые следы. На белом.

Лыжня петляла по роще. Березы то расступались, то сходились вдали.

— Влад! Как хорошо, что ты меня вытащил за город. Как здесь красиво! — Алла едва поспевала за своим спутником. — Давно я не каталась на лыжах.

— Давай, давай! Не отставай! — засмеялся Влад и обернулся.

Алла остановилась.

— Слушай, ну всё. Я отдыхаю.

— Эх ты! И километра не проехали, — разочарованно протянул Влад и тоже остановился.

Они постояли и медленно пошли рядом.

— Может, Алису надо было с собой взять? Как она?

— Привыкает к своему положению «бумажной жены». Павлу дадут лет двенадцать. А Супонин, тот, что и заварил всю эту кашу с сокровищем, пошел свидетелем.

— Почему?

— Вовремя притормозил, — хмыкнула Алла. — Вывернулся. Опять же, сотрудничал со следствием.

— Спуск впереди. Прокатишься или упасть побоишься? — стал подначивать Влад.

Спуск был небольшим и, главное, некрутым.

— А вот поеду! И не упаду. Не дождешься! — засмеялась Алла и решительно приблизилась к спуску. — Я первая. Ты за мной, но не сразу.

— Как скажете, товарищ оперативник!

— Старший оперативник, — поправила Влада Алла и, согнув ноги в коленях, оттолкнулась палками.

— Йо-го-го! — закричал ей вслед Влад, потом, убедившись, что его любимая благополучно одолела спуск, сам ринулся вниз.

Не доезжая метров пяти до своей спутницы, он неловко повалился на бок.

— Влад! Ты в порядке? — забеспокоилась Алла.

Влад не отвечал. Он лежал с закрытыми глазами.

— Влад! — Алла начала быстро отстегивать свои лыжи. Потом подбежала к нему, нагнулась: — Влад!

Влад схватил ее и притянул к себе.

— Влад, дурачок! Напугал! — проговорила счастливая Алла, не очень-то и отбиваясь от «захватчика». — Вставай! Еще немного покатаемся.

Они петляли по березовой роще, останавливались отдыхать, кидались снежками — время как будто остановилось для них.

Потом в машине пили чай и ели бутерброды.

Возвращались домой, когда уже начало смеркаться.

— Какой воздух! Давай еще как-нибудь выберемся. — Алла посмотрела на задремавшего Влада.

— Да хоть каждые выходные.

— Выходные... Не хотела тебе сразу говорить, чтобы не сглазить. Но я возвращаюсь в свой отдел, на ту же должность.

— А капитан Хорошилов? — удивленно спросил Влад.

— Он уже подал рапорт о переводе. Подыскал местечко потеплее.

— А я всё хотел спросить... я не понял про корзину... про корзины.

— А, — Алла улыбнулась. — Всё просто: когда я узнала от Супонина, где находится драгоценность и заметила слезку, то решила опередить следивших. Помнишь, послала тебе эсэмэску, чтобы ты отдал Илье мою корзину, привезенную с дачи? А Илье послала эсэмэску, чтобы он взял у тебя корзину и отвез ее в квартиру к Гергард — заменил на ту корзину, что стояла у нее на шифоньере, и как можно быстрее. Потом он остался возле дома наблюдать, кто приедет за корзиной, и проследить, куда эту «фальшивую» корзину повезут. Хорошилов тоже послал своего человека забрать корзину и подменить другой, думая, что опередил меня. Илья во время слезки опознал Хорошилова, но и Хорошилов узнал Илью. Но капитан выкрутился — кто бы сомневался. А потом мы с Грибовым устроили цирк в отделе. Хорошилов-то думал, что это именно та корзина. Н-да... Хорошо, что Супонин в машине дал мне прочитать копию документа, а не стал пересказывать его вслух. Тогда я могла бы и не успеть.

— Поздравляю!

— Спасибо... Знаешь, так и не отпускает меня это дело. Думаю, какая судьба и у Гергардт — ее же тоже воспитывала неродная мать, и у ее дочери — тоже жила не со своей мамой.

— Как они — поладили?

— Вроде всё хорошо, привыкают друг к другу. Александра Васильевна предложила Алене пожить у нее. Дом можно сдавать. Алена восстановилась, учится. Сын Гергардт не одумался, к сожалению, пьет, как и его жена. Поэтому начали оформлять лишение родительских прав. Бабушка возьмет над внуком опеку. Она не старая еще. И вообще, за этот месяц, как дочь нашла, кажется, что помолодела лет на десять. Откуда только силы взялись! Теперь ей надо двоих поднимать.

— А она видела колье?

— Да. И, по-моему, больше жалела о разрезанной корзине — память. А к колье отнеслась как геолог. Чисто профессиональный интерес: посмотрела, потрогала камни, сразу определила, что это изумруды, дольше разглядывала бриллиант, попросила лупу. Только и всего. — Алла помолчала, потом продолжила: — Вот ведь: хочешь узнать свое будущее — загляни в свое прошлое, в прошлое своей семьи. А знаешь, — она лукаво посмотрела на Влада, — моя мама два раза выходила замуж...

— Понял. Я ведь тогда от волнения только кольцо тебе подарил, а главных слов не сказал, да и вообще... — Влад повернулся и, волнуясь, произнес: — Будь моей женой.

— Да! — торжественно ответила Алла и припарковала машину — неудобно одновременно выходить замуж и следить за дорогой.

Больше книг на сайте - Knigoed.net